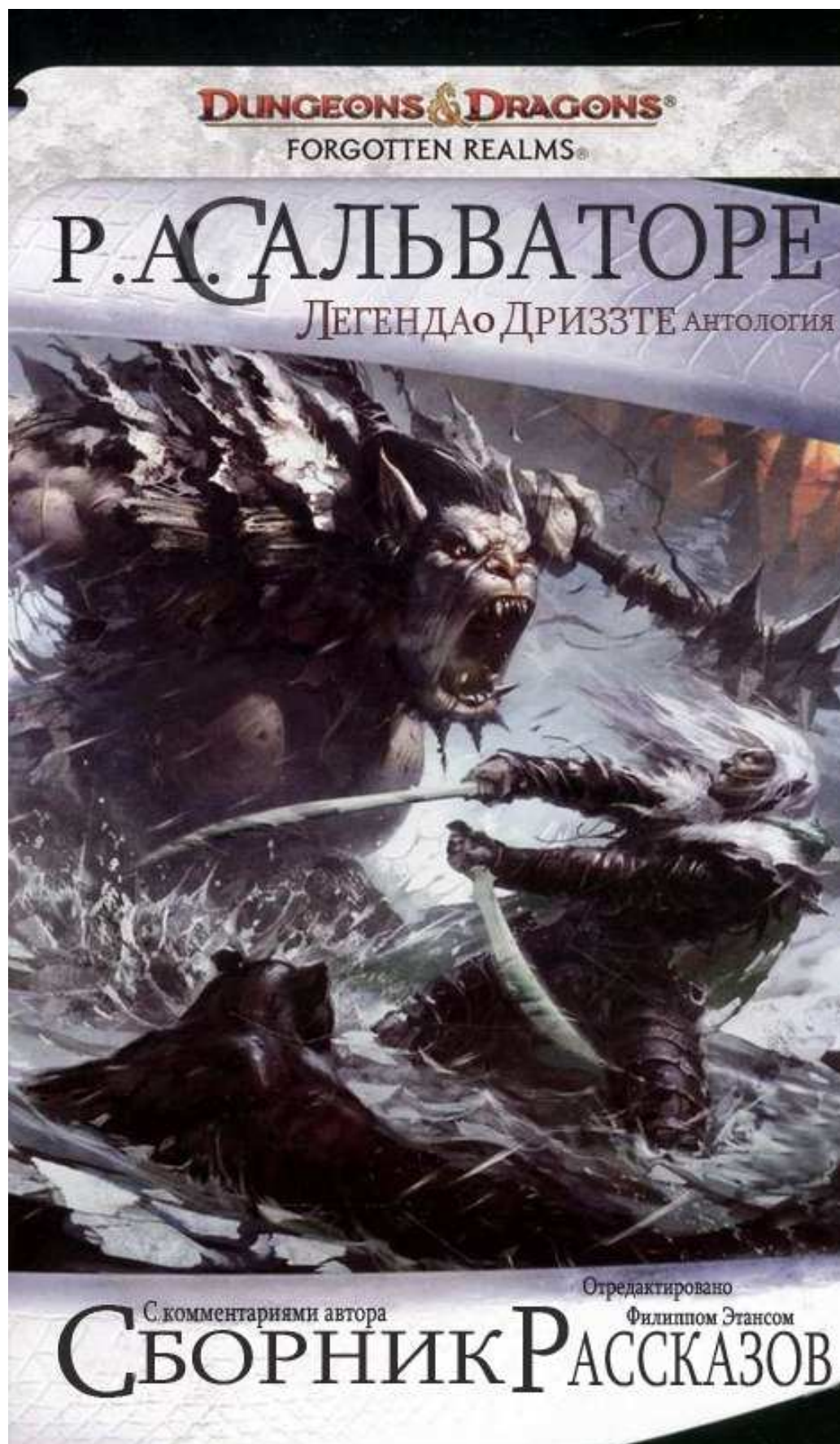

Антология «ЛЕГЕНДА О ДРИЗЗТЕ»
Автор РОБЕРТ САЛЬВАТОРЕ

АННОТАЦИЯ

Классические рассказы, дополняющие эпическую серию "Легенда о Дриззте".

Годами в рамках серии в антологиях "Забывтых Королевств" и в журнале "Dragon™" выходили рассказы о жизни знаменитого дроу и его друзей. Впервые под одной обложкой эти классические истории — и одна не публиковавшаяся прежде!

Происхождение пантеры Дриззта, рассказ о том, как впервые Энтрери и Джарлаксл встретились с драконьими сестрами, и прочее.

Перед каждым рассказом Роберт немного рассказывает о том, как писал эту историю.

О ПЕРЕВОДЕ

Перевод выполнен командой форума «Долина Теней» (shadowdale.ru), посвящённого переводам художественной и игровой литературы по сеттингу Dungeons & Dragons “**Forgotten Realms**”.

Команда переводчиков:

**VERHANNA, DAMMERUNG, HABILIS, ROBIN, MORINARO,
АННАНЭЙРА, UNNAMED, MAR4UK, NOREN THEL, GJALLARHORN**

Главный редактор: GJALLARHORN

Русская обложка: ELEDHWEN

Вёрстка и форматирование: ELSTAN

Обо всех замеченных неточностях или ошибках просьба сообщать редактору в ЛС через форум «Долина Теней». Если Вам понравился перевод, просто зарегистрируйтесь и скажите «спасибо» — этого будет достаточно. ;-)

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРВАЯ ЗАЗУБРИНА	4
ТЁМНОЕ ЗЕРКАЛО	13
ТРЕТИЙ УРОВЕНЬ ОБМАНА.....	32
ГВЕНВИВАР	45
ПРЕДАННЫЙ МЕЧ.....	60
СВЕЧА БЕЗ ФИТИЛЯ.....	71
СТАРТОВЫЙ ВЗНОС	89
ДРУЗЬЯ ПОЗНАЮТСЯ В БЕДЕ	101
ЕСЛИ БЫ ОНИ НАТКНУЛИСЬ НА МОЁ ЛОГОВО	126
КАМНИ И КОСТИ	154
ИРУЛАДУН.....	166
ПУТЬ К ПРАОТЦАМ.....	181

ПЕРВАЯ ЗАЗУБРИНА

Изначально опубликован в журнале *Dragon* №152
TSR, Декабрь 1989

Это мой первый опубликованный рассказ, написанный в те памятные дни вскоре после того, как я стал профессиональным писателем. Тогда я ещё работал в финансовом отделе компании высоких технологий. Первые два романа о Дриззте, *Магический кристалл* и *Серебряные стрелы* уже готовенькие лежали на полках, и я работал над третьей частью, когда мне вдруг представился случай сотворить рассказ для журнала *Dragon*. Конечно, я ответил да. (Я обожал *Dragon* и хотел поработать с Барб Янг, которая в то время была там редактором). Как начинающий писатель, я, наконец, получил шанс выразить через рассказы все свои накопленные идеи.

Если честно, я писал и не мог остановиться!

Именно это, помимо всего прочего, побудило меня к написанию «Первой зазубрины». Я хотел рассказать историю, которая бы выдвигала на первый план Бруенора. Я полюбил этого персонажа, который в романах всё время держался в тени Дриззта. Дополнительным мотивом для меня послужило желание раззадорить читателя. В конце Серебряных потоков Бруенор якобы встречает смерть, поэтому данный рассказ (умышленно) как бы посвящался нашему погибшему другу.

Другим мотивом послужило то, что меня непрестанно очаровывала культура dwarфов, как и произношение кокни, которое я им привил. В те времена я был увлечён чтением Брайана Джейкса, немало дивясь его таланту использовать диалекты, да и, чего греха таить, мне хотелось немного с этим поиграть. И данный рассказ дал мне такую возможность. В нём dwarфы разговаривают, спорят и подбадривают других dwarфов так, как это свойственно исключительно dwarфам.

Вдобавок к этому, ближе к концу рассказа мы встретим его девиз: «Честь превыше гнева». В то время я не вполне отдавал себе в этом отчёта, но он стал переломным моментом загадки Бруенора наряду с выходом в свет книг Легенд о Дриззте, особенно когда сюжет коснулся Пакта гарумнского ущелья и когда Бруенор был вынужден благоразумно пойти на сделку с королём Обольдом. Честь превыше гнева, прагматизм превыше страстей — когда это касается клана возглавляемого Бруенором. Перечитывая рассказ сейчас, я поражаюсь тому, в какой же степени каждый персонаж этих Кавалеров Зала закрепился в моём подсознании, что даже спустя более двадцати лет во мне сохранились их образы.

ПЕРВАЯ ЗАЗУБРИНА

(перевод – Verhanna)

– Всё взяли? – спросил коренастый молодой дварф, поглаживая безбородое лицо.

Хардрин и Йорик, двое его младших сородичей, кивнули, опустив мешки на пол. Те громко лязгнули, ударившись о камень. Стены пещеры отразили гулкое эхо.

– Тише, чтоб вас! – шикнул Фелдегар, четвертый член маленькой группы. – Гарумн нам головы оторвет, если узнает!

– Гарумн и так обо всём узнает после нашего возвращения, – ответил Бруенор, хитро подмигнул и улыбнулся, рассеяв возникшую напряженность. – Вот тогда и будем беспокоиться. А сейчас не надо тратить время впустую.

Хардрин и Йорик принялись доставать из мешков доспехи и оружие.

– Достал для тебя с пенной кружкой, – гордо сказал Хардрин, вручая Бруенору начищенный до блеска щит.

– Теперь я прям как отец! – рассмеялся тот, поражаясь хитрости младших кузенов.

Бруенор надел тяжелый щит на руку и поднял принесённый с собой новёхонький топор. Внезапно в голове возник серьезный вопрос: достоин ли он носить щит, украшенный пенной кружкой – гербом клана Боевых Молотов? Он едва справил середину третьего десятилетия и всё еще чувствовал себя ребёнком, особенно когда вспоминал своё лицо без малейших признаков бороды. Бруенор отвернулся, чтобы скрыть предательский румянец смущения.

– Четыре комплекта? – удивился Фелдегар, осматривая грудку снаряжения. – Нет! Вы оба остаётесь. Ещё слишком молоды для битв!

Хардрин и Йорик бросили на Бруенора беспомощный взгляд.

Замечание Фелдегара было обоснованным, Бруенор это понимал, но проигнорировать несчастные взгляды кузенов и усилия, которые они приложили, чтобы достать всё необходимое, он просто не мог.

– Ребята правы, нам нужно именно четыре комплекта, – рассудил Бруенор.

Фелдегар бросил на него сердитый взгляд.

– Йорик, пойдешь с нами, – сказал Бруенор, пристально глядя молодому дварфу в глаза. – А для тебя, Хардрин, у меня есть более важная работа, – подмигнул он самому младшему из четвёрки. – Дверь за нами должна быть заперта, – пояснил он. – Нужен тот, кто сможет быстро её открыть. И, что не мало важно, ещё быстрее придумывать ответы на вопросы любого, кто может сюда забрести. А ведь самый скорый на язык это у нас ты. Ну, как, справишься?

Хардрин с энтузиазмом закивал, ощутив свою значимость. Хотя, сказать по правде, он с радостью отправился бы вместе с остальными.

Но Фелдегар не желал успокаиваться.

– Йорик слишком молод, – ворчал он.

– Это по-твоему. А по мне – нет, – парировал Бруенор.

– Я здесь главный! – крикнул Фелдигар.

– Главный здесь Бруенор! – хором отозвались Йорик и Хардрин.

Глаза Фелдигара налились злобой.

– Его дед был королем, – продолжил рассуждать Хардрин.

Фелдигар задрал подбородок и ткнул пальцем в начавшую пробиваться бородку.

– Видите это? Бакенбарды! Значит, главный – я.

– Ох, да ты не старше Бруенора, – заметил Йорик. – А он – из Боевых Молотов, второй претендент на трон. В Мифриловом Зале правят Боевые Молоты!

– Тут тебе не Мифриловый Зал, – угрюмо возразил Фелдигар. – А за границы королевства власть Гарумна не распространяется. Здесь главный тот, у кого борода.

Бруенор сдержался от язвительных комментариев, хотя и был задет очередным упоминанием о своем безволосом лице. Он понимал всю опасность их предприятия и не собирался позволить ему закончиться из-за мелких дрызг ещё до начала сражения.

– Ты прав, Фелдигар, – признал он к изумлению и разочарованию Йорика и Хардрина. – В туннеле поведешь ты. Но пока мы на земле Мифрилового Зала, здесь команду я. Хардрин охраняет дверь, а Йорик идет с нами.

Несмотря на свою браваду, Фелдигар был достаточно умен, чтобы понять, когда следует остановиться. Он мог сколько угодно кричать и тыкать в свою бороду, но никто за Фелдигаром не пойдет, коль против него в открытую выступит Бруенор.

– Тогда давайте начнём, – буркнул он, отодвигая железный засов тяжелой каменной двери.

Бруенор схватил железное кольцо на двери и мысленно представил (далеко уже не впервые) путь, который они собирались пройти. Из пяти взрослых dwarфов, ушедших исследовать этот туннель, возвратился только один. А его рассказы вызывали мурашки даже у закалённых бойцов клана Боевого Молота.

И теперь Бруенор со своими юными друзьями, ни один из которых даже рядом не стоял с теми закалёнными бойцами, решили взять на себя миссию по очистке туннеля и отомстить за погибших.

Бруенор подавил дрожь и потянул за кольцо. Дверь открылась, впуская поток спёртого воздуха. Впереди зияла тьма. Dwarфы провели под землей всю свою жизнь, туннели были для них домом, но этот казался темнее прочих, а его спёртый воздух действовал угнетающе.

Фелдигар снял со стены факел, но его свет лишь слегка рассеял мрак туннеля.

– Жди, пока мы не скроемся из вида, – проинструктировал он Хардрина. – Потом запри дверь! Три удара, потом еще два – условный знак, что это мы.

Фелдигар собрался духом и повёл друзей за собой.

Впервые Хардрин был искренне рад остаться сзади.

Свет факела показался путникам жалким и еле видимым, стоило каменной двери гулко захлопнуться за их спинами. Валуны и камни так и норовили попасться под ноги, с низкого потолка свисали сталактиты, а из-за каменных подпорок приходилось совершать бесконечные повороты, за каждым из которых мерещились пещерные монстры, готовые кинуться на друзей.

Йорик взял с собой приличный запас факелов, но когда потух второй и начал догорать третий, решимость dwarфов начала давать трещины. Найдя плоский камень, они присели на него, решив сделать первый привал.

– Черт бы всех побрал! – рычал Фелдигар, почёсывая натёртую ногу. – Три часа бродим, и хоть бы один монстр! Я начинаю сомневаться в правдивости рассказов.

– А я – в твоём здравомыслии, – сказал Йорик. – Двухголовый эттин убил четверых, и это не выдумка!

– Тише вы! – шикнул Бруенор. – Факел и так выдаёт нас с потрохами, а на ваш крик сюда вообще сбегутся все монстры Подземья!

– Вот ещё! – фыркнул Фелдигар. – Если твой отец действительно принц, может он сам сюда спустится и прикончит тварь?

Глаза Бруенора опасно сузились. Но он не собирался затевать драку из-за слов Фелдигара. Не здесь и не сейчас.

– Бангор сам хотел срубить монстру голову, – возразил Йорик. – Только после того как уйдут торговцы из Сетлстоуна, и у него появится время.

– И когда эттин уберётся восвояси?

Когда они вернутся в город, Фелдигар ответит за оскорбление собственными зубами, но сейчас Бруенор решил оставить всё как есть. Он знал, что его отец Бангор и король Гарумн правильно поступили, перекрыв туннель тяжёлой дверью до той поры, пока не смогут бросить на борьбу с эттином все силы. Любой эттин был опасным противником – двухголовый гигант, чувствующий себя в тёмных туннелях даже комфортнее, нежели дварфы. Спешка и неосторожность – не лучшие союзники в борьбе с таким монстром. И всё-таки он здесь, в сопровождении всего двух друзей, ни одному из которых ещё не довелось побывать в настоящем сражении.

Снова Бруенор ощутил, что на него накатывают волны страха. Но он напомнил себе, что является не кем-нибудь, а дварфийским принцем. Он сам, и его друзья провели бесчисленные часы на тренировках. Оружие легко лежало в их молодых руках. К тому же, троица неплохо разбиралась в военной тактике.

– Ну, продолжим путь, – предложил Бруенор, беря в руки факел.

– Когда мы отправимся, решаю я, – резко ответил ему Фелдигар. – Я лидер.

Бруенор бросил ему факел.

– Тогда веди!

– Дварфы! Дварфы! – радостно визжал Сниглет. – Всего трое!

– Шшш! – Жаборыл толкнул его на землю. – Пятеро на трое. Мы их видим, а они нас – нет.

Злая усмешка исказила лицо большого гоблина. Он спустился в этот тёмный туннель из гоблинского города, чтобы ограбить логово эттина, хотя по правде, Жаборыла слабо окрыляла подобная вылазка. Из прошлых экспедиций гоблины если и возвращались, то меньше, чем в половине случаев. То-то будет рад гоблинский король, когда он принесёт ему три головы ненавистных дварфов!

Факел все еще был смутно различимым пятнышком света, но он приближался.

Жаборыл ткнул пальцем в самого крупного из подчинённых.

– Скройся в боковом туннеле, – приказал он. – Когда они пройдут его, нападай. А мы ударим спереди.

Гоблины начали медленно и тихо рассредотачиваться, радуясь, что дварфы выдают себя зажжённым факелом.

А они нет.

Туннель стал достаточно широк, чтобы по нему свободно могла идти шеренга из десяти дварфов. Потолок тоже стал изрядно выше.

– Достаточно высоко, чтоб прошел гигант, – мрачно заметил Бруенор.

Троица перемещалась классическим строем дварфов: Фелдигар с факелом в центре, а Йорик и Бруенор на флангах. Лидер отряда задавал темп, остальные шли, прижавшись спинами к стенам туннеля, оборачиваясь только затем, чтоб глянуть

куда ступают. Таким образом, обязанностью Бруенора было прикрывать Йорика и наоборот. Оба внимательно вглядывались в стену, вдоль которой шёл компаньон.

Бруенор, шедший по левую руку от Фелдигара, первым заметил боковой проход в правой стене. Он подал своим компаньонам сигнал остановиться. Бруенор и Фелдигар ждали, пока Йорик спрячется за выступающим камнем, и продолжили путь по главному коридору, будто бы не заметив нового прохода.

Ожидаемая засада появилась прежде, чем они успели сделать несколько шагов.

Йорик толкнул выскочившего из коридора большого гоблина на пол и, стоило тому попытаться подняться, треснул молотом по затылку.

Впереди завопили гоблины и, метнув копья, кинулись на dwarфов.

Бруенор кинулся навстречу, прикрывая Фелдигара.

Он видел, как первое копьё влетело в освещенный факелом участок коридора, нацеленное в его младшего сородича, и нырнул перед Йориком, отбив смертоносный снаряд щитом. Продолжив падение, молодой dwarf откатился в безопасность за выступающим участком стены, возле ответвления туннеля.

Фелдигар не медлил. Понимая, что главная угроза движется спереди, он швырнул факел под ноги наступающим врагам и пустил в ход арбалет.

Оказавшись на свету, гоблины с воплями кинулись в тень, прячась за камнями и сталагмитами.

Болт Фелдигара пронзил сердце одного из них.

– Мерзкие dwarфы, – прошипел Сниглет, подползая к Жаборылу. – Они знали, что мы здесь!

Жаборыл оставил меньшего гоблина за спиной и задумался над сложившейся ситуацией.

– Убегаем? – спросил Сниглет.

Жаборыл сердито покачал головой. Обычно бегство являлось предпочтительным вариантом действий, но он понимал, что сейчас привычный маневр не поможет.

– Король свернёт нам шеи, если мы вернемся с пустыми руками, – рыкнул он на подчиненного.

– Что у нас? – шепотом спросил Фелдигар Бруенора. Оба притаились в трещине в стене туннеля.

– Одно Йорик всё ж поймал, – ответил принц dwarфов.

Постанывая, Йорик осел возле Бруенора за выступающим камнем. Второе копьё задело его бедро.

– Он ранен, – шепнул Бруенор, надеясь, что его услышит только Фелдигар.

– Я могу драться! – воскликнул Йорик.

– Замечательно, – буркнул Фелдигар, вспоминая, что был против того, чтобы юный dwarf шел с ними. Впрочем, он так ничего и не сказал, вспомнив, что именно Йорик нарушил гоблинскую засаду и, вероятно, спас ему жизнь.

– Сколько их там? – спросил Бруенор.

– Четверо, – ответил Фелдигар и добавил с мрачной усмешкой. – Но один смылся. Струсил.

– Теперь трое на трое, чертовы дварфы, – крикнул им Жаборыл.

Фелдигар запустил на звук камень. Чиркнув по стене, снаряд пролетел рядом с носом большого гоблина. Дварф улыбнулся.

– Чёртовы дварфы!

Бруенор тщательно обрабатывал неприятную рану младшего родича, пока Йорик возился с трутом и факелами, собираясь лишить гоблинов их главного преимущества – темноты.

Потянулись минуты, во время которых обе стороны выискивали слабости противника для последующего нападения.

– Возьми факелы, – шепнул Бруенор Йорику. – Возможно, придётся здесь задержаться.

Принц дварфов понимал, что время на стороне гоблинов. Дварфы могли перемещаться в темноте, но большую часть жизни проводили в освещенных факелами туннелях. В то время как гоблины прекрасно ориентировались в темноте глубинных пещер. Стоит факелам догореть, и они ударят.

– Надолго ли хватит ваших факелов, тупые дварфы? – издевался Жаборыл, очевидно тоже осознавший своё преимущество.

– Захлопни пасть! – рявкнул Фелдигар, швырнув другой камень, чтобы подкрепить аргумент.

Бруенор взглянул на кузена и всерьёз задумался над отступлением. Но с раненым Йориком подобный маневр был невозможен. Даже если удастся незаметно ускользнуть, гоблины их скоро настигнут. Бруенор видел всего один выход, хотя и он больше походил на призрачную надежду. Принц дварфов мог бы, таясь в тени, перелезть через выступ скалы и, пройдя по найденному ими ответвлению, снова вернуться в главный туннель прямо перед гоблинским отрядом. Хотя тогда он подставит себя прямо под залп копий.

– Жди здесь и будь готов, – сказал Бруенор Йорику.

Молодой дварф кивнул, сжал боевой молот и постарался перенести вес на здоровую ногу, чтобы сразу же рвануться, когда начнется бой.

Бруенор пополз вперед, но замер, услышав голос Жаборыла.

– Пламя гаснет, глупые дварфы, – поддразнил гоблин надеясь, что этим сможет склонить противников к бегству. Он искренне полагал, что ограбить логово эттина будет куда безопаснее, чем продолжать сражаться с дварфами.

Бруенор облегченно вздохнул, поняв, что остался незамеченным. Он оставил главный коридор за спиной и ступил в замеченное ранее ответвление. Пока всё шло неплохо.

Через несколько шагов коридор начал круто спускаться вниз и вывел дварфа во тьму огромной пещеры. Бруенор мог только догадываться о её размерах. Внезапно молодой дварф похолодел, вспомнив, что выживший участник первой экспедиции рассказывал об отходящем от основного пути туннеле. И если гоблины пришли с одной стороны главного коридора, а Бруенор с друзьями с другой...

– Пора... – услышал он низкий голос из глубины пещеры.

– ...обедать! – завершил второй.

– О, черт! – сплюнул Бруенор и кинулся назад к Йорику.

– Эттин? – задал тот риторический вопрос. Он тоже слышал голос монстра и всё понял.

– Что делать, Бруенор? – осторожно спросил Фелдигар со своей стороны туннеля. – Факелы почти догорели.

– Время... – ответила за принца одна из голов монстра.

– ...обедать! – прорычала другая.

– Чёрт возьми! – слышался голос Жаборыла.

Бруенор понимал, что битва с гоблинами подошла к концу. Они сбегут, стоит эттину подойти ближе. И dwarфы поступят мудро, последовав их примеру. Но как быть с Йориком? В голову Бруенора пришёл отчаянный план.

– Доставай луки, – сказал он Фелдигару. – Мой, Йорика... все!

Дварф лгал, поскольку никаких луков у друзей не было и в помине.

– Гоблины побегут, стоит эттину подойти. Будем стрелять им в спины.

Фелдигар кивнул, поняв, в чем суть плана.

– О, для гоблинов у меня всегда припасена парочка стрел, – громко рассмеялся он, зная, что Бруенор хочет, чтобы гоблины осознали опасность в полной мере.

– Вижу свет! – приближался эттин.

– Здесь свет! – ответил он себе же.

– Погодите, чёртовы dwarфы! – закричал Жаборыл. – Двухголовый приближается!

– Договоримся? – предложил Бруенор.

– Что ты хочешь? – спросил Жаборыл.

– Перемирия.

– И бежим?

– Не бежим, – рявкнул Бруенор. – Сражаемся!

– С двухговым?! – завопил Жаборыл.

– Ну, беги, получишь стрелу в спину! – напомнил Фелдигар гоблину.

Загнанный в ловушку Жаборыл осторожно вышел из-за своего укрытия и направился к углу, в котором притаились Бруенор и Йорик. Принц dwarфов обошел выступ стены и встал перед гоблином.

– Мы с тобой будем драться с чудищем, – прошептал он Жаборылу и, кивнув на Фелдигара, добавил. – Вот приманка.

Следуя плану, Фелдигар уже прижался спиной к стене напротив входа в ответвление, готовый встретить эттина.

Жаборыл махнул сородичам, и скривившийся от отвращения Сниглет занял место возле Фелдигара. Один из гоблинов, испугавшись, унесся во тьму туннеля.

Фелдигар поднял арбалет и зарычал.

– Стой! – остановил его Бруенор. – Пускай несчастная крыса убирается. У нас есть противник посерьёзнее.

Фелдигар снова зарычал и перевел взгляд на Сниглета. Тот вжался в стену.

– Стой спокойно! – приказал dwarф.

Он стукнул гоблина по голове стрелой и указал на проход в стене.

– И будь готов к атаке!

– Я на левую ногу, ты на правую? – спросил Бруенор Жаборыла.

Большой гоблин кивнул, хоть и не был уверен, где какая.

В коридоре слышалось, как тяжело топнула нога. Затем другая. Бруенор напрягся и постарался успокоить дыхание.

Эттины в этом районе Королевств со временем становились все крупнее, но этот был гигантом даже по местным стандартам. Монстр возвышался над землей на четыре с половиной метра, а из-за непомерно широких плеч едва помещался в коридоре. Даже бесстрашный Фелдигар задохнулся при виде эттина, особенно заметив, что чудище в каждой руке сжимает по грозной шипастой дубине.

– Гоблин! – завопила одна из голов.

– Дварфийское мясо! – отозвалась другая.

– Гоблин! – продолжала настаивать первая.

– Гоблины, опять гоблины! – жаловалась вторая. – Хочу мяса dwarфа!

Эттин заколебался, давая Фелдигару время опомниться и завершить глупый

спор.

Щелкнула тетива на арбалете дварфа, и стрела вонзилась в ребра монстра. Голодный эттин устался на нахального дварфа обеими головами и ухмыльнулся.

– Мясо дварфа! – проревели головы в унисон, и гигант помчался вперед.

Одним большим скачком он оказался в коридоре.

В тот же миг атаковал Жаборыл. Он прыгнул на ногу эттина, нанося своим коротким мечом мелкие, но болезненные раны. Одна из голов чудища окинула его любопытным и даже несколько удивленным взглядом.

Как только в коридоре появилась вторая нога монстра, Бруенор ударил тыльной стороной топора. Сила удара была столь велика, что раздробила эттину коленную чашечку.

Гигант взвыл и качнулся вперед, озадаченный внезапным нападением.

И поскольку эттин пронесся мимо, Бруенор продолжил ловкий маневр. Он изменил направление движения своего оружия и вонзил острый край топора в заднюю часть ноги монстра в область подколенного сухожилия. Нога подогнулась, и эттин упал, погребя под собой Жаборыла.

Последовал второй залп снарядов – Фелдигар выпустил очередной болт, и Сниглет бросил одно из своих копий.

Но эттин не собирался сдаваться. Его вой был вызван скорее гневом, нежели болью. Чудовище оперлось на огромные руки, пытаясь подняться.

Не желая сидеть без дела, Йорик выбрался из своего убежища и, размахивая молотом, кинулся на подмогу Бруенору. Но нога подвела его прежде, чем дварф сумел напасть на противника. Эттин оглянулся в поисках наглеца, раздробившего ему колено, и заметил Йорика. Гигант замахнулся дубиной, но удар, способный расплющить дварфа, прошел мимо.

А Бруенор продолжал атаковать.

Верный своему благородному наследию, молодой Боевой Молот не колебался. Он подскочил к гиганту со спины и со всей решимостью, напрягая каждый мускул, вогнал топор в затылок эттина. Оружие дрогнуло, пробивая толстый череп. По рукам Бруенора прошла судорога, вызвав онемение, и пещеру наполнил неприятный треск.

Облегченно вздохнув, Йорик наблюдал, как закрылись глаза гиганта, а язык вывалился изо рта.

Одна голова была мертва.

Но была другая, которая яростно дышала, готовая продолжать бой. Опершись на здоровую ногу и вдавливая несчастного Жаборыла в камень, эттин сделал яростный выпад по направлению к Фелдигару и Сниглету.

Фактически дварф спас маленькому гоблину жизнь – хоть Фелдигар и будет отрицать это до конца своих дней – поскольку схватил Сниглета за плечо и швырнул его вперед к эттину за пределы удара. Сам Фелдигар ушел вбок. Дубина скользнула по плечу, не причинив вреда.

Беспомощно лежа на спине, Сниглет закрыл глаза и упер древко своего копья в пол. Но эттин едва ли заметил гоблина, полностью сконцентрировавшись на Фелдигаре. Дварф припал на одно колено, готовя арбалет для очередного выстрела. Тренькнула тетива, и эттин машинально наклонил голову – и наткнулся глазом на копьё Сниглета.

Гоблин завизжал от ужаса и поспешил убраться подальше, но сражение уже было закончено. Вздвогнув последний раз, эттин испустил дух.

Изрядно помятому Жаборылу наконец-то удалось выбраться из-под ноги гиганта. Фелдигар кинулся к Йорику. Бруенор взобрался эттину на спину, недоверчиво глядя на нанесенную могучим ударом смертельную рану. Затем перевел взгляд на первую зазубрину, появившуюся на лезвии топора.

Наконец, недавние союзники вновь перегруппировались – дварфы с одной

стороны мертвого эттина, а гоблины с другой.

– Злобные дварфы! – шипел Сниглет, ошибочно полагая, что, толкнув под эттина, Фелдигар желал его убить. Он замолчал и отшатнулся к своему командиру, стоило дварфу поднять арбалет на уровень носа гоблина.

Бруенор неодобрительно поглядел на товарища.

– Перемирие, – напомнил он.

Фелдигар страстно желал перебить всех гоблинов, но все же опустил арбалет. Дварф видел поразительный удар Бруенора и не имел ни малейшего желания перечить молодому наследнику трона Мифрилового Зала.

Бруенор и Жаборыл неуверенно переглянулись. Они были союзниками по необходимости, но ненависть между дварфами и гоблинами была основой их бытия. Естественно, что из этого происшествия не могло вырасти ни доверие, ни, уж тем более, дружба.

– Мы вас отпускаем, – сказал Жаборыл с показным достоинством.

Большой гоблин не хотел сражения, хотя численностью его отряд превосходил дварфов в соотношении три к двум.

Он уже уяснил силу безбородого дварфа.

Улыбка Бруенора таила в себе обещание смерти. Больше всего ему хотелось перепрыгнуть через тело эттина и заставить грязного гоблина замолчать навеки. Но однажды ему предстоит править Кланом Боевых Молотов, а отец хорошо научил его соблюдать обещания.

Честь превыше гнева.

– Разбираем трофеи и расходимся? – предложил он Жаборылу.

Большой гоблин раздумывал над предложением. Он решил, что голова эттина и новости о дварфах будут замечательным подарком гоблинскому королю. Бедняга еще не знал, что королю о дварфах уже известно, а гигантского эттина он считал хорошей охраной.

– Мне левую голову, тебе правую? – предложил Бруенор.

Жаборыл кивнул, хотя всё еще не разобрался, где какая.

ТЁМНОЕ ЗЕРКАЛО

*Изначально опубликован в сборнике «Королевства доблести»
TSR, 1993*

Рассказ «Тёмное зеркало» я считаю одной из важнейших составляющих моего творчества в плане личностного развития. Благодаря ему я получил возможность работать с Джимом Лоудером, одним из наиболее требовательных и скрупулёзных редакторов на данном поприще. Джим никогда не позволяет писателю облегчить себе задачу или оставлять какие-то моменты недостаточно продуманными. Он постоянно спрашивает «почему?».

В то время, когда я писал этот рассказ, мой первоначальный энтузиазм от публикаций прошёл, как и приступ неуёмной писательской активности, пережитый мною (из-за охватившего меня ужаса), когда я наконец уволился с основной работы в 1990-м году. Моё решение принять участие в этой антологии было вызвано личными мотивами, стоявшими поверх всех остальных, и я писал этот рассказ, дабы исследовать любопытный парадокс, зародившийся в Легенде о Дриззте. Я получал многочисленные письма от читателей, просивших меня прокомментировать вопрос расизма в книгах о тёмном эльфе — и, опираясь на пройденные Дриззтом испытания, я смог-таки исследовать и раскрыть несколько расистских троп; появления антологий к нашему миру было не избежать, да и сторониться их у меня намерения не было.

Но оставалась одна проблема: отход от традиции.

Расизм в «толкиенистском» фэнтези? Эльфы, дварфы, полурослики, люди, орки, гоблины — все они отличаются друг от друга. Да, орки и гоблины — это кость в горле. А является ли упоминание о расе, представляющей собой воплощение зла, классическим определением расизма? Конечно, да! А что если я нанесу удар Дриззту, который так часто сам становился жертвой расизма, вооружившись его же предрассудками? Что если я взбудоражу привычные устои фэнтези, поставив Дриззта (неумышленно) по другую сторону баррикад?

Именно это и было целью рассказа «Тёмное зеркало». Я также заметил смену собственного почерка. Будучи молодым активным писателем, полным вдохновения и энергии, желания поведать массу историй, я думал, что способен ответить на все вопросы. Ведь я считал, что в этом и есть моя работа — говорить правду, объяснять суть вещей. Я думал, что знаю всё (и сейчас понимаю, что почти все молодые авторы не лишены подобного высокомерия). Когда я стал старше, я понял, что ничего-то я не знал, и что моя работа вовсе не обязывает меня давать ответы. Наоборот, она заставляет читателей самим задавать вопросы. Я не могу раскрыть вопрос о расовом парадоксе, возникший в «Тёмном зеркале». Хотя, уверен, под чужим давлением мог бы дать вразумительный ответ и даже включить цитаты Джозефа Кемпбелла или другого писателя «от бога», чтобы подкрепить свою «правду». Это бы звучало довольно впечатляюще.

Но, хоть и являясь писателем по профессии, я стараюсь не лгать.

ТЁМНОЕ ЗЕРКАЛО

(перевод – *Dammerung*)

Восход. Рождается новый день. Пробуждается наземный мир, наполненный надеждами и мечтами миллиона сердец и – хоть мне и больно это осознать – безнадежными хлопотами многих других его жителей.

В тёмном мире моего наследия не бывает восхода, и ничто в лишенном света Подземье не может сравниться с красотой солнца, медленно поднимающегося над краем восточного горизонта. Там нет дня, нет ночи, нет времён года.

Несомненно, пребывая в постоянном тепле и постоянной тьме, душа что-то теряет. Несомненно, в вечном мраке Подземья нельзя воодушевиться надеждой – пусть даже беспричинной – кажущейся столь достижимой в тот волшебный момент, когда горизонт серебрится с приближением утреннего солнца. Когда темнота неизменна, мрачное ощущение сумерек вскоре пропадает, волнующие ночные тайны наземного мира уступают место настоящим врагам и реальным опасностям Подземья.

Время года в Подземье так же неизменно. На поверхности зима возвещает время раздумья, время мыслей о смертности, о тех, кто ушёл от нас. Но это всего лишь одно из времен года, и уныние не задерживается надолго. Я видел, как весной оживают звери, наблюдал, как просыпаются медведи, а рыбы пробивают путь к местам нереста сквозь быстрые течения. Я видел, как птицы играют в воздухе, как впервые свободно скачет новорождённый жеребенок...

Животные Подземья не танцуют.

Циклы наземного мира более изменчивы. Здесь нет одного постоянного настроения, ни мрачного, ни безудержно радостного. Эмоциональные высоты, на которые можно подняться с рассветом, сходят на нет, когда огненный шар опускается на западе.

Но так лучше. Пусть страхи останутся наедине с ночью, а день будет преисполнен солнца и надежды. Пусть зимние снега успокоят гнев, который забудется с приходом весны.

В неизменном Подземье же гнев живёт до тех пор, пока не будет утолена жажда возмездия.

Это постоянство влияет и на религию, которая властвует над моими сородичами, тёмными эльфами. Жрицы правят моим родным городом, и все склоняются перед волей жестокой Лолт, Паучьей Королевы. Впрочем, религия дроу – лишь способ получения практической выгоды и достижения власти, и, несмотря на все свои церемонии и ритуалы, духовно мой народ мертв. Ведь духовность – это смешение чувств, контраст дня и ночи, которого эльфы-дроу никогда не познают. Это падение к отчаянью и восхождение к высочайшим пикам.

Вершины кажутся куда выше, когда поднимаются из глубин.

В тот прекраснейший день я выбрался из Мифрилового Зала, где мой друг Бруенор Боевой Молот вновь стал королем. Два века родина дварфа была в руках злобных серых дварфов, дуэргаров и их могущественного предводителя, дракона теней по имени Мерцающий Мрак. Теперь дракон был мёртв, сраженный самим Бруенором, а серые дварфы изгнаны прочь.

В горах вокруг дварфской цитадели лежал глубокий снег, но синева

предрассветного неба была бездонной и чистой. Догорали последние звезды, упрямо дожидаясь, пока ночь не уступит свою власть над землёй. Я удачно рассчитал время, придя к обращённому к востоку плоскому камню, очищенному ветром от снега. До того ежедневного события, которое я встречаю при каждой возможности, оставались мгновения.

Я не могу описать трепет в груди при виде жёлтой кромки фаэрунского солнца, когда оно пересекает сияющую линию горизонта. Я скитался по наземному миру почти два десятилетия, но не устал – и не устану – от созерцания рассвета. Для меня он стал полной противоположностью бед, пережитых мною в Подземье, символом побега от лишённого света мира и тёмных путей моего народа. Даже когда рассвет кончается и когда солнце быстро взбирается по восточному небосклону, я чувствую, как его тепло пронизывает мою чёрную кожу и дарит мне энергию, которой я и не ведал в глубинах земли.

То был зимний день в южных отрогах гор Хребта Мира. Всего несколько часов назад я вышел из Мифрилового Зала, передо мной лежал длинный путь в Серебристую Луну – один из самых удивительных городов на свете. Меня огорчало, что я покинул Бруенора и остальных, когда в шахтах оставалось ещё так много работы. В ту зиму мы отвоевали город, очистив его от дуэргарского сброда и других чудовищ, расплодившихся там за время двухсотлетнего отсутствия клана Боевого Молота. В воздух над горами уже вздымался дым дварфских печей и слышался звон молотов, неустанно отковывавших драгоценный мифрил.

На Бруенора свалилась уйма хлопот, в основном касающихся помолвки его приёмной дочери Кэтти-бри и варвара Вульфгара. Бруенор был счастлив, как никогда, но, как и многие из тех, кого я знаю, дварф не мог просто наслаждаться этим счастьем. Он окунулся в суматошную подготовку свадьбы с головой, упрямо желая, чтобы церемония стала самой лучшей из всех, когда-либо виданных на севере.

Я не собирался рассказывать Бруенору о своих планах – не видел смысла – хотя, непомерный объем работ умерял моё желание покинуть пещеры.

Но как можно проигнорировать приглашение Аластриэль, великолепной владычицы Серебристой Луны, особенно если ты дроу-отступник, решивший найти приём среди людей, страшящихся твоего народа?

Мой путь был лёгок и быстр. Я собирался пересечь реку Сарбрин и оставить позади высочайшие горы. И вдруг на речном берегу, вскоре после полудня, я обнаружил следы. Незадолго до меня по этой тропке прошлась разношёрстная группа числом примерно в два десятка.

Самые крупные следы принадлежали ограм.

Эти существа не слишком редкое явление в здешних местах. Куда больше меня беспокоили небольшие отпечатки обуви. По их размеру и форме я понял, что следы оставили люди, и некоторые из них походили на детские. Что было ещё тревожнее, некоторые отпечатки обуви были частично перекрыты следами монстров, а другие, напротив, перекрывали их. Все они были сделаны примерно в одно время. Так кто же тогда был пленником, а кто – поработителем?

Проследить их путь было не сложно. Мои страхи лишь возросли, когда я заметил на тропе несколько алых следов. Впрочем, немного успокаивало моё снаряжение. Кэтти-бри одолжила мне Тулмарил Искатель Сердец для этого – моего первого – путешествия в Серебристую Луну. С могучим зачарованным луком в руке я продолжал путь, уверенный, что смогу справиться с любыми опасностями, попадись они мне пути

Я ступал осторожно, стараясь максимально держаться тени и тщательно скрывая лицо под капюшоном своего зелёного плаща. При этом я знал, что нагоняю их, что банда, придерживавшаяся берега реки, была не более, чем в часе ходьбы от

меня. Пришло время призвать моего самого преданного союзника.

Я достал из мешочка на поясе фигурку пантеры, связывавшую меня с Гвенвивар, и положил на землю. Мой зов был негромким, но этого и не требовалось – Гвенвивар уверенно распознала мой голос. Появился расплывчатый серый дымок, а мгновением позже его место заняла чёрная пантера, двести семьдесят килограмм боевого совершенства.

– Возможно, нам придется кого-то освобождать, – сказал я, показывая Гвенвивар глубокие следы. Как всегда, тихое понимающее рычание Гвенвивар вселило в меня уверенность, и вместе мы пошли по следу, надеясь найти врага до наступления ночи.

По ту сторону реки я уловил первое движение. Укрывшись за валуном, я приготовил Тулмарил к выстрелу.

Гвенвивар последовала моему примеру, спрятавшись за камнем у реки и напряженно вжимая в землю задние лапы. Я знал, что она может с легкостью совершить девятиметровый прыжок на другой берег. Мне же пришлось бы пересекать реку дальше, и я опасался, что не смогу в достаточной мере прикрывать пантеру с этого берега.

Шум по ту сторону возвестил о том, что нас тоже заметили. Это подтвердилось мгновением позже, когда воздух над моей головой рассекла стрела. Я подумал, не ответить ли тем же. Стрелок прятался за камнем, но я знал, что Тулмарил наверняка мог пробить это ненадежное прикрытие.

Тем не менее, стрелять я не стал и приказал Гвенвивар оставаться на месте. Если это та банда, которую я выслеживал, то почему за первой стрелой не просвистели другие? Почему глупые гоблины не принялись, как обычно, выкрикивать свои боевые кличи?

– Я не враг! – крикнул я, зная, что моё местоположение уже известно.

Ответ заставил меня чуть ослабить тетиву.

– Если не враг, тогда кто?

Я оказался в затруднительном положении, которое ведомо лишь тёмному эльфу в наземном мире. Конечно, я не был врагом этим фермерам, которые, как я предполагал, отправились в погоню за бандой налётчиков. Мы, сами того не зная, шли к одной цели, но что могут подумать простые люди, когда перед ними возникнет дроу?

– Я Дриззт До'Урден, следопыт и друг Бруенора Боевого Молота, короля Мифрилового Зала! – воскликнул я. Капюшон упал с моей головы, и я вышел на свет, желая, чтобы напряженная первая встреча скорее подошла к концу.

– Мерзкий дроу! – услышал я крик одного из мужчин, но другой, постарше, примерно лет пятидесяти, приказал ему и остальным не стрелять.

– Мы охотимся за бандой орков и огров, – объяснил пожилой человек. Позже я узнал, что его имя было Тармен.

– Тогда вы не на той стороне реки, – ответил я. – Следы здесь, тянутся вдоль берега. Сомневаюсь, что они ушли далеко. Вы можете перебраться?

Тармен быстро посоветовался с товарищами – всего их было пятеро – и дал мне знак ждать на месте. Совсем недавно я проходил замерзшую, усеянную крупными камнями часть реки, и фермеров пришлось дожидаться недолго. Они были оборваны и плохо вооружены – простые селяне, едва ли под стать безжалостным оркам и ограм, которые прошли этим путем. Тармен был единственным из группы, кто повидал более тридцати зим. Двоим фермерам на вид было не более двадцати, у одного не было даже щетины, которая покрывала обветренные лица других.

– Слёзы Ильматера! – изумлённо воскликнул один из фермеров, когда группа приблизилась. Если при виде одного тёмного эльфа они и смогли бы совладать с

собой, то присутствие Гвенвивар явно выбило их из колеи.

От выкрика Гвенвивар вздрогнула — должно быть, приняла обращение к Плачущему Богу за некую угрозу, так как прижала уши и показала пугающего вида клыки.

Парень едва не упал в обморок, а его товарищ машинально потянулся за стрелой.

– Гвенвивар друг, – объяснил я. – Как и я.

Тармен поглядел на крепкого мужчину вдвое моложе него, вооружённого молотом, который больше подходил кузнецу, нежели воину. Тот быстро и грубо шлёпнул по руке нетерпеливого стрелка. Я уже догадался, что этот верзила был предводителем группы, возможно, тем, кто подбил остальных отправиться в погоню.

Хоть мне и показалось, что они приняли мои заверения в дружелюбии, напряжение ушло далеко не полностью. Я ощущал, как от этих людей — включая Тармена — исходит страх и тревога. От меня не ускользнуло, как они крепче сжали в руках оружие. Они бы не пошли против меня, я знал — благодаря зловещей репутации моего народа. Мало кому хотелось вступать в бой с тёмными эльфами. И даже не будь я для них неведомым дроу, фермеры не стали бы нападать на того, за чьей спиной крадется могучая пантера. Они знали, что шансы не в их пользу, но вместе с тем понимали, что им нужен союзник — любой, кто мог бы помочь в их деле.

Пять человек, все фермеры, плохо вооруженные, плохо защищенные. Во имя Девяти Кругов Ада, на что они рассчитывали, собираясь выйти против банды из двадцати монстров, включая огров? Всё же пришлось отдать должное их храбрости, и я не мог счесть их глупцами. Я знал, что налётчики забрали с собой пленников. Если те несчастные были родней этих людей, возможно, детьми, тогда безрассудство фермеров вполне было оправдано, а действия заслуживали восхищения.

Тармен шагнул вперед, протягивая чёрную от въевшейся в неё земли ладонь. Должен признаться, меня тронуло столь напряжённое, но искреннее и теплое приветствие. Обычно меня встречали угрозами и обнажённым оружием.

– Я слышал о вас, – проговорил он.

– Тогда у вас преимущество, – вежливо ответил я, пожимая ему руку.

Крепкий мужчина за его спиной гневно сузил глаза. Я удивился, что моё беззлобное замечание явно задело его гордость. Может, он считал себя прославленным воином?

Тармен представился, и лидер немедленно бросился вперед, чтобы сделать то же самое.

– Я Рико, – провозгласил он, как показалось мне, с вызовом. – Рико Пенгаллен из деревни Пенгаллен, в двадцати пяти километрах к юго-востоку. – Нарочитая гордость в его голосе заставила Тармена вздрогнуть и поселила во мне тревожное предчувствие, что этот Рико может доставить неприятности, когда мы сойдемся с монстрами.

Я слышал о Пенгаллене, хотя отмечал её присутствие лишь по отдалённым вечерним огням. Согласно картам Бруенора, деревня была не более чем горсткой фермерских домов. О помощи какого-либо организованного ополчения не могло быть и речи.

– На нас напали прошлой ночью, сразу после заката, – продолжал Рико, грубо отталкивая старика локтем. – Орки и огры, как мы уже говорили. Они взяли в плен...

– Моих жену и сына, – вставил Тармен тревожным голосом.

– И моего брата, – сказал другой.

Некоторое время я обдумывал эти мрачные известия и пытался найти слова утешения, которые мог бы предложить этим отчаявшимся людям. Я не хотел преждевременно их обнадеживать — не сейчас, когда огры и орки удерживают в плену их близких, а чаша весов столь явно склоняется не в нашу сторону.

– Мы отстаем от них менее, чем на час, – сообщил я. – Я надеялся догнать их до заката. С Гвенвивар я могу напасть на их след и днём, и ночью.

– Мы готовы сражаться, – заявил Рико. Должно быть, ему не понравилось выражение моего лица – возможно, помимо моей воли на нём проявилась снисходительность – так как он хлопнул молотом по раскрытой ладони и сердито рыкнул, обнажив зубы.

– Будем надеяться, до битвы не дойдет, – сказал я. – Мне приходилось сталкиваться с орками и ограми. Выставлять дозорных – не самая сильная их сторона.

– Ты предлагаешь попросту прокрасться внутрь и освободить наших родичей?

Едва сдерживаемый гнев Рико продолжал удивлять меня, но, когда я обернулся к Тармену за каким-либо молчаливым пояснением, он лишь спрятал руки в складках поношенного дорожного плаща и отвёл взгляд.

– Мы сделаем всё, чтобы освободить пленников, – сказал я.

– И позаботимся о том, чтобы монстры больше не навевались в Пенгаллен, – добавил Рико.

– Ими можно заняться позже, – ответил я, пытаясь убедить его сначала решить главную задачу. Одно слово Бруенору, и этот регион очистят десятки дварфов – упорных, воинственных бойцов, которые не прекратят охоту, пока угроза не будет устранена.

Рико повернулся к четырем своим товарищам, или, точнее сказать, отвернулся от меня.

– Думаю, мы пойдем за чёртовым дроу, – сказал он.

Я не обиделся. Со мной, бывало, обращались и похуже, а эта группа отчаявшихся людей, за исключением Рико, казалась, радовалась, что нашла хоть какого-то союзника, невзирая на цвет моей кожи.

Найти вражеский лагерь оказалось несложно. Мы обнаружили его на нашей стороне реки, когда на землю опустились сумерки. К нашей удаче – точнее, по собственной глупости – монстры развели яркий огонь, чтобы защититься от холода зимней ночи.

Свет костра дал мне рассмотреть планировку лагеря. Палаток не было, лишь костер и несколько беспорядочно расположенных брёвен, подпертых камнями так, что получились скамьи. Довольно ровная земля была покрыта гладкой речной галькой и усеяна валунами, кое-где попадалось дерево или куст. Свиномордые орки-часовые расположились севернее и южнее огня, сжимая в грязных руках грубое, но зловещее оружие. Я пришёл к выводу, что такой же караул выставлен на западе, вдали от реки. Пленники, на вид почти невредимые, сбились вместе за костром спинами к большому камню. Их было четверо, не трое: два мальчика и жена фермера, а вместе с ними на удивление хорошо одетый гоблин. В тот момент я не стал размышлять над этим неожиданным прибавлением. Я думал о том, как лучше проникнуть в лагерь, а затем покинуть его.

– Река, – наконец прошептал я. – Мы с Гвенвивар можем незаметно перебраться через неё и изучить лагерь с той стороны.

Рико думал так же – но слегка иначе.

– Вы нападете с востока, из-за реки, а мы хорошенько вдарим по ним с этого фланга.

Его хмурые глаза расширились, когда я покачал головой. До этого Рико, похоже, не дошло, что я собирался освободить пленников без боя.

– Я подберусь к ним со стороны реки, а Гвенвивар пойдет за мной, – попытался объяснить я. – Но только после того, как костер догорит.

– Нужно пойти на них, пока ещё светло, – заспорил Рико, – Мы не такие, как ты, дроу, – язвительно процедил он последнее слово, – мы не можем видеть в

темноте.

– Но я могу, – довольно резко возразил я. Рико начинал меня раздражать. – Могу пробраться внутрь, освободить пленников и ударить по часовой сзади, при этом, надеюсь, не потревожив их товарищей. Если всё пойдет гладко, мы будем далеко отсюда ещё прежде, чем монстры обнаружат пропажу пленников.

Тармен и другие трое закивали в знак согласия с этим простым планом, но Рико заупрямился.

– А если пойдёт не гладко?

– Мы с Гвенвивар наведём переполох и задержим монстров, чтобы вы с родственниками успели уйти. Вряд ли они попытаются преследовать вас, если подумают, что пленников выкрали тёмные эльфы.

Я вновь увидел, как кивают Тармен и другие, и, когда Рико попытался найти новый аргумент, старик твёрдо опустил руку на его массивное плечо. Рико стряхнул её, пожав плечами, но больше ничего не сказал. Его молчание, как и вид щетинистого лица, на котором застыла глубокая ненависть, не добавляли во мне спокойствия.

Пересечь полузамёрзшую речку оказалось довольно легко. Гвенвивар попросту перепрыгнула её. Я последовал за ней, осторожно ступая по льду. Мне не хотелось полностью полагаться на столь хрупкий мост, поэтому я остальную часть пути к тому берегу я проделал, перескакивая по крупным камням.

Заново оценив обстановку в лагере из-за реки, я выявил возможные проблемы, точнее, гигантских огров, ростом вдвое выше меня. Пляшущее пламя отражалось на серой матовой коже, покрытой тёмными точками бородавок, а длинные, спутанные волосы отсвечивали иссиня-чёрным.

Их было, по меньшей мере, двое. Они сидели на корточках среди беспорядочно расположенных валунов к северу от пленников. Сами же пленники сидели лицами к реке – ко мне – обратившись спинами к большому камню, и теперь я видел ещё одного сторожащего их орка, прислонившегося к тому же самому камню с северной стороны. Поперёк его колен лежал обнаженный меч.

Мне часто доводилось быть свидетелем грубой тактики орков, поэтому я сделал вывод, что этому охраннику было приказано перебить пленников, если появится какая-либо угроза. Этот орк представлял наибольшую опасность. Его голова стала первой, которую моя стрела пронзила той ночью.

Оставалось лишь тихо сидеть и ждать, пока огонь не угаснет и пока лагерь не оцепенеет от сонливости и скуки.

Не прошло и получаса, как до меня начали доноситься сердитые перешептывания с того берега – но не из лагеря врага. Я не мог поверить тому, что услышал: Рико спорил с остальными! К счастью, двое орков-стражей, ближайших к тому месту, где прятались люди, не отреагировали тут же. Я мог лишь надеяться, что их уши не настолько остры, как мои, и не уловили тихих звуков.

Прошло несколько мгновений, и — хвала небесам! — голоса вновь умолкли. Но расслабляться не стоило. Инстинкты говорили мне, что вскоре должно произойти то, что переломит ход вещей, и низкий рык Гвенвивар подтвердил мои мысли.

В тот решающий момент я не хотел верить, что Рико может быть настолько глуп, но мои инстинкты и обостренные чувства воина одержали верх над отказывающимся верить разумом. Я скинул Тулмарил с плеча, приготовил стрелу и нашёл путь, по которому ранее перебирался на этот берег.

Два орка, стороживших южную сторону, начали нервничать и переговариваться меж собой на своем гортанном наречии. Я пристально следил за ними, но больше внимания уделял ближайшему к пленникам орку. Не упускал я из виду и огров – куда более опасных врагов. Будучи триста пятьдесят килограмм весом

и три метра ростом, огр вряд ли падёт быстро под ударами моих сабель, зато один меткий выстрел из Тулмарила мог бы свалить одного из этих громил. В целом же мой план основывался на том, как вывести пленников из лагеря, чтобы огры и не заметили этого – битва с этими грубыми тварями могла стоять мне времени. Времени, которым не располагали ни я, ни пленники.

Но мой план провалился у меня на глазах.

Один из орков-часовых что-то завопил. Орк позади него выстрелил в кусты, скрывавшие фермеров. Как и следовало ожидать, охранник с мечом позади беспомощных пленников сразу же вскочил на ноги. Огры, сидевшие среди разбросанных камней, зашевелились, но скорее ради любопытства, а не из-за тревоги.

Я ещё надеялся, что положение можно спасти – пока не услышал призыв Рико к атаке.

В каждой битве наступает момент, когда воин должен отбросить все посторонние мысли, дать инстинктам управлять своими движениями, полностью положиться на них и не расходовать драгоценное время, ставя их под сомнение. У меня был только один выстрел, чтобы остановить орка-мечника, прежде чем он убьёт ближайшую пленницу – жену Тармена. Тварь уже занесла клинок, когда я выпустил стрелу, и скрытая в ней могущественная магия прочертила серебряный след над Сарбином.

Возможно, я попал ему в глаз, но, куда бы в действительности не ударила стрела, голова орка буквально разлетелась на части. Чудовище отлетело назад, во тьму, и я начал перебираться через реку, стараясь не привлекать внимание с противоположного берега.

Ближайшие к фермерам орки снова дали залп из луков, затем вытащили оружие для ближнего боя. И, хотя я не смотрел вперёд, я знал, что атаку возглавляет Рико. Три орка с северной стороны заорали и стали оглядывать реку, пытаясь выяснить, кто убил их товарища. Трудно передать, насколько уязвимым я себя чувствовал, шагая в полной пустоте, медленно и осторожно продвигаясь вперёд! Мои страхи подтвердились – орки меня заметили почти тут же. Я увидел, как их луки поднялись для выстрела.

Возможно, они плохо меня видели, а может, в меня было труднее попасть.

Как бы то ни было, их первый залп оказался крайне неудачным. Я приостановился и выдал два ответных выстрела; один достиг цели и с невероятной силой отшвырнул среднего орка назад. Я услышал, как у моего уха просвистела стрела, всего в нескольких сантиметрах от меня. Вероятно, Гвенвивар, прыжками следовавшая за мной, поймала следующую стрелу, так как я не услышал и, хвала богам, не почувствовал её.

Гвенвивар приземлилась на берег впереди меня и резко остановилась, изящно напрягая мускулы. Сотни раз я видел, как она совершает подобные маневры, но у меня захватило дух и на этот раз.

Пантера устремилась на запад, но едва лапы коснулись земли, чётким рассчитанным движением она сделала великолепный пируэт, повернувшись к северу и обрушившись на лучников, прежде чем они успели достать очередные стрелы из колчанов.

К своему облегчению, я услышал звуки битвы с юга, где Рико и остальные схватились с орками. Что ж, раз взбудоражили осиное гнездо, пусть теперь исправляют свою ошибку.

Я увидел, как поднимаются огры – их было четверо, не двое, – и выпустил ещё одну стрелу. Она попала первому из чудовищ в грудь, пробив грязные шкуры, в которые был одет гигант, и погрузилась в плоть по серебряное оперение. К моему изумлению и ужасу, вонючая тварь прошла ещё несколько шагов. Потом повалилась

на колени, оглушённая, но не мёртвая. Сползая на землю, огр выглядел изумленным, словно не понимал, что же остановило его атаку.

У меня оставалось времени ещё на один выстрел, прежде чем я достигну берега, и я отчаянно хотел убить второго огра.

Но тут вблизи пленников появился орк, и жестокое намерение его было очевидно – он уже занёс свой меч над головами детей.

Орк стоял боком ко мне. Я выстрелил ему в плечо, и стрела пронзила его насквозь, выйдя из другого плеча. Орк был ещё жив, когда рухнул наземь, беспомощный и не способный двигать руками.

Сейчас это кажется странным, но я помню, что когда, наконец, добрался до противоположного берега, бросил лук и обнажил сабли, я сильно забеспокоился, что могу потерять Тулмарил. Я даже подумал, как будет ругать меня Кэтти-бри, когда я вернусь в Мифриловый Зал без её драгоценного оружия! Но мысли тут же улетучились, и я оставил их до окончания битвы.

Мерцающий клинок яростно вспыхнул в моей правой руке синим светом, отражая огонь внутри меня. Другой сцимитар светился голубовато-белым сиянием, свидетельствуя о зимнем холоде – клинок сиял тогда, когда его окружал очень холодный воздух.

Трое оставшихся огров понеслись на меня, не обращая внимания друг на друга – каждая битва со столь сильными, но глупыми чудовищами становится для меня напоминанием о том, насколько могучей силой они могли бы быть, если бы справились с врожденной хаотичностью.

Эта атака была их ошибкой. Бегущий впереди огр был слишком далеко от своих товарищей, и я приблизился к нему быстрее, чем рассчитывало чудовище. Мерцающий клинок врезался в коленную чашечку, второй нанёс глубокую рану в бедро, и я проскользнул меж огромных ножищ, перекувырнувшись головой вперёд. Огр резко попытался остановиться – слишком резко – и его занесло на гладких, отполированных камнях.

Он упал на пятую точку как раз когда я поднялся на ноги позади него. Не каждый день тебе выпадает возможность для столь чистого удара по голове огра, и я использовал её сполна, тяжело ударив Мерцающим по черепу чудовища и разрубив его ухо на две почти равные части.

Удар не убил, а лишь оглушил громадину. Прежде чем огр успел оправиться, я вскочил ему на плечо и, оттолкнувшись от него, прыгнул, оказавшись прямо перед лицом следующего огра. Этот манёвр застал его врасплох. Его грозная дубина была опущена в нижнюю защиту, и он просто не успел поднять тяжелое оружие, чтобы заблокировать мои клинки.

Мерцающий вскользь ударил по толстой шее огра, в то время как другой клинок впился ему в щеку, срывая кожу, так что чёрные зубы чудовища блеснули под звездным светом. Ни одна из ран, впрочем, не была смертельной, и я подумал, что попал в серьезное положение, когда монстр завел свободную ручищу мне за спину и тесно прижал меня к своей могучей груди. К счастью, моя правая рука находилась под таким углом, что мне удалось вытащить Мерцающий и направить в цель острие оружия. Я вогнал его со всей силы, зная, что должен убить быстро ради своего же блага, как и ради блага пленников.

Магический клинок легко прошёл сквозь огра, пронзая ребро, которое, должно быть, было толщиной с приличный ствол дерева, и проник глубже. Когда Мерцающий добрался до сердца огра, я ощутил пульсацию, от которой у меня едва не вырвалась рукоять.

Надо было убивать – и быстро! – что я и сделал. Огр издал вздох, и мы оба повалились на землю. Я мгновенно отскочил в сторону, и удар дубины умирающего огра, что предназначался мне, пришёлся по его оставшемуся сородичу.

Впрочем, до окончания битвы было далеко. Последний стоящий на ногах огр пригнулся, готовясь напасть. Что ещё хуже, чудовище, которое я подстрелил, и то, чьё ухо я рассек, не были мертвы.

Оба упрямо пытались подняться и вернуться к битве.

Мне стало немного легче, когда между мной и моим последним противником промелькнула Гвенвивар. Я подумал было, что кошка собралась прикончить одного из раненых огров, но Гвенвивар пробежала мимо и прыгнула над головами перепуганных, сбившихся в кучу пленников. Я понял, почему она это сделала, услышав звук спущенных тетив – явились орки-часовые с запада. Затем до меня донёсся громоподобный рык, за которым вполне предсказуемо последовали вопли ужаса.

Одни лишь орочьи стрелы были неспособны остановить могучую Гвенвивар.

Глянув в сторону, я заметил, что гоблин-пленник успел вскочить и скрыться во мраке ночи. Я едва обратил на него внимание, ещё не зная, какое сильное влияние этот гоблин окажет на мою жизнь.

Все мысли о трусливых гоблинах исчезли, как только невредимый огр начал меня теснить. Он сделал первый взмах – вернее, первые два или три. Я ушёл в оборону, стараясь не открываться. Как я и ожидал, гнев огра возрастал с каждым промахом. Атаки становились все более яростными, более открытыми для ответных ударов. Я четырежды ударил эту тварь, нанеся болезненные, даже серьезнейшие раны в его шкуре, и затем увидел, что огр с рассеченным ухом поднимается с земли.

Противник бил дубиной снова и снова, мне приходилось уворачиваться. Я атаковал, обрушив на него быстрый и яростный шквал жалающих ударов, заставив его пятиться на своих гигантских ножищах. Затем я повернулся и бросился к едва стоявшему на ногах огру. Монстр поднял свою огромную дубину с трудом – сил едва хватало на то, чтобы удерживать оружие. Он взмахнул, медленно и неуклюже, я отступил назад, легко уйдя от опасности. Я последовал за завершающей движение дубиной, яростно замахиваясь обеими сцимитарами. Трудно сказать, сколько кровавых линий они прочертили на морде этого огра. В одно мгновение всё лицо противника превратилось в одну багровую массу.

Когда труп гиганта рухнул, я осмотрелся вокруг и приободрился, увидев, что огр со стрелой в груди полностью вышел из строя.

Он валялся неподвижно лицом вниз. То, что он мёртв, у меня сомнений не вызывало.

Это значило, что остался только один, легко раненный.

Я знал, что могу победить любого огра в поединке; знал, что, если полностью сосредоточусь на битве, огр не сможет оставить на мне ни царапины. Я всегда с готовностью сражался против этих мерзких существ, поэтому ощутил мимолетное разочарование, когда повернулся и понял, что огр сбежал.

Впрочем, это чувство исчезло, когда я вспомнил о пленниках. К моему облегчению, пятеро фермеров одолели орков на юге лагеря, и из всех ранен был только один, самый молодой. Рико самодовольно улыбался, и мне очень хотелось стереть эту ухмылку с лица хвастуна.

Немногим позже Гвенвивар, крадучись, вернулась в лагерь, проверив область на западе. У пантеры была пара небольших ран от орочьих стрел, но ничего серьезного. Битва закончилась, три огра и восемь орков были мертвы, а другой огр и с полдюжины орков спаслись бегством. Полная победа, и никто из нас не был убит.

Всё же я не мог не признать, что в этой битве не было нужды. Впрочем, мысли о том, чтобы выбрать Рико, быстро улетучились из головы, когда я увидел, как приветствуют друг друга Тармен и его семья, а другой фермер обнимает пропавшего брата.

– Где Нойхайм? – требовательно спросил Рико. Его грубый тон удивил меня.

Если он потерял родича, ребёнка или брата, я ожидал услышать скорбь. Но вместо этого я слышал лишь безумный гнев, словно его оскорбили.

Фермеры смущённо переглянулись, и в конце концов все взгляды обратились на меня.

– Кто такой Нойхайм? – спросил я.

– Гоблин, – объяснил Тармен.

– Он действительно был среди пленников, – сказал я им. – Но сбежал во время сражения в сторону северо-запада.

– Тогда мы пойдем за ним, – без колебаний заявил Рико, нисколько не задумываясь об освобождённых людях. Я счёл его слова абсурдными: разве мог одинокий гоблин стоять страданий этих мужчины, женщины и мальчика, которые прошли через такие испытания?

– До рассвета ещё долго, – ответил я далеко не дружелюбным тоном. – Разожгите огонь заново и позаботьтесь о раненом. Я пойду за беглецом.

– Я хочу вернуть его! – прорычал Рико. Должно быть, он правильно истолковал выражение моего лица, так как внезапно успокоился и попытался все объяснить.

– Нойхайм возглавлял группу гоблинов, напавших на Пенгаллен несколько недель назад, – сказал он и бросил взгляд на остальных. – Гоблин – их главарь, и наверняка вернётся с союзниками. Мы удерживали его, чтобы судить, но тут явились налётчики.

У меня не было причины не верить словам Рико, хотя казалось странным, что фермеры из маленькой деревни, столь часто осаждаемой монстрами из диких земель, пойдут на такие хлопоты, как судебный процесс в отношении какого-то гоблина. Нерешительность (или это было опасение?) на лицах других фермеров, особенно Тармена, также заставили меня помедлить, но я счёл это страхом перед тем, что Нойхайм вернется с большими силами и опустошит их легко уязвимую деревню.

– Я не очень спешу в Серебристую Луну, – заверил их я. – Я поймаю Нойхайма и к утру верну его в Пенгаллен.

Я собрался было уходить, но Рико схватил меня за плечо и развернул к себе лицом.

– Живым, – прорычал он.

Мне не понравилось, как это прозвучало. Я ничего не имел против справедливых и суровых мер, применяемых к гоблинам, но злобный тон Рико говорил о жажде мести. Всё же у меня не было причин не верить этому фермеру, равно как и причин для спора о справедливости законов, принятых в Пенгаллене. Вскоре мы с Гвенвивар уже направлялись на северо-запад, отслеживая путь беглеца.

Преследование, вопреки моим ожиданиям, затянулось. Мы нашли следы нескольких других орков и пересекающиеся с ними следы Нойхайма. Я счёл более важным предотвратить их возвращение в логово, где они могли бы найти подкрепление. Вскоре мы нашли орков, их оказалось трое. При помощи волшебного лука я прикончил этих тварей с дистанции, сделав всего в три коротких выстрела.

Затем мы вернулись к следам Нойхайма и возобновили нашу ночную охоту. Нойхайм оказался умным соперником, чем вполне оправдывал заявление Рико о том, что гоблин был лидером среди своих подлых сородичей. Он постоянно петлял и перебирался по раскидистым ветвям с дерева на дерево, спускаясь наземь в отдалении от первоначального пути и меняя направление. Наконец, он направился к реке, единственной преграде, которая могла прекратить погоню.

Понадобилось всё моё мастерство следопыта и помощь звериного чутья Гвенвивар, чтобы мы смогли подобраться к гоблину, прежде чем он оказался бы в безопасности по ту сторону реки. Я честно признался себе, что, не будь Нойхайм так

измучен в плену у безжалостных налетчиков, он смог бы обвести нас вокруг пальца.

Когда мы, наконец, достигли берега, я воспользовался своей врожденной, обычной для жителей Подземья, способностью видеть вещи по излучаемому ими теплу. И вскоре заметил тёплое свечение – кто-то медленно перебирался по каменистому броду, тщательно выбирая каждый шаг. Не доверяя ограниченному инфразрению, размышляющему формы и представляющему детали как тепловые пятна, я поднял Тулмарил и выпустил светящуюся стрелу. Она скользнула по камню и ударилась о воду в нескольких футах перед гоблином, отчего тот поскользнулся, и одна его нога по бедро ушла в ледяной поток. Подобная молнии вспышка серебряного света не оставила сомнений в том, что это был тот самый беглец. Я бросился к броду.

Гвенвивар пролетела мимо, обогнав меня. Двигаясь со всей скоростью, я уже был на полпути, когда из темноты донёсся рык пантеры, а следом – вопль боли.

– Держать, Гвенвивар! – крикнул я, не желая, чтоб пантера растерзала его на куски.

Когда я добрался до места, тощий, желтокожий Нойхайм лежал на земле, прижатый огромными лапами. Я приказал Гвенвивар отойти, и, едва пантера сдвинулась с места, Нойхайм подкатился ко мне и схватился за мой сапог длинными, тонкими, как веретено, руками, на которых ещё были видны следы разорванных кожаных пут.

Я хотел было оглушить его рукоятью оружия, но, прежде чем я успел отреагировать, Нойхайм принялся осыпать слюнявыми поцелуями мои сапоги.

– Пожалуйста, мой добрый хозяин, – заныл он противным визгливым голосом, столь типичным для гоблинов. – Пожалуйста, пожалуйста! Нойхайм не сбежит. Нойхайм боится, боится больших, уродливых огров с большими дубинами. Нойхайму страшно.

Несколько мгновений я собирался с мыслями. Затем поднял гоблина на ноги и приказал ему молчать. Взирая свысока на уродливое плоское лицо и скошенный лоб Нойхайма, его светящиеся жёлтые глаза и сплюснутый нос, я призывал всю свою выдержку, чтобы не применить оружие. Я следопыт, защитник добрых народов от многочисленных злых рас Фаэруна, и среди этих злых рас гоблины – самые ненавистные мне враги.

– Пожалуйста, – жалобно повторил он.

Я медленно убрал оружие, и широкий рот Нойхайма растянулся в вымученной улыбке, демонстрируя множество маленьких, но острых зубов.

К тому времени уже светало, и я хотел немедленно отправляться в Пенгаллен, но Нойхайм замёрз из-за падения в реку. По его неловкой походке было видно, что промокшая нога почти или полностью онемела.

Как я уже говорил, я не питаю к гоблинам любви и не проявляю милосердие. Если бы Нойхайм напал на моё собственное жилище, я выпустил бы вторую стрелу ещё прежде, чем он достал бы свою ногу из реки, и покончил бы с этим делом. Но сейчас я был связан клятвой, которую дал фермерам, и потому развёл огонь, чтобы гоблин смог отогреть онемевшую конечность.

Поведение Нойхайма не переставало занимать мои мысли и вызывало недоумение. Когда наступило утро, я отпустил Гвенвивар в Астральный план, а сам попытался задать гоблину несколько вопросов, но тот не отвечал. С покорным выражением лица он отводил от меня взгляд всякий раз, когда я обращался к нему. Что ж, сказал я себе, это не моё дело.

В Пенгаллен мы прибыли глубоко за полдень. Деревушка представляла собой с десяток одноэтажных хибарок, расположенных в середине ровного, очищенного от деревьев поля, и была окружена высоким частоколом. Фермеры вернулись несколькими часами раньше, и Рико, видимо, предупредил двух часовых, что

разместились у стены, о моём грядущем прибытии. Они не позволили мне войти сразу, хотя обвинить их в негостеприимстве было нельзя. Поэтому пришлось подождать. Через несколько минут появился Рико. Очевидно, он велел послать за ним при моём появлении.

Выражение лица здоровяка изрядно изменилось по сравнению с той ночью. Его квадратная челюсть больше не была сведена гримасой, что показывало, как он рад повороту событий. Даже его широко расставленные голубые глаза, казалось, улыбались при виде меня и моего пленника, и все черты на его красном лице подтянулись кверху.

– Ты был щедр, предложив свою помощь, – сказал он мне, накидывая петлю на шею Нойхайма наподобие того, как в деревнях привязывают собак. – Я знаю, что у тебя дела в Серебристой Луне, так что могу тебя заверить, что теперь в Пенгаллене снова всё спокойно.

Я ощутил ясное чувство, что меня попросту отсылают за ненужностью.

– Пожалуйста, поужинай в нашей таверне, – быстро добавил Рико, жестом приглашая меня пройти в открывшиеся ворота. – Поешь, выпей, – весело добавил он. Неужели моё смятение было так очевидно? – Скажешь хозяину, Аганису, что я заплачу.

Я намеревался доставить пленника и тут же отправиться в Серебристую Луну. Мне с нетерпением хотелось увидеть чудесный город на реке Ровин, свободно, с благословения леди-правительницы, бродить по чудесным извилистым бульварам, посещая многочисленные музеи и библиотеку, которая не имеет себе равных. Но инстинкты велели мне принять угощение. Что-то во всём этом деле шло не так.

Аганис, похожий на бочонок улыбчивый человек с густой бородой, был, разумеется, изумлен видом тёмного эльфа, вошедшего в его заведение – большое двухэтажное здание у середины деревенского частокола. Это место служило как таверна, торговый пост, и выполняло множество других функций. Едва справившись с первоначальными чувствами (недвусмысленно говорившие о том, что мужчина объят ужасом), он принялся суетиться, стараясь угодить мне – по крайней мере, так я мог судить по величине порций, которые были куда больше, чем у фермера, сидевшего недалеко от конца стойки.

Я не стал высказываться по поводу этого явного подхалимства. Ночь была долгой, и я проголодался.

– Так ты Дриззит До’Урден? – спросил фермер с конца барной стойки. Это был пожилой человек с редющими седыми волосами и морщинистым лицом, свидетельствующим о том, что человек проводил много времени под солнцем.

Аганис побледнел, услышав вопрос. Возможно, он думал, что я оскорблюсь и разнесу его заведение на куски.

– Дриззт, – поправил я, глядя на старика.

– Джак Тимберлайн, – представился мужчина. Он протянул руку, затем убрал и вытер о рубашку, прежде чем снова предложить её мне. – Я слышал о тебе, *Дриззт*, – произнес он имя с особой тщательностью, и, должен признаться, мне это польстило. – Говорят, ты следопыт.

Я крепко пожал его руку и широко улыбнулся.

– Я тебе прямо скажу, Дриззт, – сказал он, снова тщательно выговаривая моё имя, – для меня цвет кожи не имеет значения. Я слышал о тебе и о том хорошем, что вы с друзьями сделали в Мифриловом Зале.

В похвале звучало лёгкое снисхождение, и бедняга Аганис вновь побледнел. Впрочем, я не обиделся, понимая, что неловкость Джака связана с его неискушенностью. Его приветствие было вполне тактичным, в отличие от тех, кто встречал меня остриём клинка, с тех пор, как я явился в наземный мир.

– Хорошо, что дварфы вернули свои пещеры, – согласился я.

– И хорошо, что ты повстречался отряду Рико, – добавил Джак.

– Тармен так радовался утром, – нервно вставил хозяин таверны.

Всё это казалось мне столь привычным, хотя, должен признаться, для меня было привычно всё, кроме общения с представителями наземного мира.

– Ты вернул Рико его раба? – неожиданно спросил Джак.

Я почувствовал, как внезапно в горле застрял комок пищи.

– Нойхайма, – пояснил Джак. – Гоблина.

В Мензоберранзане, где я родился, я видел рабство во всей его жестокости. Тёмные эльфы держат множество рабов различных рас, эксплуатируют их, пока те не перестанут быть полезны, а затем безжалостно пытаются и убивают их, калеча их тела так же, как искалечили дух. Я всегда чувствовал, что порабощение стоит среди самых отвратительных поступков, даже когда обращено против так называемых неисправимо злых рас, таких как гоблины и орки.

Я кивнул Джаку в ответ, но гримаса, внезапно исказившая моё лицо, заставила его отвернуться. Аганис, нервничая, протёр одну и ту же тарелку несколько раз, уставившись на меня и то и дело поднимая полотенце, чтоб вытереть вспотевший лоб.

Ужин я завершил в молчании, разве что выяснил мимоходом, какой из фермерских домов принадлежит Рико. Слов этих двух людей мне было недостаточно. Я хотел сам увидеть, что сделал.

К закату я был у изгороди, окружавшей двор Рико. Его дом был простым сооружением из досок и брёвен со щелями, забитыми грязью от ветра, и скошенной крышей, способной противостоять зимним снегам. Нойхайм ходил по двору, выполняя свои работы – как я заметил, на нём не было оков – но больше никого не было видно. Я видел, как занавесь на единственном окне несколько раз сдвинулась. Наверняка за гоблином приглядывал Рико или кто-то из его семьи.

Закончив уход за козой, привязанной возле дома, Нойхайм посмотрел на темнеющее небо и ушёл в расположенный неподалёку от дома небольшой амбар, который размерами едва превышал сарай. Вскоре через многочисленные щели в стенах грубого строения я увидел свет огня.

Что всё это значило? Я ничего не мог понять. Если Нойхайм пришёл в Пенгаллен во главе разбойничьей банды, то почему ему предоставили такую свободу? Он мог бы взять уголь из огня, который развел в сарае, и поджечь сам дом.

Я решил не задавать вопросов Рико. В глубине души я знал, что здесь происходит, и честного ответа от него всё равно бы не добился.

Нойхайм снова бросился целовать мне сапоги, едва я вошёл в тени скудно освещённого сарая.

– Пожалуйста, о, пожалуйста, – затянул он скрипучим голосом, плёпая толстым языком по губам.

Я оттолкнул его, не скрывая своего гнева. Гоблин неожиданно замолк и сел у костра, уставившись в оранжево-желтое пламя.

– Почему ты не сказал мне?

Он бросил на меня странный взгляд. Лицо выражало абсолютное смирение.

– Ты нападал на Пенгаллен? – надавил я.

Он снова уставился в огонь, и лицо его исказилось, давая понять, что ответ на этот вопрос всё равно не сможет его оправдать. И я поверил ему.

– Тогда почему? – спросил я, наклонившись и взяв его за плечо, и заставил смотреть себе в глаза. – Почему ты не сказал мне зачем Рико хочет вернуть тебя?

– Сказать тебе? – Нойхайм уклонился. Его гоблинский акцент внезапно пропал. – Гоблин, говорящий Дриззту До'Урдену о своей беде? Гоблин, просящий сострадания у следопыта?

– Ты знаешь мое имя?

О боги, он даже правильно его произносил.

– Я слышал истории о Дриззте До'Урдене, о Бруеноре Боевом Молоте и о битве за Мифриловый Зал, – ответил он. Я снова поразился, как точна была его интонация и произношение. – Об этом часто говорят фермеры из нижних долин. Все они надеются, что новый король дварфов щедро распорядится своим огромным богатством.

Я сел в стороне от него. Он продолжал таращиться на пламя, опустив глаза. Не знаю, сколько времени прошло в тишине. Не знаю даже, о чём я тогда думал.

Нойхайм был проницателен. И знал это.

– Я принимаю свою судьбу, – ответил он на мой невысказанный вопрос, хотя его голос был не убедителен.

– Ты не обычный гоблин.

Нойхайм плюнул в огонь.

– Я не знаю, гоблин ли я вообще, – проговорил он. Если бы в тот момент я ел, то наверняка бы в моём горле вновь встал ком.

– Я не похож ни на одного гоблина, которого когда-либо встречал, – пояснил он с безнадежным смешком. Я подумал, что его вечное смирение столь типично для беспомощного, безвыходного положения. – Даже моя мать... Она убила отца и мою младшую сестру, – он насмешливо прищелкнул пальцами, чтобы усилить сарказм своих следующих слов. – По гоблинским меркам они это заслужили, потому что не поделились ужином.

Нойхайм затих и покачал головой.

Внешне он, вне всякого сомнения, являлся гоблином, но, судя по искренности его слов, я мог сказать, что он был не таким, как его злобные сородичи. Эта мысль пробрала меня дрожью. За те годы, что я был следопытом, я никогда не сомневался, как должен вести себя с гоблинами; никогда не останавливал свои сцимитары, чтобы разобраться, не отличается ли кто-то из них своим поведением от обычных, известных мне злых существ.

– Надо было сказать мне, что ты раб, – снова проговорил я.

– Я не горжусь этим.

– Почему ты сидишь здесь? – спросил я, хотя и так знал ответ. Я также был когда-то рабом, пленником жестоких живодёров разума, одних из самых злых обитателей Подземья. Нет более жестокой и смиряющей пытки, чем рабство. Однажды дома я видел сотню орков, которых удерживали под полным контролем всего шесть солдат-дроу. Если бы они набрались храбрости, то, вне всякого сомнения, уничтожили бы своих охранников. Но даже если отвага – не первая вещь, которой лишают раба, то наверняка одна из первых.

– Ты не заслуживаешь такой судьбы, – сказал я уже помягче.

– Что ты об этом знаешь? – возразил Нойхайм.

– Знаю, что это неправильно, – ответил я, – что надо что-то делать.

– А я знаю, что меня повесят, если я попытаюсь сбежать, – резко сказал он. – Я никогда не делал плохого людям. Вообще никому. И не хочу. Но мне выпала такая судьба.

– Мы не связаны принадлежностью к расе, – сказал я ему, найдя наконец слова убеждения, вспомнив свой долгий путь из тьмы Мензоберранзана. – Ты говорил, что слышал рассказы обо мне. Разве они – то, чего можно ожидать от темного эльфа?

– Ты дроу, а не гоблин, – сказал он так, словно этот факт все объяснял.

– Но ты сам сказал, что принадлежишь к гоблинам не больше, чем я – к тёмным эльфам, – напомнил я ему.

– Попробуй разберись, – ответил он, пожав плечами, и этот беспомощный жест наполнил меня глубокой болью. – Может, мне сказать Рико, что я не гоблин

душой и поступками, а просто жертва безжалостной судьбы? Думаешь, он поверит мне? Думаешь, что какой-то фермер способен это понять?

– Ты боишься попровать? – спросил я.

– Да!

Я поразился силе этих слов.

– Я не первый раб Рико, – продолжил он. – Он держал у себя гоблинов, орков, однажды даже багбира. Ему нравится заставлять других делать работу, понимаешь? Но много ли других рабов ты видел на дворе Рико, Дриззт До’Урден?

Он знал, что я не видел ни одного раба, и меня не удивляли его слова. Я почувствовал, что начинаю ненавидеть Рико Пенгаллена.

– Рико покончил с ними, – продолжал Нойхайм. – Они потеряли способность к выживанию. Стали бесполезны. Ты заметил высокий столб с поперечиной за воротами?

Я содрогнулся, представив, для чего мог служить этот столб.

– Я живу, и буду жить, – объявил Нойхайм. В первый раз решительный гoblin позволил своей защите ослабеть, и мрачное выражение его лица выдало неискренность этих слов.

– Ты хотел бы, чтоб огры-налетчики убили тебя, – сказал я, и он не ответил.

Некоторое время мы сидели в тишине; тишине, которая тяжело давила на нас обоих. Я знал, что не должен оставлять такую несправедливость безнаказанной. Я не мог повернуться спиной – пусть даже к гоблину – ни к кому, кто нуждался в помощи. Я обдумал все возможные варианты и пришёл к выводу, что для настоящей победы над этой несправедливостью я должен использовать всё влияние, какое смогу. Как большинство фермерских деревень в этом регионе, Пенгаллен не был независимым поселением. Люди здесь были под защитой и, следовательно, под надзором и законом крупных близлежащих городов. Я мог обратиться к Аластриэль, правящей Серебристой Луной, и Бруенору Боевому Молоту, королю ближайших земель и моему лучшему другу.

– Возможно, однажды я найду в себе силы пойти против Рико, – неожиданно сказал Нойхайм, прервав мои раздумья. Я хорошо помню его следующие слова. – Я не отважный гoblin. Я просто хочу жить, хотя часто сомневаюсь, что такая жизнь чего-то стоит.

Эти самые слова мог бы произнести и мой отец. Закнафейн тоже был рабом, хотя и рабом другого сорта. Он жил в Мензоберранзане, и не в низшем положении, хотя и ненавидел тёмных эльфов и их злобный нрав. Он не видел выхода, самой возможности побега из города дроу. Из-за недостатка смелости он жил как воин-дроу, выживал, следуя тем самым порядкам, которые были для него столь отвратительны.

Я снова попытался напомнить Нойхайму, что ушёл от подобной судьбы, что мне удалось выйти из безнадёжного положения. Я объяснил, что странствовал среди людей, которые, несомненно, ненавидели и боялись меня из-за репутации моих сородичей.

– Ты дроу, а не какой-то гoblin, – снова ответил он, и на этот раз я начал понимать смысл, стоящий за его словами. – Они никогда не поймут, что в моем сердце нет зла, как у других гоблинов. Даже я не понимаю этого!

– Но ты же веришь в это, – твердо сказал я.

– Думаешь, надо сказать им, что я гoblin другого рода?

– Именно так! – воскликнул я. Мне казалось, что это достаточно разумно. Я думал, что нашёл ответ, который искал.

Нойхайм прикрыл дверь и быстро рассказал обо мне и об окружающем мире, который я раньше не принял во внимание.

– Чем мы отличаемся? – надавил я, надеясь, что он увидит моё понимание

истины.

– Ты считаешь себя гонимым? – спросил гоблин. Его жёлтые глаза сузились, и я понял, что он полагает свои слова близкими к истине.

– Я больше не принимаю это определение, так же, как и не допускаю гонений, – провозгласил я. Мои гордые слова внезапно стали понятны этому несчастному существу. – Люди выносят свои собственные суждения, но больше я не стану мириться с их несправедливыми решениями.

– Ты будешь сражаться с теми, кто относится к тебе не так? – спросил Нойхайм.

– Я буду отвергать их, игнорировать, зная в глубине души, что прав в своих убеждениях.

Улыбка Нойхайма выражала одновременно искреннюю радость за то, что я нашёл свой путь, и глубокую печаль – за себя.

– У нас разное положение, – настаивал он. Я хотел было возразить, но он остановил меня, подняв ладонь. – Ты дроу, экзотика. Многие никогда не встречали тебе подобных.

– Почти каждый на земле слышал ужасные истории о дроу, – попытался возразить я.

– Но они не имели дела с самими дроу! – резко возразил Нойхайм. – Ты для них диковинка, странно красивая даже по их собственным стандартам. Твои черты правильны, Дризт До'Урден, твои глаза пронизательны. Даже твоя кожа, такая чёрная и блестящая, для обитателей наземного мира считается прекрасной. А я гоблин, уродливый гоблин, как телом, а может и душой.

– Если бы ты открыл им правду о своей душе...

Нойхайм рассмеялся над моими словами.

– Открыть правду? Правду, которая поставит под вопрос всё, что они знали в своей жизни? Стать тёмным зеркалом их совести? Эти люди, включая и Рико, убили много гоблинов – и, наверное, поделом, – быстро добавил он, и это пояснение открыло все, что Нойхайм пытался показать мне, слепцу.

Если эти фермеры, многие из которых часто бились с гоблинами, и другие, кто держал гоблинов в рабстве, обнаружат всего одно существо, не отвечающее их определениям злой расы, всего одного гоблина, в котором есть совесть и сострадание, интеллект и дух, родственный их собственному, это может повергнуть всё их существование в хаос. Я и сам почувствовал, будто меня ударили в лицо, когда понял настоящую причину поведения Нойхайма. Лишь благодаря собственному опыту, родству с тёмными эльфами, подавляющее большинство которых оправдывало свою мрачную репутацию, я смог преодолеть чувство смутения и вины.

Эти фермеры могли и не понять Нойхайма. Они наверняка прониклись бы к нему страхом и большей ненавистью.

– Я не отважен, – снова проговорил Нойхайм, и, хотя я был не согласен, оставил слова при себе.

– Ты отправишься со мной, – сказал я ему. – Этой ночью. Мы пойдем обратно на запад, в Мифриловый Зал.

– Нет!

Я посмотрел на него, чувствуя себя скорее уязвлённым, чем озадаченным.

– Я не хочу, чтобы за мной снова охотились, – объяснил он, и, судя по отсутствующему, страдальческому взгляду я понял, что он вспоминает, как Рико преследовал его в первый раз.

Я не мог заставить Нойхайма повиноваться, но и дальнейшей несправедливости допустить тоже не мог. Должен ли я был открыто противостоять Рико? Это повлекло бы последствия – и серьёзные! Я не знал, каким силам подчиняется Пенгаллен. Если деревня принадлежала городу, не известному своей

снисходительностью, например, Несму на юго-западе, тогда любое действие, совершённое против её жителей, создало бы проблему в отношениях этого города и Мифрилового Зала, поскольку фактически я являлся послом Бруенора Боевого Молота.

Так я покинул Нойхайма. Утром я подобрал себе хорошую лошадь и отправился единственным остававшемся мне путём. Я решил, что первым делом поеду в Серебристую Луну, так как Аластриэль была среди самых уважаемых правителей этих земель. Затем, если понадобится, обращусь к справедливости Бруенора.

Тогда же я решил, что, если ни Аластриэль, ни Бруенор не станут помогать Нойхайму, я возьму дело в свои руки, чего бы это ни стоило.

Три дня стремительной скачки, и я оказался в Серебристой Луне. Как ни странно, меня вежливо приняли у западных врат города, стражники приветствовали меня со всеми благословениями Леди Аластриэль. Я сказал, что мне нужно с ней увидеться и мне ответили, что владычица уехала по делам на восток, в Сандабар, и должна вернуться через две недели.

Я не мог ждать, поэтому попрощался со стражниками, сказав им, что вернусь через декаду-другую, и отправился тем же путём, откуда пришёл. Придётся обратиться к Бруенору.

Возвращение было одновременно волнующим и мучительным. Столь непривычная для меня встреча в Серебристой Луне дала надежду, что неправды мира можно победить, и от этих мыслей моя голова едва не пошла кругом. В то же время я чувствовал, что фактически бросил Нойхайма; что моё желание следовать этикету и правилам было трусостью. Я должен был настоять, чтобы гоблин отправился со мной; я должен был забрать Нойхайма прочь от его бед и затем попытаться мирно уладить ситуацию.

В своей жизни я совершал ошибки, и я знал, что тогда совершил одну из них. Я повернул назад к Пенгаллену вместо того, чтобы ехать прямо ко двору Бруенора в Мифриловый зал.

Я нашёл Нойхайма висящим на перекладине принадлежащего Рико столба.

Есть события, что навечно застыли в моей памяти, чувства, источающие ауру живых и длительных воспоминаний. Я помню ветер, дувший в тот ужасный миг. День, тёмный от низких облаков, был не по сезону тёплым, но каждый порыв ветра, спустившегося с высоких гор и несущего дыхание глубоких снегов, жалил холодом. Он дул мне в спину, развевая длинные белые волосы и тесно прижимая плащ к спине; я же сидел на своей лошади, беспомощно глядя на высокий столб.

Порывистый ветер медленно поворачивал окоченевшее и вздутое тело Нойхайма, и болт, на котором крепилась веревка, скрипел жалобно и протестующе.

Таким он останется в моей памяти вечно.

Я не успел даже спешиться, чтобы снять с верёвки с несчастного гоблина, когда Рико с несколькими крепкими спутниками (все были вооружены) вышел из дома навстречу мне – чтобы бросить мне вызов, подумал я. За ними шёл безоружный Тармен, лицо его выражало безнадёжность.

– Чёртов гоблин пытался убить меня, – объяснил Рико, и на какое-то мгновение я поверил ему, боясь, что вынудил Нойхайма совершить роковую ошибку. Но когда Рико продолжил, заявляя, что гоблин напал на него среди белого дня, при дюжине свидетелей, я начал понимать, что всё это была заготовленная заранее ложь. Свидетели были не более, чем его соучастниками в лживом сговоре.

– Нет причин расстраиваться, – продолжал Рико, и его самодовольная ухмылка давала ответ на все мои расспросы об убийстве. – Я убил много гоблинов, – быстро добавил он, его тон слегка изменился, – и, наверное, поделом.

Почему Рико прикрылся словом «наверное»? Я понял, что слышал эти самые

слова, сказанные раньше, сказанные точно так же. Я слышал, как Нойхайм говорил их... значит, Рико тоже слышал! Страхи, которые гоблин высказал в ту ночь в сарае, внезапно оказались зловещим и правдивым пророчеством.

Мне захотелось взять свои сцимитары, соскочить с лошади, зарубить Рико и отогнать любого, кто встанет на защиту убийце.

Тармен взглянул на меня, ясно увидев мои намерения, и покачал головой, молчаливо напомнив мне, что своим оружием я всё равно не смогу никому помочь, включая Нойхайма.

Рико всё ещё говорил, но я больше не слушал. К кому я мог обратиться за помощью? Разве мог я ждать, что Аластриэль или даже Бруенор предпримут какие-либо действия против Рико? Для всех Нойхайм был просто-напросто гоблином, и даже если бы я хоть как-то мог доказать что-то иное, смог бы убедить Аластриэль или Бруенора, что гоблин этот был мирным, и что с ним обошлись несправедливо, они ничего не могли бы поделать. Мотив преступления был убедителен. Для Рико и жителей Пенгаллена Нойхайм, несмотря на все мои слова, оставался всего лишь гоблином. Ни один справедливый суд в этом регионе, где кровавые схватки с гоблинами столь обычны и где почти каждый потерял родича по вине этих существ, не осудит этих людей из-за казни Нойхайма – казни монстра.

Я помог свершиться преступлению. Я вновь пленил Нойхайма и вернул его во владение Рико – даже когда почувствовал, что что-то не так. И затем я вновь вмешался в жизнь гоблина, внушил ему опасные мысли.

Рико продолжал говорить, когда я соскользнул с одолженной лошади, перебросил Тулмарил через плечо и ушёл по дороге в Мифриловый Зал.

Закат. Очередной день уступает место ночи. Я сижу на склоне горы, неподалеку от Мифрилового Зала.

Началось таинство ночи, но знает ли теперь Нойхайм истину большего, великого таинства? Я часто задумываюсь о тех, кто ушёл до меня, кому открылось то, чего я не открою до тех пор, пока не умру сам. Лучше ли Нойхайму сейчас, чем в рабстве у Рико?

Если загробная жизнь справедлива, тогда, несомненно, лучше.

Я должен верить, что это так, но всё же мне до сих пор больно знать, что я сыграл свою роль в гибели необычного гоблина, в том, что пленил его, в том, что пришёл к нему позже – пришёл с надеждами, которые он не мог себе позволить. Я не могу забыть, что покинул Нойхайма, сколь хороши бы ни были мои намерения. Я уехал в Серебристую Луну и оставил его беззащитным, оставил в незаслуженных мучениях.

Эта ошибка преподнесла мне урок.

Больше никогда я не оставлю подобной несправедливости. Если я снова повстречаю существо, подобное Нойхайму духом и находящееся в такой же опасности, да устрасит меня его злобный повелитель. Пусть силы закона рассмотрят мои действия и оправдают меня, если посчитают их правильными. Если же нет...

Это не имеет значения. Я буду следовать голосу сердца.

ТРЕТИЙ УРОВЕНЬ ОБМАНА

*Изначально опубликован в сборнике «Королевства злодеяний»
TSR, 1994*

Артеми́с Энтрери меня очаровывает. Его появление послужило контрастом для Дриззта, когда впервые его имя было упомянуто в эпилоге «Хрустальный осколок». Во второй книге я начал видеть в нём полную противоположность Дриззта, его отражение в тёмном зеркале (мои глубочайшие извинения названию второго рассказа). В ходе повествования первых книг я смотрел на Энтрери глазами Дриззта. Мне хотелось, чтобы он узнал наёмного убийцу лучше, и узнал, в кого бы он, Дзиррт, превратился, если бы остался в Мензоберранзане. Эпизоды в «Потоках серебра», где Дриззт и Энтрери сражаются бок о бок в Мифриловом Зале, поединки между ними в «Сокровище полурослика», и особенно в «Наследии», по сей день остаются одними из моих любимых эпизодов во всех книгах.

В один из моментов Артеми́с Энтрери отступил от своей роли, став значить для меня намного больше, чем очередное исследование очередного аспекта бытия мыслящего смертного существа. Кажется, я осознал это в 1991-м во время работы над «Отступником», когда Энтрери ещё не было и в помине (по летоисчислению Королевств он тогда ещё не родился). В то время TSR как раз перешла на вторую редакцию AD&D, в которой намеренно был ликвидирован класс ассасинов. Я получил звонок от Джеффа Грабба, координатора Королевств, который любезно попросил меня «убить» Энтрери, чтобы этого не пришлось делать разработчикам игры. Дело в том, что по замыслу все души ассасинов должны быть отданы злему богу — такой подход объяснял происходящие в Королевствах изменения. Наш спор продолжался полчаса. Я настаивал на том, что ни я, ни TSR не должны убивать Энтери. И вдруг меня осенило.

– Не понимаю, почему он должен исчезнуть? – недоумевал я.

– Потому что во второй редакции Королевств ассасинов нет, – в сотый раз отвечал Джефф.

– Он не ассасин, – не унимался я и, удивившись, что не слышу ответа Джеффа, добавил, – он вор-боец, который убивает людей за деньги.

После очередной паузы Джефф ответил:

– Это мы сможем устроить.

Повесив трубку, я порази́лся тому, как отчаянно защищал Энтрери. Для меня он не был простым разбойником; он превратился в важного персонажа, выходящего далеко за рамки взаимоотношений с Дриззтом. Я прекрасно понимаю, почему многие рассказы этой антологии сосредоточены на его персоне, и в рассказе «Третий уровень обмана» я хотел узнать почему. Почему этот человек потерпел неудачу там, где Дриззт преуспел? Почему он стал жертвой своего презренного окружения?

Работая над рассказом, я увидел в Энтрери человека безнравственного, не бессмертного, лишённого эмоций. Он знает лишь мрачную сторону этого мира, но умеет в нём выживать. Мы знаем, что, как правило, преступники возникают откуда-то из мрака. Тысячи книг, тысячи часов сеансов психотерапии посвящены выявлению тёмного прошлого, которое может наставить человека на тёмный путь. Думаю, это касается и Артемиса Энтрери.

ТРЕТИЙ УРОВЕНЬ ОБМАНА

(перевод – Habilis)

Тёмные глаза юноши обшаривали окрестности. Такова жизнь – всегда в движении, всегда настороже. Он заметил шевеление слева, между двумя ветхими хижинами из дерева и глины.

Ребёнок. Играющий ребёнок, благоразумно скрывающийся в тени.

Движение справа – там женщина в глубокой нише за окном, представлявшей собой дыру в стене (никто в этом районе Калимпорта не был настолько богат, чтобы застеклить окна). Женщина стояла не шевелясь и наблюдала за ним, не догадываясь, что и он, в свою очередь, наблюдал за ней.

Он чувствовал себя хищной кошкой, пересекающей равнину, и женщина казалась ему одним из многих оленей, который надеется, что его не заметят.

Молодому Артемису Энтрери нравилось ощущение власти. Он работал на этой улице – если можно назвать улицей случайное скопление облезлых лачуг, разбросанных по разбитому повозками полю – уже более пяти лет, с тех пор как ему исполнилось всего девять.

Он остановился, медленно повернулся к окну, и женщина отпрянула, почуяв малейший намёк на угрозу.

Энтрери улыбнулся и продолжил инспекцию. Это его улица, сказал он себе, оглядывая место, которое объявил своим спустя три месяца после прибытия в Калимпорт.

У места не было официального названия, но теперь, благодаря ему, оно обрело индивидуальность. Теперь это был квартал, хозяином которого был Артемис Энтрери.

Какой же путь прошел он за эти пять лет, добираясь на перекладных от самого Мемнона. Артемис усмехнулся при фразе "от самого". По правде говоря, Мемнон был ближайшим к Калимпорту городом, но в бесплодной пустыне Калимпана даже до ближайшего города добираться было долго и трудно.

Но Энтрери справился, выжил, несмотря на все трудности пути, начиная от тяжёлых работ, взваленных на него жестокими караванщиками, и кончая домогательствами развратного старика, вонючего небритого тупицы, который, видимо, думал, что девятилетний мальчик...

Артемис выгнал воспоминание из головы, отказываясь следовать проторенной тропинкой памяти. Он пережил дорогу и обокрал купцов на второй день по приезду, когда узнал, что они взяли его с собой лишь для того, чтобы продать в рабство.

Не стоило вспоминать и ужасы, которые заставили его сбежать из родного дома. Он до сих пор чувствовал смрадное дыхание отца и дяди, как и того развратного старика.

Боль воспоминаний уступила место ненависти, в тёмных глазах заблестела сталь, на руках напряглись точёные мышцы. Он смог. Остальное не в счёт. Это его улица, безопасное место, где никто не смеет ему угрожать.

Артемис возобновил наблюдение за своей территорией, изучая глазами окрестности. Он видел каждое движение и каждую тень – он был хищной кошкой, выискивающей скорее добычу, чем угрозу.

Он невольно издал пренебрежительный смешок, глядя на величие своего "королевства". Его улица? Только потому, что ни один другой вор не подумал взять её себе. Артемис мог трудиться шесть дней подряд, обворовывая каждого пьяницу, коих немало валялось в грязи в этом обнищавшем районе. Но при этом ему едва удавалось наскрести монет, чтобы прилично поесть на седьмой день.

Всё же, для беспризорника этого было достаточно. Все эти годы уличное

ремесло кормило и поддерживало в нём гордость. Теперь он был молодым человеком четырнадцати лет – или почти четырнадцать. Артемис не помнил точно дату своего рождения, помнил только, что это было перед коротким сезоном дождей, когда обстановка дома была не так ужасна.

И снова молодой человек выкинул из головы нежелательные мысли. В конце концов, ему всего четырнадцать; как бы в подтверждение этого он посмотрел на своё прекрасно тренированное, гибкое тело весом чуть менее шестидесяти килограмм, каждый сантиметр которого был покрыт тугими мышцами. Всего четырнадцать, а он уже горд за себя – и по праву! – потому что выжил, преуспел. Он осматривал свою улицу, свои владения, и его маленькая грудь вздымалась. Даже старые пьяницы боялись его, обращаясь к нему с должным уважением.

Он это заслужил, и все в этом маленьком квартале Калимпорта, состоящего из тысячи таких маленьких трущоб, сгрудившихся вокруг беломраморных, отделанных золотом купеческих дворцов, уважали его и боялись.

Все, кроме одного.

Новый бандит, молодой человек, вероятно на три-четыре года старше Артемиса, объявился в начале декады. Не спросив разрешения у Артемиса, он начал грабить бродяг и даже являться в дома при свете дня и терроризировать жителей. Пришелец заставлял "подопечных" Артемиса готовить ему еду или предоставлять другие "лакомства".

Это злило Артемиса больше всего. У Артемиса не было ни любви, ни уважения к простому народу его "королевства", но он встречал людей, подобных этому бандиту и раньше – как в своём ужасном прошлом, так и в тревожных ночных кошмарах. По правде сказать, места на улице двум головорезам хватало. За пять дней, проведённых здесь новоприбывшим, они с Артемисом даже ни разу не встретились. И, конечно, ни один из несчастных информаторов Артемиса не просил защиты от новой напасти. Никто из них не осмеливался даже заговорить с юношей, если тот сам не спрашивал.

Но оставался ещё вопрос чести, и он не терпел отлагательства.

Артемис выглянул из-за угла хижины, осматривая грязную улицу.

– Точно по расписанию, – прошептал он, когда пришелец показался на другом конце относительно прямой дороги. – Предсказуем.

Артемис презрительно скривил губы. Предсказуемость – это слабость. Надо запомнить.

У бандита, как и у самого Энтрери, были тёмные глаза и чёрные, как воды Кандадского Оазиса, волосы. Их чернота была столь глубокой, что отливала всеми цветами радуги. Уроженец Калимпорана, решил Энтрери. Вероятно, человек не сильно отличался от него самого.

«Какое мучительное прошлое толкнуло захватчика на его улицу?» размышлял юноша. «Нет, никакого сочувствия!» одернул себя Артемис. «Жалость приводит к смерти».

Сделав глубокий вдох, он вновь сосредоточился и стал равнодушно смотреть, как пришелец повалил на землю шатающегося старика и рывком сорвал у несчастного потёртый кошелек. Очевидно не удовлетворившись скудным содержимым, молодой человек оторвал полусгнившую доску от ближайшей лачуги и с размаху ударил бедолагу по лбу. Старик жалобно заскулил, но бандит ударил снова, разбив ему нос. Старик стоял на коленях, по лицу текла алая кровь. Он плакал и умолял, но получал удар за ударом, пока не уткнулся разбитым лицом в грязь, заглушившую его всхлипы.

Артемис не испытывал жалости к старому бродяге. Однако его возмущало то, что старик признал хозяином этого пришельца, который явился незванным во владения Артемиса Энтрери.

Энтрери опустил руки в карманы, нащупывая скромный арсенал, который носил при себе: две пригоршни песка и камень с острым краем. Он вздохнул, чувствуя трепет возбуждения от предстоящей битвы и понимая её неизбежность. Юноша собрался выйти из-за угла, но замер, сосредотачиваясь на ощущениях. Он был хищной кошкой, хозяином здешних мест, и законно защищал свои владения. Но вместе с тем оставалось некое чувство грусти, которую Энтери не мог отвергнуть, и чувство смирения, которого не мог понять.

Где-то в глубине души, в маленьком её уголке, запечатанном ужасами пережитого прошлого, он понимал, что так не должно быть. Но осознание этого не отвратило от предстоящей драки. Наоборот, это ещё больше разозлило его.

С губ сорвалось животное рычание, и Артемис выступил из-за хибары на открытое место, преграждая врагу путь.

Тот остановился, в ответ разглядывая своего соперника. Конечно, он знал об Артемисе, точно так же, как тот знал о нём.

– Наконец-то, ты показался, – самоуверенно произнес пришелец. Он был крупнее стройного Артемиса, хотя его бойцовскую фигуру слегка отягощал лишний вес. Своими широкими плечами он был обязан не только возрасту, но и жизненным тяготам. Мышцы его, хоть и не были массивными, переплетались, как крепкие верёвки.

– Я искал тебя, – сказал он, медленно приближаясь. Его осторожность подсказала наблюдательному Артемису, что под напускной храбростью парня скрывалось сильное волнение.

– Я не прятался, – ответил Артемис. – Ты мог найти меня в любое время.

– С какой стати?

Артемис обдумал глупый вопрос и пожал плечами, решив не удостаивать хвастливую реплику ответом.

– Ты знаешь, зачем я здесь, – сказал, наконец, парень. Голос прозвучал ещё резче, что ещё раз подтверждало его излишнюю нервозность.

– Забавно, а я подумал, что это я нашел тебя, – ответил Артемис. Он старательно скрывал озабоченность тем, что негодяй пришел на его улицу с целью более важной, чем он предполагал.

– У тебя не было выбора, – твёрдо заявил захватчик.

Нет, что-то здесь явно не так. Артемису пришло в голову, что этот мужчина (а он выглядел действительно, как мужчина, а не уличный беспризорник), должен быть выше того, что бы заявлять свои права на такую убогую территорию. Даже если он был новичком в деле, такой принцип не подходил взрослому бандиту. Наверняка он связан с одной из многих воровских гильдий в этом городе воров. Тогда, почему он пришел? И почему один?

Может, его вышвырнули из гильдии?

На мгновение Артемис испугался, что такой противник ему не по зубам. Его оппонент был взрослым, и, вероятно, опытным вором. Но Энтрери сразу же отбросил эту версию. Молодых выскочек не "вышвыривали" из воровских гильдий Калимпорта; они просто исчезали – и об их внезапном отсутствии никто не задумывался. Но этот соперник, очевидно, не был ребёнком, брошенным на произвол судьбы.

– Кто ты? – резко спросил Артемис. И тут же пожалел о сказанном, опасаясь, что невольно признался в собственной неосведомлённости. Артемис был абсолютно одинок в этом мире. Вокруг него не было никакой организации, никаких союзников, представляющих хоть какую-то ценность, и он имел весьма смутное представление о том, кто действительно правит Калимпортом.

Бандит усмехнулся, и долгое время изучал противника. Артемис был мал и, вероятно, быстр и опасен в драке, как указывалось в сообщениях гильдии. Он стоял

спокойно, держа ладони в карманах потрёпанных штанов, голые смуглые руки были маленькими, но мышцы были развиты неплохо. Бандит знал, что у Артемиса нет союзников, ему сказали об этом, перед тем, как послать сюда. Тем не менее, этот паренёк – а в глазах опытного вора Артемис и впрямь был ребёнком – стоял легко и казался не по годам выдержанным. Но мужчину беспокоило другое.

– У тебя нет оружия? – с подозрением спросил он.

И, опять, Артемис в ответ лишь пожал плечами.

– Ну, ладно, – сказал головорез твёрдым тоном, будто только что принял решение. Чтобы подчеркнуть это, он взял доску, с которой всё ещё капала кровь старика, и резким движением поднял её к плечу. Поднял, как понял Артемис, в более удобную позицию. Бандит был едва в шести метрах, когда начал движение к нему.

В этот момент Артемис понял, что за происходящим скрывается нечто большее, и захотел выяснить правду.

Три метра.

Артемис продолжал стоять в уверенной и спокойной позе, но мускулы напряглись.

Мужчина был не более чем в полутора метрах от него. Рука Энтрери выскочила из кармана, швырнув облачко мелкого песка.

Дубинка ушла вверх, и человек отвернул голову, смеясь.

– Хотел ослепить меня горсткой песка? – спросил он с издевкой. – Как умно, пустынный воин догадался использовать песок!

Конечно, это был пресловутый "старейший трюк" в толстой книге по технике коварного уличного боя любого калимшанского плута. За ним последовал второй старейший трюк, когда Артемис снова запустил руку в карман и кинул вторую горсть песка.

Бандит смеялся, уже закрывая глаза, отводя от себя атаку. Он быстро моргнул, всего на мгновение, на долю секунды. Но этого мига хватило, что бы одинаково хорошо владеющий обеими руками Артемис, извлек из кармана левую руку и метнул острый камень.

У него была лишь единственная возможность, один миг и крохотная мишень. Он должен был быть безупречен – это стало принципом жизни Артемиса ещё с малолетства, с тех пор как он вышел в пустыню, которая не прощает ни малейшей ошибки.

Острый камень просвистел мимо поднятой дубины и угодил бандиту в горло, чуть в стороне от центра. Он рассек трахею и отклонился налево, разрезав стенку артерии.

– Чт...? – начал бандит, и остановился, явно удивленный любопытным присвистом, неожиданно появившимся в его голосе. Из горла хлынул фонтан крови, заливая щёку. Свободной рукой он схватился за рану, пытаясь остановить поток. Он ещё сохранял хладнокровие, держа свою импровизированную дубину, чтобы не дать Артемису возможности подойти, хотя юноша уже убрал руки в карманы и не двигался.

Он хорош, решил Артемис, искренне аплодируя спокойствию человека продолжающего защищаться.

Он хорош. Но Артемис безупречен. Приходилось быть безупречным.

Поток крови почти остановился, но артерия была перерезана, а с ней и трахея.

Бандит зарычал, приближаясь. Артемис даже не шелохнулся.

Бандит внезапно остановился, широко раскрыв тёмные глаза. Он пытался заговорить, но лишь выплюнул яркий сгусток крови. Он попытался вдохнуть, но лишь вновь забулькал – его лёгкие быстро наполнялись кровью – и упал на колени.

Умирал он долго. Калимпорт был безжалостным местом. Приходилось быть

безупречным.

– Неплохо, – слышался голос слева.

Артемис обернулся и увидел двоих человек, небрежно выходящих из узкого переулочка. Он сразу понял, что это были воры, вероятно, члены гильдии. Артемис был уверен, что только матерые воры могут подойти так близко к нему незамеченными.

Артемис поглядел на труп у своих ног, и в голове завертелись тысячи вопросов. Тогда он понял с холодной уверенностью, что это была не случайная встреча. Бандита, которого он убил, к нему подослали.

Он усмехнулся, скорее, насмешливо фыркнул и пинком послал кучку грязи в лицо покойнику.

Не будешь безупречен – и тебя убьют. Безупречных, как Артемис скоро выяснил, приглашают в воровскую гильдию.

Артемис с трудом привыкал к тому, что любая еда теперь стала доступна по щелчку пальцев. Кроме того, ему предоставили мягкую постель, но он побоялся, что такая роскошь расслабит его. Ночью он спал на полу.

Тем не менее, сам факт был важен. Артемиса мало заботили богатства и удовольствия, главное, что ему их предлагали.

Это было преимущество членства в Кликке Бассадони, одной из наиболее влиятельных воровских гильдий города. На самом деле преимуществ было много, но для такого независимого молодого человека, как Артемис Энтрери, недостатков было не меньше.

И одним из них был лейтенант Тиблис Руазет, которого паша Бассадони назначил персональным наставником Энтрери. Он олицетворял тех людей, к которым Энтрери испытывал отвращение: обжора и лентяй с тяжелыми, вечно слипающимися веками. Кудрявые каштановые волосы воняли и были настолько сальными и грязными, что прилипали к голове. На его рубахе всегда виднелись остатки последних четырех обедов. Тиблис ничего не делал быстро, кроме одного движения, которым он отправлял последнюю пригоршню еды в недра своих чавкающих челюстей, но в интеллектуальном плане мужик был проницателен и опасен.

Ещё он был садистом. Несмотря на явные физические ограничения, Тиблис занимал второе после паши Бассадони место в иерархии гильдии, наряду с полудюжиной других лейтенантов.

Артемис его ненавидел. Тиблис раньше был торговцем, и, как многие другие поставщики Калимпорта, нажил себе неприятности с городской стажей. Тогда Тиблис использовал своё богатство, что бы купить себе место в гильдии и уйти в подполье, таким образом избежав ужасных тюрем Калимпорта. Видно, богатство было немалым, учитывая, что Паша Бассадони принял этого опасного слизняка в гильдию, не говоря уже о том, что бы назначить его лейтенантом.

Артемис был достаточно сообразителен, что бы понять, что Бассадони выбрал садиста Тиблиса его персональным наставником для настоящей проверки верности новой "семье".

Тяжелейшей проверки, сделал вывод Артемис. Он стоял, облокотившись на обтёсанную каменную стену комнаты в подвале гильдии, скрестив руки на груди, и нетерпеливо постукивая пальцами в толстых перчатках. Чем дальше, тем сильнее он скучал по своей улице и тем дням, когда он ни слушался никого, кроме себя и своих

инстинктов выживания. Те дни закончились после меткого броска острым камнем.

– Ну? – снова напомнил Тиблис, опять пришедший с неожиданной проверкой. Он извлёк что-то довольно большое из своего широкого плоского носа. Как и все остальное, что попадало в его пухлые, похожие на детские, ручонки, это быстро отправилось в рот.

Артемис не пошевелился. Он перевёл глаза с Тиблиса на пятидесятилитровый стеклянный ящик на другом конце плохо освещенной комнаты. Помещение находилось почти на десять метров под землей, но было сухим и пыльным.

Покачиваясь на каждом шагу, толстый лейтенант подошел к ящику. Артемис послушно последовал за ним, поймав кивок сторожившего дверь вора, того самого, что встретил Артемиса на улице после убийства бандита. Его звали Танцор, один из подчинённых Тиблиса, и один из многих приятелей, которых молодой Артемис завёл, попав в гильдию. Танцор кивнул в ответ и выскользнул из комнаты.

Он мне доверяет, подумал Артемис. За это он считал Танцора идиотом.

Артемис поравнялся с Тиблисом возле ящика. Толстяк внимательно смотрел на маленьких оранжевых змей, сплетающихся внутри.

– Красавицы, – сказал Тиблис. – Такие гибкие и изящные, – он посмотрел на Артемиса из-под опухших век.

Артемис не мог с ним не согласиться. Это были смертоносные фесалийские, или как их ещё называли, «двухшаговые», гадюки. После укуса рептилии человек с воплем успевал сделать два шага, после чего замертво падал на землю.

Действенно и прекрасно.

Добывать яд из ужасных гадюк даже в толстых перчатках было незавидным заданием. Но, похоже, у гнусного Тиблиса Руазета был пунктик – никогда не давать Артемису простых поручений.

Тиблис долго любовался шевелящимися змеями, затем глянул вправо. Он с трудом подавил удивление, когда понял, что Артемис неслышно обошел вокруг него, подойдя к дальнему концу комнаты. Он повернулся к молодому вору и, скривившись, тихо хохотнул. Пущенный свысока смешок тут же напомнил Артемису, что он здесь всего лишь подчинённый.

Тогда-то Тиблис и увидел столик, частично скрытый за ширмой. На миг его заплывшее лицо выразило удивление, но он тут же одёрнул себя и успокоился.

– Твоих рук дело? – спросил он, приближаясь к ширме и указывая на маленький круглый стол со стеклянной столешницей, с каждой стороны которого было по большому рычагу.

Артемис медленно повернулся и посмотрел через плечо на Тиблиса, но не удосужился ответить. Артемис был сборщиком яда. Естественно стол был "его рук делом". Кто ещё, кроме его жирного начальника, захочет приходить в эту комнату?

– Ты нашёл много союзников среди низших членов гильдии, – заметил Тиблис. Из всего, что Артемис от него слышал, это походило на похвалу больше всего. На самом деле Тиблис действительно был впечатлён. Это было прямо-таки героической ловкостью со стороны новичка, чтобы передвинуть имеющий дурную репутацию вращающийся столик в удобное, тихое место. Но, немного поразмыслив, Тиблис не особо удивился. Этот обаятельный юноша, обладал характером, внушавшим уважение головорезам гораздо старше него.

Да, Тиблис знал, что Артемис Энтрери не был обычным малолетним карманником. Он мог стать великим вором, одним из лучших. Он мог принести Клике Бассадони огромную выгоду. Или серьёзные неприятности.

Не оборачиваясь, Артемис перешёл комнату и сел на одно из двух кресел, поставленных с противоположных сторон вращающегося стола.

Конечно, это не было полной неожиданностью. Тиблис пережил несколько подобных сцен с юнцами, проходившими у него жестокое обучение. Более того,

молодой Артемис уже наверняка знал, что это Тиблис послал в труппы бандита, который бросил вызов подростку. Тиблис догадывался, что Танцор уже рассказал Энтрери об этом. Он сделал себе заметку поговорить с Танцором, когда закончит с Энтрери. Тихо посмеиваясь, толстяк прошёлся по комнате и встал возле сидящего воришки. Он увидел, что четыре стакана, стоящих в равномерных углублениях по периметру стола, были до половины налиты прозрачной водой. В центре стола стоял пустой пузырек с белёсыми стенками из-под яда.

– Надеюсь, ты понимаешь, что я близкий друг Паши Бассадони, – сказал Тиблис.

– Я понимаю, что если ты сядешь в это кресло, ты добровольно примешь вызов, – ответил Артемис. Он протянул руку и убрал пузырек. По четким правилам состязания на столе не должно было быть ничего кроме четырёх стаканов.

Тиблис затрясся от смеха, но Артемис ничего другого и не ожидал. Он знал, что не имеет права бросать такой вызов, но испытал облегчение, когда Тиблис похлопал его по плечу и начал обходить стол. Толстый лейтенант остановился и, как будто что-то заметив, внимательно посмотрел в каждый стакан.

Он блефует, убеждал себя Артемис. Яд фесалийской гадюки был абсолютно прозрачен, как вода.

– Ты налил достаточно? – с абсолютным спокойствием спросил Тиблис.

Артемис не пошевелился. Он знал, так же как и толстый лейтенант, что достаточно было одной капли.

– И ты отравил только один стакан? – задал Тиблис ещё один риторический вопрос, хотя правила состязания были чётко определены.

Тиблис сел в предложенное кресло, по-видимому, принимая вызов. Спокойствие Артемиса чуть не дало трещину, и он едва сдержал вздох облегчения. Лейтенант мог отказаться, мог приказать выволочь Артемиса из зала и выпотрошить его за одну только мысль о том, будто он удостоился бросить вызов вышестоящему члену гильдии. Но Артемис подозревал, что жестокий Тиблис не пойдет таким простым путем. Тиблис ненавидел его так же сильно, как и Энтрери ненавидел Тиблиса, и он делал всё, чтобы подпитывать эту ненависть в течение последних нескольких недель.

– Только один? – опять спросил Тиблис.

– Это имеет значение? – ответил Артемис, полагая себя умным. – Один, два или три отравленных напитка – мы рискуем одинаково.

Лицо толстого лейтенанта приняло кислое выражение.

– Это Стол Четвертей, – сказал он снисходительно. – Четверть. Одна четвертая. Это правило. Когда столешница раскрутится, у каждого из нас есть один шанс из четырёх глотнуть отравленный напиток. И, по правилам, отравленным может быть только один стакан, и только один из участников может умереть.

– Отравлен только один, – подтвердил Артемис.

– Это яд именно фесалийской гадюки, и никакой другой, верно?

Артемис кивнул. Такому настороженному сопернику, как молодой плут, заданный вопрос мгновенно раскрыл тот факт, что Тиблис не боялся этой отравы. Конечно, не боялся.

Тиблис кивнул в ответ и сделал серьёзное лицо.

– Ты уверен в том, что делаешь? – голосом, полным торжественной важности, спросил он.

Артемис не упустил из виду скрытый смысл фразы опытного убийцы. Тиблис претворялся, что хочет дать ему возможность передумать, но это была всего лишь уловка. И Артемис стал подыгрывать. Он нервно огляделся, а на его лбу показались капли пота.

– Может быть... – начал он осторожно, делая вид, что не уверен в себе.

– Ну? – подначил Тиблис после долгой паузы.

Артемис начал вставать, будто действительно передумал бросать вызов. Тиблис остановил его резким словом. Выражение удивления на юном хрупком лице Артемиса казалось искренним.

– Вызов принят, – зарычал лейтенант. – Обратной дороги нет.

Артемис упал в кресло, схватил край стола и сильно рванул. Столешница, как рулетка, тихо и плавно завертелась на центральной оси. Артемис взялся за длинный рычаг у своего бока – один из тормозов стола – и Тиблис, самодовольно улыбаясь, сделал то же самое.

В этой игре нервов Тиблис, сцепившись взглядами с Артемисом, впервые начал подозревать всю опасность юного противника. В этот момент лейтенант оценил чистейшее коварство безжалостного Артемиса Энтрери. Но он не боялся, не расслабился, и заметил легкое движение глаз Артемиса, указывавшее на то, что юноша следил за вертящимися стаканами более внимательно, чем хотел показать.

Артемис поймал незначительное мерцание, неуловимую вспышку, отблеск с поверхности стола, затем вторую. Задолго до того как Тиблис навестил его, он слегка поцарапал край одного из стаканов. После этого Артемис старательно выровнял стол и своё сидение. С каждым вращением крохотная насечка на стакане отражала мерцание факела, горящего в ближайшем канделябре – но только для его глаз.

Артемис тихо считал время, пролетающее между вспышками, оценивая скорость движения стола.

– Почему ты так рискуешь? – спросил настороженный Тиблис, пытаясь сломить концентрацию юноши. – Неужели ты так меня возненавидел за несколько коротких декад?

– Долгих месяцев, – поправил Артемис. – Но вообще-то ещё раньше. Моя драка на улице не была случайностью. Это была подстава, проверка, между мною и человеком, которого я должен был убить. И это устроил ты.

То, как Артемис описал своего противника "человек, которого я должен был убить", указало Тиблису на мотивацию юноши. Незнакомец на пыльной улице, скорее всего, был первой жертвой Артемиса Энтрери. Лейтенант улыбнулся про себя. Некоторые слабаки находят, что убийство трудно принять. Либо первое убийство, либо неизбежная дорога, на которую оно привело молодого человека, не нравились Энтрери.

– Мне нужно было узнать чего ты стоишь, – сказал Тиблис, признавая свою причастность. Но Артемис уже не слушал его. Молодой вор снова сосредоточил внимание на вертящихся стаканах.

Тиблис отпустил свой тормоз, заметно замедляя вращение. Ось была хорошо смазана – некоторые даже утверждали, что не обошлось без магии, – и столешнице не нужно было сильного толчка, что бы продолжать вертеться.

Артемис не выказал ни малейшего беспокойства от внезапного изменения скорости. Он оставался полностью сосредоточен и снова начал считать. Помеченный стакан отблескивал точно на одну восьмую окружности от кресла Тиблиса. Артемис настроился на ритм, что бы каждый полный поворот происходил на счет восемь.

Он увидел вспышку, сосчитал до девяти и резко потянул тормоз. Столешница остановилась, жидкость в стаканах заплескалась, капли разбрызгались по столу и по полу.

Тиблис уставился на стакан перед собой. Он подумал, что надо указать молодому воришке на то, что он не понимает должного протокола вращающегося стола, ибо предполагалось, что тормозить надо медленно, по очереди, и окончательная остановка делается вызванной стороной. Толстый лейтенант решил не делать из этого проблемы. Он знал, что его провели, но не волновался. Он ожидал этого вызова уже почти десять дней, и у него в крови было достаточно противоядия,

что бы противостоять яду сотни фесалийских гадюк. Он поднял свой стакан. Артемис сделал то же, и вдвоём они сделали по большому глотку.

Прошло пять секунд. Десять.

– Что ж, – начал Тиблис, – похоже, что никто из нас не нашёл сегодня смертельную четверть, – он вытащил свою огромную тушу из кресла. – Конечно, о твоей наглости будет подробно рассказано Паше Бассадони.

Энтрери не моргнул глазом и не шелохнулся. Тиблис подумал, что молодой вор скрывает своё удивление, или кипит от злости, или пытается вычислить, как ему избежать этого неожиданно обрушившегося несчастья. Секунды бежали, и спокойствие юноши начинало нервировать толстого лейтенанта.

– У тебя был один шанс, – неожиданно громко огрызнулся Тиблис, – Я жив, значит, ты проиграл. Готовься дорого заплатить за свою дерзость.

Артемис не пошевелился.

“Весьма неплохо, для юного выскочки”, подумал Тиблис, прищёлкнув пальцами. Уходя, он думал, как бы поизощрённее наказать мальчишку.

Эта попытка будет восхитительна, и в этот раз Бассадони не сможет его остановить. Глава гильдии, который, по оценке Тиблиса, сделался к старости слишком мягким, много раз вмешивался, защищая Энтрери и останавливая Тиблиса, когда узнавал, что толстый лейтенант планирует жестокое наказание для молодого новичка. Но только не теперь. В этот раз Бассадони не сможет вмешаться. В этот раз Энтрери точно заслужил наказание.

Придя в свои роскошные апартаменты, Тиблис первым делом направился к набитому доверху буфету. Известно, что сыворотка от яда фесалийской гадюки вызывает сильный голод, а Тиблиса никогда не нужно было уговаривать поесть. Лейтенант извлёк двухслойный пирог, огромную, посыпанную сахаром выпечку, украшенную самыми сладкими фруктами.

Он взял нож, что бы отрезать кусочек, но пожал плечами и решил съесть пирог целиком. Обоими руками он потянул пирог ко рту.

– Сообразительный парнишка, – поздравил Тиблис своего подопечного, возвращая пирог на стол. – Хитрость внутри хитрости, притворство внутри притворства! Конечно, ты знал эффект противогадючьей сыворотки. Конечно, ты знал, что я сразу побегу к своему буфету! И у тебя было время, не так ли, Артемис Энтрери? Умный паренек!

Тиблис посмотрел в окно, и уже собрался выкинуть пирог на улицу. Пусть бездомные бродяги найдут ошмётки, съедят и попадают замертво! Но пирог был великолепен. Он не мог его выбросить, он был так голоден.

Вместо этого лейтенант прошёл в глубь комнаты к своему бюро. Он тщательно отпёр защищенный ловушкой ящичек, проверил восковую печать, чтобы убедиться, что никто не лазил сюда до него и что Артемис не испортил его запасы. Удостоверившись, что всё в порядке, Тиблис открыл секретное отделение в дне ящика и извлёк очень ценный флакон. В нём была янтарного цвета жидкость, магическое снадобье, которое нейтрализует любой яд, принятый человеком. Тиблис посмотрел обратно на пирог. Был ли Артемис так умён, как казалось Тиблису? Понимал ли молодой мошенник концепцию хитрости внутри хитрости?

Тиблис вздохнул и подумал, что у Артемиса вполне могло хватить на это ума. Флакон с универсальным противоядием стоил очень дорого, но пирог выглядел так аппетитно!

– Я заставляю Артемиса Энтрери купить мне другой флакон, – решил оголодавший лейтенант, проглатывая противоядие. Он протопал по комнате и откусил маленький кусочек от края пирога, пробуя на вкус. Пирог был действительно отравлен. Опытный Тиблис сразу догадался об этом по едва заметному кисловатому привкусу.

Лейтенант знал, что противоядие справится и не позволит юному выскочке провести его с такой прекрасной едой. Он потёр свои пухлые ручки и взял пирог. Он давился, заглатывая огромные куски, вылизывая серебряную тарелку.

Той же ночью Тиблис умер страшной смертью. Он проснулся в страшной агонии. Его внутренности горели огнём. Он пытался позвать на помощь, но захлебнулся кровью.

Слуга нашёл его на следующее утро, со ртом, полным свернувшейся крови, подушка была в коричневатых пятнах, а живот покрыт воспалёнными синими рубцами. Многие в гильдии слышали от Танцора про брошенный вчера вызов, и, таким образом, вывод о причастности молодого Артемиса Энтрери напрашивался сам собой.

Молодого ассассина поймали на улицах Калимпорта только через десять дней, но он заставил побегать всю разветвлённую шпионскую сеть могущественной гильдии Паши Бассадони. Он был скорее спокоен, нежели напуган, когда два дородных убийцы раздражённо вели его обратно в здание гильдии.

Артемис верил, что Бассадони накажет его, может быть, даже убьёт, но осознание того, что Тиблис Руазет умер в муках, этого стоило.

Он никогда раньше не бывал в верхних палатах гильдии и не мог представить, какие находятся там богатства. По комнатам сновали прекрасные женщины, сверкая драгоценностями. Повсюду стояли огромные мягкие лежа и разбросанные подушки, а за каждой третьей аркой скрывались ванны с тёплой ароматной водой.

Весь этаж был посвящён всевозможным утехам. И всё же, Артемису оно казалось скорее опасным, чем соблазнительным. Его целью была безупречность, а не удовольствие. Это место делало человека мягким.

Он был несколько удивлён, когда, наконец, оказался перед Пашой Бассадони. Артемис первый раз увидел его вживую. Маленький кабинет Бассадони был единственной на этом этаже комнатой, не обставленной роскошью. Меблировка была незатейливой: деревянный стол и три простых стула.

Вид паши вполне соответствовал его кабинету. Миниатюрный человек, старый, но полный достоинства, одет скромно и неброско, седые волосы тщательно уложены. Его взгляд, как и осанка, были идеально прямыми.

Почти сразу Артемис понял, что этого человека нужно уважать, даже бояться. Смотря на Пашу, юноша в который раз задался вопросом, как не к месту был здесь такой слизень как Тиблис Руазет. Энтрери догадался, что Бассадони, должно быть, глубоко ненавидел Тиблиса. Эта идея подарила ему надежду.

– Так ты признаёшь, что сжульничал за Столом Четвертей? – спросил Бассадони, специально затянув паузу, после того как изучил Артемиса так же внимательно, как и тот изучал его.

– Разве это не часть состязания? – быстро нашёлся Артемис.

Бассадони хихикнул и кивнул.

– Тиблис ожидал, что я буду жульничать, – продолжал Артемис. – В его комнате нашли флакон из-под универсального противоядия.

– Который ты подменил?

– Нет, – честно ответил Артемис. Озадаченное выражение лица Бассадони побудило молодого плута продолжать.

– Противоядие сработало, как и предполагалось, и пирог был действительно отравлен, – признал Артемис.

– Но... – замялся Бассадони.

– Но ни одно противоядие Калимшана не защитит от толчёного стекла.

Бассадони покачал головой.

– Хитрость на хитрость внутри хитрости, – сказал он. – Притворство на притворстве внутри притворства. – Он с любопытством поглядел на умного парня. –

Тиблис был способен мыслить до третьего уровня обмана, – рассудил он.

– Но не верил, что я могу, – быстро отпарировал Артемис. – Он недооценил своего противника.

– И заслужил смерть, – после небольшой паузы подвел итог Бассадони.

– Вызов был принят добровольно, – быстро заметил Артемис, напоминая старому паше, что любое наказание по законам гильдии будет несправедливо.

Бассадони откинулся на стуле, постукивая кончиками пальцев друг о друга. Он смотрел на Артемиса долго и внимательно. Молодой ассассин рассуждал достойно. Но он уже почти приказал убить Артемиса, ясно видя жестокость и абсолютное отсутствие сострадания в его чёрном сердце. Он понимал, что никогда не сможет полностью доверять Артемису Энтрери, но также понимал, что тот вряд ли обернётся против него, старика и потенциально ценного учителя, если только сам не вынудит его. Бассадони также знал, насколько ценным кадром является столь умный и хладнокровный убийца, каким может стать Артемис Энтрери – особенно когда ещё пять честолюбивых лейтенантов дерутся за место главы гильдии, в надежде что он скоро умрет.

“Возможно, я всё же переживу этих пятерых”, с легкой улыбкой подумал паша. Артемису же он сказал:

– Я не буду тебя наказывать.

Артемис не выдал эмоций.

– Ты действительно хладнокровный негодяй, – с искренней симпатией в голосе продолжил Бассадони, не удержав улыбки. – Теперь оставь меня, Лейтенант Энтрери. – он махнул старческой рукой, как будто всё происходящее ему наскучило.

Артемис собрался уйти, но остановился и оглянулся, только сейчас понимая значение того, как обратился к нему Бассадони.

Два дюжих охранника по бокам новоиспечённого лейтенанта тоже это поняли. Один из них обеспокоено ошетинился, уставившись на молодого человека. «Лейтенант Артемис Энтрери?», будто недоверчиво спрашивало суровое выражение его лица. Мальчишка, в половину его ростом, попавший в гильдию всего несколько месяцев назад. Ему же всего четырнадцать!

– Наверное, первой моей обязанностью будет проследить за продолжением твоего обучения, – сказал Артемис, холодно смотря в лицо качка. – Ты должен научиться лучше скрывать свои чувства.

Момент злости сменился у человека откровенным ужасом, когда он, в свою очередь, посмотрел в эти бессердечные тёмные глаза, слишком злобные для юного возраста Артемиса Энтрери.

Ближе к вечеру Артемис Энтрери, вышел из здания гильдии Бассадони, чтобы совершить короткое путешествие, которого долго ждал. Он вернулся на свою улицу, на территорию, которую выкроил среди нищеты Калимпорта. Пыльный оранжевый закат отмечал конец ещё одного жаркого дня, когда Артемис повернул за угол и ступил на то же место, где ему пришлось убить молодого бандита.

Артемис покачал головой, чувствуя себя полностью подавленным. Он выжил на этих улицах, пережил вызов, брошенный Тиблисом Руазетом, и свой ответный вызов ему. Он выжил и преуспел, и стал полноправным лейтенантом в Клике Бассадони.

Медленно Артемис прогуливался по грязной дороге, скользя взглядом справа налево и обратно, как он делал когда-то, когда был здесь хозяином. В те дни это

были его улицы, и жизнь была проста. Теперь его путь простирался среди таких же вероломных людей, как и он сам. И всегда с этих пор он должен будет ходить, повернувшись спиной к стене – твёрдой стене, которую он уже проверил на наличие смертельных ловушек и секретных проходов.

Всё случилось быстро, в течение всего нескольких месяцев – путь уличного беспризорника до лейтенанта Клики Бассадони, одной из самых могущественных воровских гильдий Калимпорта.

И всё же, смотря на дорогу, что привела его из Мемнона в Калимпорт, из грязного переулочка в отделанные полированным мрамором покои воровской гильдии, Артемис Энтрери начал задумываться, не было ли это превращение куда менее чудесным. Ничто не случается так быстро; он шел к этому, казалось бы, волшебному превращению, годами оттачивая свои уличные навыки, годами бросая вызов и побеждая жестоких людей, таких как Тиблис, старый развратник в караване или отец...

Шум со стороны привлёк внимание Артемиса к боковой улочке, где шумно бегала стайка мальчишек. Половина чумазой толпы перебрасывала друг другу маленький камешек, в то время как другая половина пыталась его отобрать.

Артемис Энтрери испытал настоящий шок, когда осознал, что эти дети – его ровесники, а возможно даже немного старше. Он почувствовал укол боли.

Мальчишки вскоре скрылись за следующей хибарой, смеясь и крича, оставляя за собой облако пыли. Артемис выбросил их из головы, подводя итог, снова думая о том, чего он добился, и какие высоты славы и власти лежат перед ним. В конце концов, он купил себе право на такие тёмные мечты, заплатив своей юностью и невинностью – теми ценностями, которых не понимал, пока не растратил.

ГВЕНВИВАР

*Изначально опубликован в сборнике «Королевства магии»
TSR, 1995*

Ах, Гвен, с чего мне начать? Всю жизнь я любил домашних животных и подолгу проводил дни, сидя с собакой или кошкой и рассказывая им о своих тревогах и мечтах. Я знаю, каким верным другом может стать такой компаньон и, размышляя о трудностях Дриззта в наземном мире, в котором не жалуют тёмных эльфов, мне непременно хотелось подарить ему в спутники какое-нибудь магическое животное.

Но позвольте заметить: я не тот «счастливчик», кто пишет короткие рассказы. Вообще-то я не люблю ни формат, ни ограничения, ни вынужденное навязывание истории поверх развития персонажа. Хотя, время от времени, люблю сочинить короткую историю, чтобы отойти в сторону и осветить одну из сторон романа, как в данном случае я это сделал с загадочной Гвен. Этот рассказ дал мне возможность с радостью проработать несколько концепций. Меня всегда привлекал Миф Драннор как чистейшее место в видении Забытых королевств Эда Гринвуда.

Во время работы над рассказом я был заинтригован концепцией певца клинка, возникшей во второй редакции AD&D. Наконец-то, настоящий боевой маг!

И наконец, благодаря этому рассказу, я раз и навсегда смог положить конец путанице с полом Гвен – по крайней мере, я на это надеялся. Позвольте кое-что заметить: Гвенвивар всегда была «она». Всегда! Впервые я встретил это имя, представляющее собой вариацию имени артуровой королевы, в фантастической (во всех смыслах) серии Мэри Стюарт о Мерлине. Guenwivar с кельтского или гаэльского означает Дженнифер или Гвиневра, соответственно. По мнению Стюарт это слово означает «тень», что никак лучше подходит спутнице Дриззта.

Так или иначе, когда я писал «Хрустальный осколок», мне было сказано не прививать к пантере какой-либо пол. Волшебные создания AD&D не имеют пола, так мне объяснили. Я спорил, но ничего не добился.

Затем, когда книга вышла, к своему ужасу я обнаружил, что некто (скорее всего редактор), заменил в некоторых эпизодах моменты, присвоив моему волшебному созданию мужское местоимение. Позднее мне пришлось отвечать на сотни писем, объясняя причину путаницы, потому что я вернулся к женскому местоимению. Гвен это она!

Я написал этот рассказ как предтечу к событиям трилогии о Дриззте. Обратившись к жрецу Кэддерли, я изучал долгие воспоминания волшебной пантеры, и через Гвен, со слов Кэддерли, поведал историю о её первом спутнике, Джозидае Стариме. Несколько лет я с надеждой ждал возможности написать этот рассказ, пока наконец не узнал, что некто другой забрал моего героя, Джозидая, и создал целый рассказ о нём, включая и его смерть. Что ж, мы созидаем один мир и делаем общее дело.

Тем не менее, эта история в куда большей степени, нежели другие, чествует игру Dungeons and Dragons.

Вспоминая певца клинка, Миф Драннор и многие «фишки» D&D, оглядываясь на рассказ «Гвенвивар», я вижу, в каком восторге находился от игры и игрового мира.

ГВЕНВУВАР

(перевод – Robin)

Джозидая Старим беспечно бродил по улицам Кормантора. Обычно строгий и сумрачный эльф позволил сегодняшней прекрасной погоде и последним переменам в любимом городе вскружить себе голову. Джозидая был «певцом клинка», соединяющим меч и магию, защитником эльфийского народа и его образа жизни. А в Корманторе 253 года многие эльфы нуждались в защите. Вокруг кишели гоблиноиды, но, что хуже, страсти накалились и в самом городе. Противостояние благородных домов – среди которых были и Старимы – угрожало разорвать на части всё, что созидал государь Эльтагрим, всё, что воздвигли эльфы в Корманторе, величайшем городе в Королевствах.

Но ничто не нарушало покой этого дня, сияния весеннего солнца, лёгкого дуновения северного ветерка. Даже сородичи Джозидаи были сегодня в хорошем настроении. Его дядя Талейсин пообещал защитнику, что нанесет визит ко двору Эльтагрима и попытается найти пути к примирению их разногласий.

Джозидая надеялся, что эльфийская аристократия снова станет единой. Ему больше, чем любому другому в городе, было что терять. Он был «певцом клинка», квинтэссенцией всего, что считалось эльфийской чертой, но в его чудесную эпоху эти черты стали не так ясны.

То была эпоха перемен, великой магии, монументальных решений. То была эпоха, когда люди, гномы, полурослики, даже бородатые дварфы скитались в поисках удачи на ветреных дорогах Кормантора, мимо остроконечных шпилей грациозных эльфийских строений. За все сто пятьдесят лет жизни Джозидаи традиции эльфийского общества казались ясны и нерушимы. Но теперь из-за их государя, мудрого и заботливого Эльтагрима, вспыхнули споры о том, что считать эльфийской сутью, и, что не менее важно, какие отношения следует эльфам строить с другими добрыми народами.

– Доброе утро, Джозидая, – обратилась к нему юная и миловидная девушка, племянница самого Эльтагрима. Она стояла на балконе, оглядывая просторный сад, чьи бутоны ещё не распустились. За садом виднелась широкая улица.

Джозидая остановился на ходу, сделал сальто в воздухе и приземлился аккуратно на согнутое колено, его золотистые волосы захлестнули лицо и отхлынули в стороны, открывая блестящие синие глаза.

– Добрейшего из утр тебе, добрая Фелисити, – ответил защитник. – Жаль, что вместо цветов, достойных твоей красоты, при мне лишь эти клинки, откованные для войны.

– Эти мечи красивее всех цветов, что я видела, – лукаво улыбнулась Фелисити. – Особенно в руках Джозидаи Старима на рассвете, на плоской скале на вершине пика Беренгиль.

Воин почувствовал, как к лицу краска прилила. Он давно подозревал, что кто-то следит за его утренним ритуалом – танцем с мечами, который он исполнял голышом – и теперь получил подтверждение.

– Возможно, Фелисити стоило бы присоединиться ко мне в танце рассвета, – ответил он, сдерживая дыхание, – чтобы я мог по достоинству вознаградить её за успехи в слежке.

Девушка смущённо рассмеялась и убежала обратно в дом, а Джозидая покачал головой и побрёл прочь. Ему нравились мысли о том, как он мог бы «по достоинству отплатить» этой непослушной девчонке, хотя опасался, что, учитывая стать и красоту Фелисити, такие игры могли привести к чему-то большему. Ну уж нет, только не сейчас, когда Эльтагрим так непредсказуем.

Воин тряхнул головой, отбрасывая мысли. День был слишком хорош для мрачных рассуждений, а мысли о Фелисити могли выбить его из колеи перед предстоящей встречей. Джозидая направился к западным воротам Кормантора, где стражи почтили его коротким поклоном, и вышел на открытый воздух. Сколь бы Джозидая ни любил город, дикую природу он любил ещё больше. Только здесь он был по-настоящему свободен от всех забот и житейских мелочей, и только здесь было то чувство опасности, что поддерживало его в форме. Не следит ли за ним сейчас гoblin из тени, держа наготове грубое копьё?

И ещё здесь был друг, человек по имени Андерс Бельтгарден, волшебник и бывший следопыт, которого Джозидая хорошо знал уже четыре десятилетия. Андерс не ходил в Кормантор даже после указа Эльтагрима, открывшего ворота инородцам. Он жил вдали от людных дорог, в невысокой ладно построенной башне, которую охраняли магические стражи и ловушки его собственной работы. Даже лес вокруг его дома был полон ловушек и иллюзий, сбивающих с пути. Бельтгарден так тщательно скрывал свой дом, что немногие эльфы из Кормантора вообще знали о его существовании, и ещё меньше кто видел его лично. И никто из них, не считая Джозидая, не мог найти его снова без помощи самого Андерса.

И Джозидая не сомневался: если бы Андерс хотел скрыть башню от него, это бы не составило труда.

Но в этот прекрасный день даже запутанные тропинки к дому Бельтгардена казались Джозидая проще, чем обычно. А когда он подошёл к подножию здания, дверь оказалась не запертой.

– Андерс! – крикнул он, пытаясь разобрать что-либо во мраке за дверным проёмом, откуда пахло так, словно там только что сожгли дюжину свечей. – Старый болван, ты дома?

Зверский рёв заставил воина выхватить свои поющие клинки мгновенным, неуловимым для глаз движением.

– Андерс? – осторожно позвал он, пробираясь вдоль коридора. Его ноги двигались в совершенном равновесии, мягкие туфли касались камня нежно, бесшумно, как лапы кошки.

Рык раздался снова, и на сей раз Джозидая понял, с чем имеет дело: с хищной кошкой, вышедшей на охоту. Большой кошкой, заключил эльф, прислушавшись, как дрожат глубоким эхом каменные стены коридора.

Он прошёл мимо пары расположенных друг напротив друга дверей, затем миновал другую, слева.

Третья, догадался он. Рык раздаётся из-за третьей двери. Эта мысль дала певцу клинков слабую надежду, что ситуация под контролем – ведь эта самая дверь вела в алхимическую лабораторию Андерса, самое охраняемое место башни.

Джозидая мысленно проклял себя за то, что не подготовился магически. Сегодня он заучил всего несколько заклинаний, но день выдался столь замечательным, что эльф решил не тратить много времени на то, чтобы сидеть, уткнувшись носом в книги. Если бы только у него было теперь заклинание, которое позволило бы проникнуть в комнату быстрее, через магический портал, или хотя бы позволило видеть комнату перед ним сквозь каменные стены...

Оставались только мечи, но и с ними Джозидая Старим был далеко не беззащитен. Он прислонился спиной к стене около двери и глубоко вдохнул. И не медля не секунды – старый Андерс мог быть в большой беде – певец клинков ринулся прямо в дверь.

Он ощутил, как тело пронзают электрические искры – сработала защита двери. Его подбросило в воздух, и он приземлился у подножия тяжёлого дубового стола. За столом стоял Андерс Бельтгарден, возясь с чем-то. Он едва удостоил взглядом оглушённого эльфа.

– Мог бы и постучать, – сухо заметил старый маг.

Джозидая без церемоний вскочил с пола, чувствуя, что мышцы ещё не восстановились после ловушки. Убедившись, что поблизости нет опасности, Джозидая задержал взгляд на человеке, как делал это обычно. Мало людей в своей жизни видел певец клинков – люди лишь недавно появились на северных берегах Моря Падающих Звёзд, и в окрестностях Кормантора были редкостью.

А этот, вдобавок, был весьма занятым человеком, с грубым морщинистым лицом и окладистой седой бородой.

Андерс потерял в битве один глаз, который теперь выглядел мёртвым и был затянут серой плёнкой поверх прежней яркой зелени. Да, Джозидая мог разглядывать старого Андерса часами, читая в его шрамах и морщинах сказания времён. Большинство сородичей эльфа сочли бы старика просто уродцем – у эльфов не бывает морщин, они стареют красиво, и выглядят под конец жизни так же, как несколько столетий назад.

Но Джозидая не считал Андерса некрасивым, вовсе нет. Даже остатки кривых зубов во рту старика возвышали это старое и мудрое создание, этот монумент годам, опалённым солнцем и пронизанным штормами, годам боёв с гоблинами и великанами. Джозидая казалось нелепым, что он вдвое старше этого человека. Эльф не отказался бы и сам иметь пару морщин, отмечающих пережитый им опыт.

– Ты должен был догадаться, что дверь защищена, – рассмеялся Андерс, – Ах, ну конечно, ты знал! Ха-ха! Просто решил повеселить старика, пока он жив!

– Боюсь, ты меня переживёшь, старик, – ответил певец клинков.

– Ещё как переживу, если не прекратишь вот так вламываться в двери.

– Я испугался за тебя, – объяснил Джозидая, оглядывая просторную залу – слишком просторную, чтобы уместиться внутри тонкой башни, даже если бы она занимала весь этаж. Воин подозревал, что здесь замешана магия измерений, но не мог определить её, да ревнивый Андерс ему бы и не дал. И при всех своих размерах, лаборатория Андерса представляла собой свалку из рядов коробок до потолка, столов и шкафов, расставленных в беспорядке тут и там.

– Я слышал рык, – продолжил эльф, – рык дикой кошки...

Не отрывая глаз от пробирок, с которыми возился, Андерс кивнул в сторону покрытой сукном коробки.

– Смотри, не подходи слишком близко, – коварно усмехнулся старый маг. – Старая Мурка схватит тебя за бок и умнёт вмиг, не сомневайся! И тогда тебе не помогут даже твои блестящие мечи, – хихикнул Андерс.

Едва слушая мага, Джозидая осторожно подкрадывался к покрывалу, стараясь идти бесшумно, чтобы не потревожить кошку внутри. Он взялся за угол сукна и, отодвинувшись в сторону, сдёрнул его. От увиденного у эльфа отвисла челюсть.

Это была кошка, как он и предполагал, огромная чёрная пантера, вдвое – нет, втрое! – больше, чем самая крупная кошка, о которой Джозидая приходилось слышать. Притом кошка была самкой, а самки обычно меньше самцов. Она медленно, методично расхаживала по клетке, будто выискивая в ней слабое место, чтобы сбежать. Могучие мускулы переливались под кожей с неповторимой грацией.

– Где ты достал такое восхитительное животное? – спросил эльф. Его голос насторожил пантеру, она прекратила нарезать круги. Кошка окинула Джозидая таким пристальным, умным взглядом, что дальнейшие слова застряли у него в горле.

– О, у меня свои источники, эльф, – проворчал старый маг. – Я искал такую киску много-много лет, по всему известному миру – даже в тех частях, которые ещё никому не ведомы кроме меня!

– Но зачем? – прошептал Джозидая. Его вопрос относился в равной степени к пантере и к магу – в самом деле, певец клинков не мог понять, что может оправдать

заклучение такого творения в клетку.

– Помнишь мою историю про тупиковый каньон, – в ответ спросил Андерс, – откуда мы с моим учителем улетели верхом на сове от тысячи гоблинов?

Джозидая кивнул, улыбаясь при воспоминании об этой удивительной истории. Слова Андерса полностью дошли до него только через минуту. Он обернулся к магу с хмурой тенью на лице. «Статуэтка...» – пробормотал Джозидая. Сова была статуэткой, превращающейся в гигантскую птицу, когда требовалось её хозяину. В мире было множество таких артефактов, даже в Корманторе, и Джозидая немного знал о способах их создания, хотя его собственной магии не хватило бы на столь сложнейшие заклятия. Он оглянулся на огромную пантеру, в глазах которой уловил печаль, и снова повернулся к Андерсу.

– Но кошку в момент подготовки надо будет убить, – возмутился эльф. – И тогда энергия её жизни волеётся в статуэтку, которую ты создашь.

– Над которой сейчас работают, – беспечно ответил колдун. – Я нанял самого искусного гномьего ювелира, чтобы он вырезал статуэтку. Этот человек, то бишь гном – лучший мастер в стране. Не бойсь, статуэтка придётся кошке по достоинству.

– Достоинство? – откликнулся Джозидая ироническим эхом, глядя вглубь бездонных, мудрых жёлто-зелёных глаз пантеры. – Ты убьёшь кошку?

– Я дам ей бессмертие! – важно ответил Андерс.

– Ты дашь только смерть её телу и рабство её душе, – выплюнул Джозидая, испытывая к старому Андерсу внезапный прилив гнева. Певец клинков и раньше встречал подобные статуэтки, и считал их полезными артефактами, не задумываясь о жертвоприношении животного. В конце концов, убивал же сам Джозидая оленей и кабанов для своего стола. Казалось бы, почему волшебнику не создать такой замечательный инструмент из животного?

Но на сей раз всё было по-другому, Джозидая чувствовал это всем сердцем. Это животное, величественная и свободная кошка, не должна попасть в рабство.

– Ты сделаешь из пантеры... – начал было Джозидая.

– Мурки, – поправил Андерс.

– Пантеры, – с напором повторил эльф, не в силах смириться с таким дурацким ярлыком, повешенным на гордое животное. – Ты превратишь пантеру в игрушку, живой инструмент, работающий только по воле своего хозяина.

– А чего ещё ты ожидал? – удивился старый маг. – Что можно придумать лучше?

Джозидая пожал плечами и беспомощно вздохнул.

– Независимость, – пробормотал он.

– А тогда какой будет толк от моей работы?

По лицу Джозидая нетрудно было прочесть ответ. Независимый магический спутник будет не так полезен путешественнику в опасной ситуации, но, безусловно, это будет более предпочтительно с точки зрения убиваемого животного.

– Зря ты пошёл в певцы клинков, парень, – поддразнил его Андерс. – Тебе бы учиться на следопыта. У тебя мозги на эту сторону повёрнуты!

– Следопытом? – переспросил эльф, – Как некий Андерс Бельтгарден в прошлом?

Старый маг выдохнул долго и устало.

– Ты настолько отрёкся от идеалов своего прежнего дела, променяв их на обманчивый флёр тайн магии? – не унимался Джозидая.

– Ох, и славный следопыт из тебя бы вышел! – сухо констатировал Андерс.

Джозидая пожал плечами:

– Моя нынешняя профессия не так уж сильно отличается, – возразил он.

Андерс мысленно согласился. В глазах Джозидая Старима старик видел отражение себя в молодости, наивного идеалиста. Забавно выходит с этими

эльфами, отметил он: тот, кто вдвое его старше, так похож на него, на треть младше нынешнего.

– И когда ты начнёшь? – спросил Джозидая.

– Начну? – проворчал Андерс. – Дружище, я уже начал и работаю над этой тварью последние три недели, и ещё шесть месяцев я потратил на то, чтобы подготовить свитки, порошки, зелья и травы. Нелёгкое это дело, скажу тебе. И недешевое! Знаешь, во что мне обошлись самые обыкновенные металлические опилки от гномов, достаточно мелкие, чтобы их без опаски можно было добавлять в еду кошки?

Джозидая почувствовал, что не хочет больше продолжать разговор. Ему не хотелось слушать о яде – как он понял слова мага – подсыпаемом этой прекрасной пантере. Он снова взглянул на кошку, в её глубокие, пристальные глаза, разумные сверх всякого понимания.

– На улице прекрасная погода... – пробормотал эльф, даже не думая, что Андерс улучит минутку на прогулки ради хорошей погоды. – Даже мой упрямый дядюшка Талейсин, лорд-протектор дома Старим, позволил солнцу согреть его лицо.

Андерс хрюкнул.

– И он будет весь день ухмыляться, когда уложит вашего Эльтагрима хуком по морде?

Эта шутка застала Джозидая врасплох, и он не устоял от заразительного хохота Андерса. Талейсин и в самом деле был столь упрям и резок, что Джозидая не особо удивился бы, если Старим по возвращении в дом обнаружил бы, что его дядя поколотил государя Эльтагрима.

– Важное решение принял Эльтагрим, – вдруг сказал Андерс серьёзным тоном. – И на редкость смелое. Допустив в город другие добрые народы, ваш Государь завертел колесо истории, и теперь его нелегко будет остановить!

– К добру или к худу?

– Одни провидцы знают, – пожал плечами Андерс. – Но выбор его был верным, я уверен, хотя и не без риска. – Маг снова фыркнул. – Какая жалость, ведь даже будь я молодым человеком, мне бы не светило увидеть последствия указа Эльтагрима. Ведь эльфы тянут время медленно. Сколько столетий пройдёт, прежде чем Старимы вообще решат, согласны ли они с указом Эльтагрима?

У Джозидая вырвался очередной смешок, но в этот раз короткий. Андерс говорил о риске, и был совершенно прав. Многие высокие дома, не только Старимы, пришли в негодование от иммиграции народов, которые высокомерные эльфы привыкли считать низшими расами. Были даже несколько смешанных браков между эльфами и людьми, но отпрыски таких союзов становились в Корманторе изгоями.

– Мой народ со временем примет мудрые слова Эльтагрима, – решил эльф наконец.

– Молю, чтобы ты был прав, – откликнулся Андерс, – ведь Кормантору грозят опасности покрупнее, чем возня заносчивых эльфов.

Джозидая поглядел на него с удивлением.

– Люди, полурослики, гномы, и, главное, дварфы ходят среди эльфов, живут в Корманторе, – пробормотал Андерс. – Так с чего бы, думаю я, гоблинам не понравится мысль, что все их главные враги собрались в одном месте, в один лакомый винегрет?

– Но вместе мы во много раз сильнее, – возразил певец клинков. – Многие волшебники людей превосходят даже наших. Дварфы куют лучшее оружие, а гномы изобретают диковинные машины. А полурослики... да, даже полурослики – ловкие союзники и опасные противники.

– Не могу тебе возразить, – кивнул Андерс, успокаивающе махнув морщинистой, трёхпалой после зубов гоблина, рукой. – Я же сказал, Эльтаgrim сделал правильный выбор. Но я молю, чтобы внутренние распри поутихли, иначе же, говорю, внешние проблемы Кормантора удесятятся.

Джозидая кивнул, успокаиваясь. Он не только не спорил с рассуждениями старого Андерса, но в глубине души питал такие же страхи. Если все добрые расы сольются под единой крышей, то и племена гоблиноидов соберутся в стаи большие, чем когда-либо прежде. Если бы пёстрый народ Кормантора стоял друг за друга, находя силу в своем разнообразии, то любая орда гоблиноидов была бы отброшена прочь. Но если нации Кормантора не найдут пути к такому единству...

Джозидая вытеснил мысль из головы, отложив её на другой, какой-нибудь дождливый и туманный день. Он снова взглянул на пантеру и вздохнул с ещё большей печалью, чувствуя себя беспомощным.

– Обращайся с кошкой хорошо, Андерс Бельтгарден, – сказал он, уверенный, что бывший следопыт так и сделает.

А потом Джозидая ушёл, неторопливо направившись обратно в эльфийский город. Он снова увидел Фелисити на балконе, одетую в тонкое шёлковое платье и призывно улыбающуюся, но лишь махнул ей рукой. Ему вдруг резко расхотелось играть с ней.

Много раз в следующие недели Джозидая возвращался в башню Андерса и молча сидел у клетки, общаясь взглядами с пантерой, пока маг возился за работой.

– Когда закончу, она твоя! – объявил вдруг Андерс, когда весна повернула к лету.

Джозидая непонимающе воззрился на старика.

– Кошка, говорю, – повторил Андерс, – Мурка будет твоей, когда я закончу работу.

Голубые глаза Джозидая распахнулись в испуге, но Андерс принял его взгляд за невысказанный восторг.

– Мне от неё мало толку, – объяснил маг, – Я теперь мало странствую, не выхожу за дверь, и, по правде, вряд ли протяну ещё больше, чем пару зим. Так кто больше заслуживает моё лучшее творение, я спрашиваю? Джозидая Старим, мой лучший друг, который мог бы быть славным следопытом!

– Я не могу принять это, – неожиданно резко ответил Джозидая.

Андерс выпучил глаза в изумлении.

– Я буду всегда помнить, какой кошка была прежде, – сказал эльф, – и какой она должна быть. Каждый раз, когда я буду вызывать её порабощённое тело, каждый раз, когда это величественное создание будет сидеть, ожидая моих приказов, которые лишь одни способны вдохнуть в неё жизнь и движение, я буду понимать, что преступил свои права смертного. Что я играю в бога с кем-то, кто не заслуживает моих дурацких притязаний.

– Это же просто животное! – возмутился Андерс.

Джозидая мысленно порадовался, что смог задеть чувства старого мага. Эльф знал, что старик слишком чувствителен для такого поворота событий.

– Нет, – повторил эльф, отвернувшись, чтобы глядеть в бездонные, понимающие глаза пантеры. – Это не просто животное.

Он замолчал, а Андерс, протестующе пыхтя, продолжил свою работу, оставив эльфа сидеть и безмолвно делиться своими мыслями с пантерой.

Эта ночь была для Джозидая Старима истинной пыткой. Андерс должен был закончить работу до захода луны, и огромная пантера будет принесена в жертву предмету, магическому инструменту. Певец клинков покинул Кормантор, не слушая разговоров об опасности прогулок вне города по ночам: гоблины и более крупные враги, по слухам, слонялись в лесу.

Джозидая было наплевать на это и собственную безопасность. Не его судьба была на грани в тот раз, но пантеры.

Он думал сходить еще раз к Андерсу, последний раз попытаться отговорить старика от его планов, но певец клинков отбросил эту мысль. Ему не понять людей, решил он, и он потерял часть своей веры в них (и в решение Эльтагрима) после того, что он счел глупостью Андерса. Этот маг прежде был следопытом, и был ближе к эльфийским идеалам, нежели любой другой из его грубой расы. Он должен был знать и понимать больше. Он не должен был приносить в жертву своей магии такое чудесное и разумное животное, как эта пантера!

Джозидая прошёл через лес, вышел на опушку в сиянии мириада звезд, блиставших в споре с заходящей полной луной. Он достиг голого холма, взобрался по его склону сквозь густые заросли травы на самую вершину, в свое любимое место для размышлений.

Теперь он просто стоял и глядел вверх на звёзды, мысленно уносясь к великим тайнам мироздания и небес, неведомых никому. В такие минуты он чувствовал себя смертным, как будто отмеренные ему столетия пролетят как короткий вздох в вечном круговороте вселенной. И этот вздох будет куда длиннее, чем оставшаяся жизнь пантеры – если она вообще ещё жива.

Короткий треск у подножия холма насторожил эльфа и вырвал из размышлений. Он подошел к склону и вперился вниз, дав своему зрению перейти в инфракрасный спектр. Источники тепла двигались сквозь заросли вдоль всего подножия холма. Джозидая узнал их. Он не удивился, когда лес вокруг извергся стаями бешено воющих орков. Размахивая оружием и крича, они полезли вверх по холму к одинокому эльфу, который казался такой лёгкой добычей.

Передние ряды орков уже были на самом гребне холма, так близко, что Джозидая мог видеть блестящие нити слюны, свисающие с их губ – когда эльф выпустил свой огненный шар! Потоки пламени охватили весь склон холма, превращая орков в угли. Это заклинание было знаком отчаяния, Джозидая не должен был творить огонь посреди живого леса, но выбора не было. Даже когда первые ряды орков пали, объятые пламенем, корчащиеся, умирающие, их сменили вторые. А за ними третья группа бешено бросилась на него с другой стороны холма.

Из ножен вынырнули мечи-близнецы и встали на изготовку.

– Пламя очистит! – воскликнул эльф, вызывая силу клинков. Зеленое пламя лизнуло металл, замутнив грациозную соразмерность близнецов.

Двое ближайших орков, чудом избежавших пламени минуту назад, отпрянули при виде пылающих мечей и, пусть на мгновение, замешкались в обороне.

Этого было достаточно для Джозидая: левый клинок рассёк глотку одному, правый вошел глубоко в грудь второго.

Эльф развернулся, отразив бросок копья, уклонился от второго, третье раздробил яростным ударом. Он завертелся волчком и ринулся на другую сторону холма. Здесь он врубился в троих наступающих монстров, которые ещё не успели подготовиться к защите. Первый пал со смертельной раной, другой потерял полруки от смертоносного взмаха. Но тут же на Джозидая напали со всех сторон, орки тыкали его длинными пиками, пытались рубануть короткими мечами.

Он не мог отразить их все, только отбивался, как мог, пока его губы шептали новое заклятие. Копье вонзилось ему в бок, едва не выбив из надлежащей концентрации. Только эльфийская кольчуга спасла ему жизнь. Эльф закончил

заклинание, сложив вместе рукояти мечей, и выплюнул завершающее слово. Его мечи резко поднялись, большие пальцы его рук соприкоснулись, и взрыв пламени разлетелся веером в стороны.

Не задерживаясь даже посмотреть на эффект своих трудов, Джозидая снова завертелся, его мечи кромсали спереди и сзади. Своим неистовым напором певец клинков смял ряды орков и завоевал себе шанс пробиться наружу. Адреналин пылал в венах, заставляя двигаться всё быстрее, плясать, рубить с невиданной прежде яростью. Он снова подумал о пантере, о её незаслуженной участи, и заставил себя обвинить в этом бедных орков.

Пал очередной противник, другой – на него, а многие просто откатились с холма, не дожидаясь своей очереди под мельницей рук столь могучего воина.

Вскоре вокруг Джозидаи всё стихло. Лишь горстка орков осталась перед ним, и та держалась вне досягаемости. Но было что-то ещё, как почувствовал эльф. Какое-то большее зло, какая-то сила, придававшая оркам уверенности, даже когда более трех десятков их сородичей лежали у его ног убитыми и ранеными.

Дыхание эльфа дрогнуло, когда новые враги вышли на поляну. Джозидая понял свою ошибку. Он мог победить десяток орков, два десятка, полсотни, даже потратив все свои заклинания, но эти трое были не орки.

Это были великаны.

Кошка беспокойно расхаживала по клетке и рычала. Андерс задумался, уж не догадывается ли киска, что это её последняя ночь в качестве смертного создания? Мысль, что она может это понимать, потрясла старого мага, заставила ещё раз вспомнить все возражения Джозидаи против трансформации.

Пантера взревела и врезалась в дверь клетки, отлетела и снова с глухим рычанием начала нарезать круги.

– Ты чего это? – подивился старый чародей, но кошка только взревела вновь, яростно, отчаянно. Андерс огляделся вокруг: что могла знать кошка? Что вообще происходит?

Пантера снова бросилась на дверцу с грохотом, и снова её отшвырнуло. Андерс покачал головой в смущении – такой он пантеру ещё не видел ни разу.

– Провались ты в Девять Кругов Ада, эльф, – проворчал волшебник, жалея, что показал Мурку Джозидае, прежде чем трансформация совершилась. Он глубоко вдохнул, прикрикнул на кошку и извлёк из глубин мантии тонкую палочку.

– Это не больно, – пообещал Андерс извиняющимся тоном. Он произнес команду, зеленоватый луч вырвался из навершия жезла и врезался в пантеру. Кошка перестала расхаживать, остановилась и замерла, замороженная магией жезла. Взяв фигурку и ритуальный нож, Андерс открыл дверь клетки.

Он с самого начала знал, что это будет нелегко. Он стоял сбоку от кошки, в руке статуэтка, нож медленно тянется к горлу животного. Но Андерс колебался.

– Неужели я и вправду пытаюсь играть роль бога? – спросил он вслух. Он заглянул в эти бездонные, мудрые глаза, подумал о Джозидае, который был так похож на следопыта, похож на Андерса, прежде чем тот ступил на дороги магии.

А затем он опустил глаза на нож в своей руке, руке следопыта, готовой оборвать жизнь чудеснейшего из творений.

– Да чтоб тебя черти драли, эльф! – выкрикнул маг и отшвырнул нож в угол клетки. Затем он приступил к заклинанию, которое вырвалось из его губ без рассудочной мысли. Он много месяцев не использовал этого заклятия, а тут оно само

всплыло в его мозгу; как – Андерс не мог понять. Он ворожил его со всей силой, и все двери в лаборатории, дверцы шкафов, в коридоре, двери по всей башне широко распахнулись.

Старик отошел к краю клетки и осел на корточки. Кошка уже переминалась с ноги на ногу – даже могущественная магия жезла не могла долго удержать такое создание. Андерс снова вцепился в палочку, раздумывая, не понадобится ли она ему теперь для спасения собственной жизни.

Кошка резво трянула головой и сделала осторожный, пробный шаг, проверяя, вернулась ли чувствительность к её мышцам. Андерса она окинула косым взглядом.

Старик отложил жезл в сторону.

– Я с тобой в бога играл, Мурка, – прошептал он, – Теперь твой ход.

Но пантеру занимали другие мысли, и она не удостоила волшебника даже мимолётным взглядом. Словно выпущенная стрела, она ринулась прочь из клетки, вниз, в холл и прочь из башни. Она давно уже убежала, когда Андерс добрался, наконец, до дверей башни. Так он стоял в ночи, размышляя обо всем потраченном им впустую времени и золоте.

– Нет, не впустую, – признался себе Андерс, вспоминая урок, который только что получил. Он слабо улыбнулся и собрался было идти обратно в башню, как вдруг заметил вспышку пламени, поднявшуюся грибом над вершиной холма на севере. Место, которое Андерсу было слишком хорошо знакомо.

– Джозидая! – выдохнул он. Не без оснований, этот холм был любимым местом прогулок Джозидая. Как раз таким, куда эльф мог бы пойти такой ночью.

Проклиная себя, что не подготовил достаточно боевых заклинаний, старик нырнул обратно в башню, судорожно собирая свои инструменты.

Его последним шансом оставалась скорость – пробиться стрелой, не дать врагам угнаться за ним. Но даже такая тактика могла лишь отсрочить неизбежное. Он бросился влево, но вынужден был снова обернуться, чувствуя преследователей прямо за своей спиной. Осадив их коротким взмахом клинков, Джозидая развернулся и снова бросился влево, но его снова задержали. На сей раз эльф не просто отмахнулся, но, продолжая бежать задом, сделал выпад и всадил клинок прямо в брюхо преследующего орка.

Он не смог сдержать горькой ухмылки, когда после того, как дохлая тварь сползла с его клинка, а остальные бросились вновь врассыпную, Джозидая заметил троих приближающихся великанов. Пятиметровые громадины хладнокровно помахивали шипастыми дубинами, каждая размером с самого эльфа.

Джозидая перебирал оставшиеся заклинания, лихорадочно пытаясь найти способ повернуть ситуацию в свою пользу. Бесплезно: ему придется биться одними мечами с тремя гигантами, слаженно наступавшими на него. Ему эта идея совсем не понравилась.

Он отскочил вправо, уходя от замаха дубины, затем отступил назад, подальше от второго великана. Первый нападавший открылся, и эльф попытался достать его, пока тот не поднял снова свое тяжёлое оружие. Джозидая смог бы нанести удар, если бы не третий великан, который заставил его покатиться по земле в попытке уклониться от дубины.

«Надо заставить их работать друг против друга», – мелькнула мысль. «Чтобы они запутались в своих длинных ручищах».

Он поднял меч над головой и закричал, бросаясь на ближайшую тварь. Затем пригнулся, проходя под поднявшейся для защиты дубиной, и сделал кувырок вперёд. Поднявшись на ноги, он снова бросился вперёд, прямо меж широких ног монстра. Первый меч ударил вверх, второй вбок, и Джозидая выбежал из-под великана, встретив удар его напарника блоком обоих мечей, с трудом приняв и направив могучую дубину в сторону и вниз.

Руки Джозидая онемели от тяжести удара, и он не смог контратаковать. Уголком глаза он заметил движение третьего великана и понял, что безрассудная атака на первого монстра поставила его в невыгодное положение. Он отскочил в сторону, сделал еще один кувырок и увидел, как поднимается дубина.

Но этот великан был умнее: он придержал удар и приблизился ещё на один широкий шаг. Джозидая перекатился второй раз, и третий, но в этот раз дубины было не избежать.

Великан взревел. Дубина снова поднялась, высоко за его головой, и Джозидая начал снова катиться вбок, но остановился, изумлённый, когда огромное чёрное копьё – копьё? – пролетело у него над головой.

Нет, не копьё, понял певец клинков. Это была пантера, Мурка старого мага! Она грузно приземлилась на грудь великана, намертво впившись в неё когтями, челюсти щелкнули у самого лица ошеломленного чудовища. Страшила отпрянул назад, теряя равновесие, и пал наземь. Пантера оставалась на его груди до самой земли.

Кошка была слишком близко для его ударов, посему великан отпустил дубину и попытался просто стащить с себя несносное животное. Но передние лапы пантеры держали мертвой хваткой, а задние начали яростно загребать, разрывая тунику гиганта из медвежьей шкуры — и его собственную шкуру под ней!

У Джозидая не было ни мгновения, чтобы спросить «Как?», «Откуда?», или что-то ещё. Он снова вскочил на ноги, а третий великан уже приближался. Да и раненный второй, пошатываясь, присоединился к нему. Певец клинков бросился вбок, стараясь, чтобы один гигант заслонял другого, чтобы драться всякий раз только с одним из них. Он поднырнул под рубящий удар, снова пригнулся, когда дубина просвистела в обратном направлении, перепрыгнул, поджав ноги, когда великан попытался сбить его в третий раз, на сей раз предсказуемо понизу. А раз великан бил так низко, значит, он должен был пригнуться ниже к земле. Джозидая приземлился на бегу, бросился вперед, оказавшись снова в пределах досягаемости дубины, и ужалил монстра в лицо раз, и два. Тот охнул и упал навзничь. А его спутник уже ковылял следом, сжимая одной рукой дубину, а другой — окровавленный пах.

Неожиданно молния ударила в склон холма, ослепив эльфа и великана. Но Джозидая не нужны были глаза, чтобы драться. Он бросился вперёд, разя вслепую.

Рука великана обхватила пантеру, но ловкая кошка вывернулась, по пути откусив громиле три пальца. У страшилища больше не осталось планов раздавить своего врага. Он лишь отмахнулся другой рукой, сбросив кошку с груди. Великан перекатился, шаря рукой в поисках дубины. Он знал: нужно подняться на ноги, прежде чем кошка вернётся.

Пантера не оставила ему шанса: её лапы ударились оземь одновременно, когти намертво врезались в грунт, каждый мускул напрягся, сохраняя баланс тела. Торф вылетел из-под когтей кошки, когда она взвилась винтом и обрушилась на

голову поднимающегося великана, царапая, кусаясь и терзая.

Страшилище взвыло в агонии и снова бросило дубину. Его кулаки обрушились на пантеру, нанося тяжелейшие удары. Но кошка не отступала: огромные клыки пробивали глубокие дыры в плоти чудища, могучие когти стирали черты с гигантского лица.

Джозидая нёсся на своего первого противника. Великан истекал кровью от множества ран, но был далеко ещё не готов. Его спутник шел рядом с ним плечом к плечу.

И тут ещё одна тень пересекла гребень холма – сторбленная фигурка человека. Второй великан повернулся лицом к новому противнику.

– Долго ты добирался сюда, – саркастически заметил эльф.

– Так орки же в лесу, – оправдался Андерс. – Вот ведь крысы, а?

В руках у старика не было никакого видимого оружия, так что великан направился к нему без страха, помахивая дубиной в обеих руках. Андерс не обращал на него ни малейшего внимания, сосредоточившись на словах своего следующего заклинания.

Свистнула дубина, и Джозидая едва не вскрикнул, думая, что Андерс сейчас пролетит на милю от гребня холма.

Но великан мог бы с тем же успехом колотить скалу. Дубина тяжело обрушилась на плечо Андерса – и просто отскочила. Волшебник не моргнул и глазом, не остановив работу над заклятием ни на секунду.

– Ох, как же я люблю этот фокус! – пробормотал маг, улучив момент между согласными новой формулы.

– Каменная кожа! – догадался Джозидая, – Научишь меня?

– Да, и этой штуке тоже, – рассмеялся Андерс. Его заклятие подошло к кульминации, он выбросил руки вперёд и вниз, к ногам великана. И тут земля яростно полетела вверх, как будто дюжина великанов с огромными лопатами ускоренно копали на этом месте. Когда это закончилось, великан стоял в глубокой яме, его глаза были на уровне глаз волшебника.

– Вот это по-честному, – заметил Андерс.

Гигант взвыл и попытался замахнуться дубиной, но обнаружил, что яма слишком узка, чтобы поднять оружие. Тем временем, волшебник приступил к другому заклинанию, протягивая руки к монстру. Он поднес указательный палец к глазам великана и согнул его, показывая сияющий перстень.

Не сумев вытащить свою дубину из узкой ловушки, великан импровизировал. Он вытянул шею и вцепился зубами в протянутую руку чародея.

И снова Андерс с трудом закончил чтение. Великан заревел во весь голос, потеряв один зуб от отдачи волшебной брони.

Андерс выбросил руки вперёд, держа кольцо примерно в дюйме от распахнутой пасти монстра, и выпустил магию перстня. Из руки вырвались шаровые молнии, прямо в разинутый рот, подсветив изнутри голову чудовища.

– Та-дам! – пропел старый маг, делая шуточный реверанс и разводя руки с поднятыми пальцами в стороны. Великан безвольной кучей оседал в дыру.

– И могилу рыть не надо! – похвастался Андерс.

Последний великан видел всё слишком хорошо и уже удирал вниз по склону холма, но Джозидая не собирался так легко его отпускать. Певец клинков бросился в погоню, на бегу извлекая мечи из ножен. Он дал великану спуститься пониже с

холма, и когда здоровенный нос чудовища поравнялся с ним, он прыгнул. Вцепившись в нос со всей силы, другой рукой он направил меч глубоко в глотку монстра. Великан попытался схватить своего противника, но начал задыхаться, споткнулся, упал на колени и скатился с холма. Рука Джозидая работала назад и вперед, расширяя рану, разрывая артерии и дыхательное горло громилы. Он отпустил монстра, когда тот рухнул ничком, и встал у него на спине. Тот был ещё жив и хрипло дышал, но Джозидая знал: рана была смертельна. Он развернулся и пошел обратно на вершину холма.

Самодовольная ухмылка Андерса испарилась, едва он увидел избитую пантеру. Кошка хорошо выполнила свою работу – великан плавал в луже собственной крови – но и ей досталось. Она лежала рядом в неестественной позе, хриплое дыхание с трудом вырывалось из сломанных рёбер и хребта.

Андерс подбежал к пантере, мгновение спустя рядом был и Джозидая.

– Сделай что-нибудь! – умолял эльф.

– Ничего тут не поделаешь, – вздохнул Андерс.

– Верни кошку обратно в статуэтку, – напомнил Джозидая, – Она будет снова целой, когда её вызовешь.

Андерс повернулся к эльфу и схватил его за воротник туники.

– Я не закончил превращение, понял? – выкрикнул он.

И тут старого мага осенило. Почему пантера рвалась сюда? Почему это дикое, свободное животное хотело помочь эльфу?

– Я даже и не начал... – сказал он уже спокойнее, отпуская эльфа. – Я просто отпустил ее...

Джозидая перевел изумленный взгляд с Андерса на пантеру. Вопрос, который не решались произнести ни маг, ни эльф, застыл в их глазах.

– Надо отнести её назад в мою башню, – наконец сказал Андерс.

Джозидая не переменил мрачной гримасы. Каким чудом они могли протащить эти почти триста килограмм живой плоти через весь путь до башни?

Но у Андерса, как всегда, был свой ответ. Он вытащил чёрный вельветовый платок и развернул его в несколько раз, пока на вершине холма не получился круг черноты диаметром в несколько футов. Затем волшебник приподнял край платка и бережно подложил его под зад пантеры.

Джозидая не поверил глазам: хвост кошки растворился в платке!

– Приподними-ка её, пока я просуну эту штуку снизу, – попросил Андерс. Джозидая послушался, приподняв кошку на дюйм, а маг протащил под ней чёрное покрывало. В следующий миг пантера растворилась в его черноте.

– Межпространственная дыра, – пояснил Андерс, продолжая натягивать его, чтобы укрыть голову кошки. Затем он сложил платок обратно и бережно засунул его в глубину своих карманов. – Она в порядке, – сказал он. – Ну, не считая полученных ран, конечно.

– Чудесные игрушки у тебя, чародей, – восхитился Джозидая.

– Портит весь вкус от приключений, – подмигнул ему Андерс. – Никогда не пользуйся!

Их шутовское настроение сошло на нет, когда двое подошли обратно к дому Бельтгардена. Что они могли дать кошке, кроме как облегчить её смерть?

Андерс раскрыл свою переносную дыру и нежно начал перекладывать пантеру на пол. Неожиданно он остановился. Джозидая вздрогнул, осознавая, что слышит уже последнее дыхание кошки.

– Может быть, я ещё успею закончить трансформацию в фигурку... – решил Андерс. Он с сочувствием взглянул на Джозидая. – Выйди, – велел он, – мне надо убить кошку быстро и безболезненно.

Джозидая покачал головой, решив наблюдать за процессом до конца, до самой

смерти чудеснейшей из кошачьих, мудрой пантеры, которая пришла без зова спасти ему жизнь. Как эльф мог объяснить, что за узы связали его с кошкой? Не приготовления ли Андерса вызвали у пантеры верность к нему, зародив зачатки рабского подчинения, на которое будет обречена?

Джозидая заглянул в глаза животного и понял, что неправ. Случилось нечто иное, нечто более высокое, лишь ускоренное воздействием Андерса.

Андерс торопливо извлёк фигурку и поставил рядом с умирающей пантерой.

– Держи статуэтку, – велел он Джозидаяе.

– Я не могу... – ответил певец клинков. Он не мог видеть пантеру униженной, не мог принять её в качестве своей рабыни.

Андерс не стал спорить, времени не оставалось. Он вылил колдовское масло на голову кошки, помавая руками, затем положил ладонь на глаза пантеры.

– Я нарекаю тебя Муркой... – начал он, протянув кинжал к горлу животного.

– Нет! – воскликнул Джозидая, подбегая к магу. Он схватил его за руку и оттащил лезвие от горла. – Что угодно, только не Мурка!

Джозидая вгляделся в бездонные желто-зелёные глаза пантеры, сияющие спокойствием, несмотря на смерть, приближавшуюся с каждым вздохом. Он рассмотрел это животное, своего молчаливого, прекрасного друга.

– Тень, – произнес он, – Нет, не Тень... – он снова удержал кинжал. – Слово для тени из языка высших эльфов... – Он смотрел в глаза кошки, ища подтверждения. Он не выбирал это имя, он просто понял: это и было настоящее имя пантеры всегда.

– Гвенвивар...

Едва он произнес слово, сверкнула чёрная молния, словно теневое отражение шаровых молний Андерса. Лабораторию заполнил серый туман, растворив в пустоте сперва чёрный платок, а затем и саму пантеру.

Андерс и Джозидая повалились навзничь, бок о бок. На мгновение им обоим показалось, что пустота перечеркнула залу, словно разрыв в ткани Вселенной, самой плоти Планов Бытия. Но затем всё исчезло: пантера, дырка, разлом. Осталась только ониксовая статуэтка.

– Что ты сделал? – набросился Джозидая на мага.

– Я сделал? – возмутился Андерс. – Ты сам-то что сделал!

Джозидая медленно, осторожно приблизился к статуэтке. Взяв её в руки, он оглянулся на Андерса, который одобряюще кивнул.

– Гвенвивар, – неуверенно позвал эльф.

Мгновение спустя серый туман окутал эльфа и все вокруг, клубы его медленно слагались в силуэт пантеры. Она уже легче дышала, как будто раны заживали с удивительной быстротой. Кошка подняла глаза на Джозидая, и дыхание замерло в груди эльфа от глубины и мудрости этого взгляда.

Это была не рабыня, не магическая игрушка, не инструмент. Это была пантера, та самая, чудесная пантера!

– Как ты это сделал? – спросил эльф.

– Понятия не имею, – признался Андерс. – Я даже не знаю, что такое я, тобишь мы, проделали сейчас со статуэткой. Смотри: статуэтка должна превращаться в животное. А здесь что: кошка тут, и статуэтка никуда не делась! – Старый маг засмеялся, поймав взгляд эльфа. – Отправь её обратно подлечиться, – велел он.

Джозидая взглянул на кошку.

– Иди, Гвенвивар, но я ещё призову тебя вновь, обещаю.

Пантера заворчала, но в её голосе не было раздражения. Она снова медленно, плавно начала таять, превращаясь в серый дымок.

– Вот в чём прелесть магии! – провозгласил Андерс. – Это тайны и загадки! Да

ведь лучшие маги в Королевствах не нашли бы этому объяснения, мой мальчик! То ли все мои приготовления, то ли магия дырки – эх, славная была дырочка! – а может, и всё вместе. Прелесть загадки, – закончил он, – Ну хорошо, дай-ка мне, – он протянул руку к статуэтке, но Джозидая лишь вцепился в неё крепче.

– Ну уж нет, – улыбнулся эльф, и Андерс мог лишь улыбнуться в ответ.

– Ладно, – маг не был ни капельки удивлён. – Но ты должен оплатить мне потерю дырки, времени, и сил!

– С радостью, – ответил эльф, сжимая статуэтку, ключ к его драгоценной Гвенвивар, которая, Джозидая знал, станет ему самым верным спутником до конца дней. Он понял, что это стоит дороже любого золота.

ПРЕДАННЫЙ МЕЧ

*Изначально опубликован в сборнике «Королевства тени»
Wizards Of The Coast, 2002*

«Преданный меч» ознаменовал новое направление рассказов, написанных мною для мира Забытых королевств. Я не стал обсуждать продление контракта, в котором должен был продолжать писать рассказы – мне просто не хотелось брать на себя обязательства. Я решил так: если будет настроение – напишу, а если Wizards Of The Coast захотят его опубликовать – великолепно! Но в книжных сериях, где предусматривается наличие антологий, такое дозволено не всегда, поэтому при обсуждении контракта мне пришлось согласиться на пять рассказов.

Моё решение объяснялось тем, что книги про Дриззта разделились на два разных направления. Энтрери с Джарлаксом пошли по своему пути; мы даже убрали «Служителя осколка» из серии «Пути тьмы» и вставили в трилогию «Наёмники».

В связи с этим, ведя переговоры, я не мог отказаться от предложения создать рассказ-спутник. Я знал, что если бы остановился на трилогии о Дриззте, мне бы пришлось расстаться с Энтрери и Джарлаксом года на три, а то и больше, но мне очень этого не хотелось. Казалось, я наконец начинаю чувствовать Артемиса Энтрери, когда писал «Заклятие короля-колдуна». Чем больше я узнавал об этом персонаже, тем больше мне хотелось у него учиться. Как писатель, я испытывал радость, бродя по улицам вместе с героями, и они меня удивляли.

Формат короткого рассказа для Энтрери и Джарлаксла на этот раз пришёлся весьма кстати. Я мог закинуть их в опасную передрагу, вынуждая действовать по обстановке. Но куда больше меня волнует вопрос о том, что они чувствуют по отношению друг к другу. Ведь ни один из них не может похвастаться ни честностью, ни бескорыстием.

Так что же на самом деле может означать их дружба? Зависит ли она от непрерывной и наглядной взаимной выгоды, и существует ли грань, за которой их взаимоотношения перерастут в нечто более глубокое, более честное, не связанное с видимой выгодой, которая выражается в золоте или средоточии власти?

Как раз об этом и пойдёт речь в рассказе «Преданный меч». Его сюжет переплетается главным образом вокруг Энтрери и Джарлаксла, изобличая связь Энтрери с Нетерезской империей, поскольку он владеет нетерезским мечом. Также мы сможем увидеть, как вампирский кинжал убийцы оказался способен пронзить шейда.

Вдобавок к этому мы увидим границы и возможности дружбы между этой непохожей друг на друга парой во время их путешествия по Королевствам. Надеюсь, этот и два других рассказа о ярком дуэте усилят кульминацию их взаимоотношений в «Дороге патриарха».

ПРЕДАННЫЙ МЕЧ

(перевод – Robin)

Год Щита (1367 ЛД)

– Второй Калимпорт, ни дать ни взять, – упрямо повторил Энтрери.

По другую сторону стола Джарлаксл с трудом удержался от смешка.

– И ты ещё зовешь мой народ расистами? – ответил тёмный эльф. – Мы, по крайней мере, не относимся с таким презрением к своим собственным сородичам!

– Твой длинный язык болтает глупости!

– Мой длинный язык открыл мне ворота в город, разве нет? – ответил Джарлаксл, ухмыляясь своей нахальной улыбочкой.

Это было правдой. Они с Энтрери прибыли сюда, на северо-восток Фаэруна, в страну, известную как Кровавые Скалы. Здесь, по слухам, храбрецы могли сколотить состояние на ушах гоблинов и их сородичей, в изобилии обитающих на диких равнинах Ваасы, к северу от королевства Дамара и его столицы Гелиогабалуса. Приплетя и имя короля Гарета Драконоборца и напомнив страже ворот, что король-паладин Дамары известен своей терпимостью и стремлением судить о людях по их делам, а не цвету кожи, тёмный эльф убедил подозрительных стражей впустить их внутрь.

Не в последнюю очередь на охрану повлияло то, что Джарлаксл был меньше всего похож на тех тёмных эльфов, о которых они слышали истории, а живую и вовсе не видели. Одетый в вызывающе широкополую шляпу с огромным пурпурным пером, широкий синий плащ, который с тех пор успел перевоплотиться в красный, чёрную повязку, которую он передвигал с глаза на глаз, и при этом даже без видимого оружия, Джарлаксл подходил скорее на роль персонажа базарных сплетен, чем опасного шпиона. Ему, как и Энтрери, несмотря на его впечатляющий меч и разукрашенный кинжал, позволили войти в город, но предупредили, что будут присматривать за каждым их шагом.

Прошло несколько часов, и пришельцы убедились, что лентяи не сдержали слова.

– Долго ты там будешь копать? – рявкнул Энтрери через всю таверну на служанку, которая принимала у них заказы. Она не спешила возвращаться с подносом, явно робея до дрожи и каждый раз теряя дар речи при виде дроу. Девушка вспыхнула и направилась к стойке, затем развернулась, потом ещё раз, не зная, что делать. За ближайшим столом пара завсегдатаев бросила недовольные взгляды на неё и на Энтрери.

Убийца сел на стуле поудобнее. Он очень надеялся, что эти двое нападут. Его настроение в последние месяцы было неизменно ужасным с тех пор, как они с Джарлакслем уничтожили Магический Кристалл. Дорога на север была скучной и лишённой происшествий, несмотря на внешность и выходки его попутчика. Да и вся затея Джарлаксла была убийце не по душе. Тёмный эльф затащил его в Кровавые Скалы, чтобы завоевать репутацию и немного золота на убийстве гоблинов. Для Энтрери это походило больше на работу для его вечного врага, Дриззта, и его «благородных» друзей.

– Ты её лишь больше запугал, – заметил Джарлаксл.

Энтрери только пожал плечами.

– Знаешь, дружок, у моего народа есть примета: если знатный дроу ласков с ровней, но жесток к слугам, он воистину мерзавец. В моих кругах это был своего рода комплимент. А как здесь?

Энтрери откинулся на спинку стула и приподнял поля узкополой шляпы – которую Джарлаксл называл «болеро» – так, чтобы дроу в полной мере разглядел

скепсис в его взгляде.

– И не делай вид, будто тебя не задело, – подмигнул Джарлаксл.

– О боги, у меня вместо совести – тёмный эльф, – вздохнул Энтрери. – До чего я докатился?

– Артемис Энтрери мог бы быть и выше того, чтобы задирать служанок, – отрезал Джарлаксл, демонстративно отвернувшись.

С рыком возмущения Энтрери вскочил из-за стола и направился на другую сторону зала. Его силуэт перемещался бесшумно и грациозно, словно он парил среди столов и стульев, направляясь к официантке. Он миновал стол с двумя шумными наблюдателями, один из которых начал было подниматься, видимо, чтобы заслонить ему путь. Энтрери хватило одного колючего взгляда, чтобы изменить планы храбреца.

– Ты, – Артемис позвал девушку.

Она замерла, и вслед за ней замерло всё вокруг, смолкли разговоры. В гробовой тишине с другой стороны комнаты донеслось знакомое хихиканье.

Служанка медленно обернулась навстречу Энтрери. Тот подошел вплотную и упал на одно колено.

– Прошу прощения, юная леди, – произнес он, бросив несколько золотых монет ей на поднос.

Девушка не верила своим глазам. Энтрери поднялся с колен и продолжил:

– Мне следовало догадаться, что вы забудете, что мы заказали. Это можно понять, учитывая... – он бросил взгляд на Джарлаксла, – необычную внешность моего товарища. Я повторю ещё раз, чего мы желаем, и приношу ещё раз мои извинения, что не осознал вашей проблемы раньше.

Посетители вокруг потихоньку вернулись к своим разговорам. Служанка улыбнулась с видимым облегчением. Энтрери хотел было и дальше вымаливать её прощения, но тут же бросил, не в силах заставить себя продолжать.

– Благодарю, – сказал он и повторил заказ, после чего вернулся к Джарлакслу.

– Чудеса, да и только! – прокомментировал тёмный эльф. – Еще годик, и можешь подавать заявку в рыцарский орден.

Глаза Энтрери опасно сузились, но Джарлаксл лишь рассмеялся в ответ.

– Я уж думал, мне придется выкинуть вас обоих пинком под зад, – донесся сбоку третий голос.

Компаньоны увидели трактирщика, пожилого толстяка, большую часть тела которого составлял живот. При этом здоровяк излучал ауру уверенности. Прежде чем кто-то из них отреагировал на его слова как на угрозу или оскорбление, хозяин одарил их широкой, хотя и щербатой, улыбкой.

– Но я рад, что вы осчастливили мою маленькую Китси, – он взял кресло из-за другого столика и опустился в него, опершись толстыми локтями на стол. – Ну-с, что привело такую милую парочку, как вы, в Гелиогабалус?

– Лично мне просто было интересно, что за город могли назвать таким идиотским именем, – процедил Энтрери. Трактирщик охнул и хлопнул себя по бёдрам.

– Мы слышаны о славе и богатстве, которые куются в этом краю, – сказал Джарлаксл с убийственной серьезностью, – теми, кто достаточно силен и отважен, чтобы быть их достойными.

– И себя вы считаете такими?

– Почему бы и нет, – пожал плечами эльф. – Можешь вообразить, как трудно представителю моего народа добиться признания. Такую возможность стоит хотя бы попробовать.

– Дроу-герой...

– Может быть, ты слышал о Дриззте До'Урдене? – невинно спросил

Джарлаксл. Однажды он уже с успехом назвался этим именем, производя впечатление на двух поселян, которые оказались наслышаны о невероятном дроу, страже Долины Ледяного Ветра. Энтрери наблюдал этот театр одного актёра с холодной яростью, догадываясь, к чему тот клонит. Джарлаксл был разочарован невозможностью стать Дриззтом-самозванцем, или, вернее, бесполезностью играть роль того, о ком никто слыхом не слыхивал. Но если этот толстяк знает о Дриззте, то Джарлаксл снова может принять эту роль, и его положение в пищевой цепи Гелиогабалуса станет на уровень выше.

– Дзиррит Дуудден? – неверным эхом отозвался трактирщик, скребя в затылке. – Неа, не помню такого. Ещё один дроу?

– Ещё один покойник! – вставил Энтрери, пронзая Джарлаксла злым взглядом. Хватит тому уже прятаться за чужим именем.

Артемис покончил с Дриззтом. Не только с живым дроу, которого убил при последней встрече – не без помощи мага-псионика, впрочем, – но и, главное, с демоном внутри себя, вечной жаждой снова и снова вставать лицом к лицу с тёмным эльфом.

– Неважно, забудь, – махнул рукой Джарлаксл, правильно оценив взгляд и вернув разговор в прежнее русло.

– Так ты здесь, чтобы завоевать себе имя, ага? Я думаю, вам надо идти дальше, в Ваасу.

– А я думаю, ты задаешь многовато вопросов, – проворчал Энтрери, на что уже Джарлаксл пригвоздил его взглядом.

– Ты весьма любопытен, дружок, – перевёл дроу обратно на спокойный тон.

– Ну, так, это ж мне для дела! – признался трактирщик, – Народ будет расспрашивать о такой чудной парочке, а мне найдётся, что сказать.

– Чудной? – переспросил Энтрери.

– Не каждый день у нас дровский эльф обедает!

– Что правда, то правда.

– Так вот, если расскажете мне свою историю, вам же меньше хлопот, – продолжил толстяк.

– Городской глашатай, – сухо констатировал Джарлаксл.

– Такая у меня работа.

– Ну, что ж, вот мы о себе и рассказали! – ответил дроу. – Меня зовут Джарлаксл, а мой друг – Артемис Энтрери.

Трактирщик ответил традиционным «Приятно познакомиться», а Артемис сурово нахмурился на тёмного эльфа. Он не мог поверить своим ушам, что Джарлаксл только что с легкостью выдал их имена. Трактирщик тоже представился, хотя Энтрери пропустил его имя мимо ушей, а затем начал рассказывать байки о наёмниках, отправившихся в Ваасу, на которые Энтрери и вовсе было наплевать. Вскоре толстяка позвали за стойку, он извинился и был таков.

– Ну что? – спросил Джарлаксл у угрюмого Энтрери.

– Ты так легко выдаешь наши имена!

– А почему бы и нет?

Судя по выражению лица Энтрери, очевидное не следовало даже объяснять.

– За нами никто не гонится, друг мой. Мы не заслужили влиятельных врагов – по крайней мере, не в этой стране. Разве в Калимпорте ты скрывал, что ты – Артемис Энтрери? Не надо стыдиться своего имени!

Энтрери покачал головой, откинулся в кресле и приступил к бокалу вина. Всё это приключение по-прежнему было для него полным безумием.

Наступила ночь, харчевня опустела, и трактирщик снова вернулся к парочке.

– Итак, когда отправляетесь в Ваасу? – спросил он.

Энтрери и Джарлаксл понимающе переглянулись: слова были сказаны тоном

наводящего вопроса.

– Скоро, я полагаю, – ответил Джарлаксл, грызя косточку. – Наши финансы уже показывают дно.

– Ага, значит, вам нужна работа уже сейчас, – заключил трактирщик. – Будете рубить гоблинов? Ну, гоблинов, орков там, я имею в виду. Или вы охотитесь на более крупную дичь?

– Сколько предположений, – заметил Энтрери.

– Верно, но вы же не хотите сказать, что вы бойцы в чистом поле. Или нет?

– Хочешь на себе проверить? – предложил Энтрери.

– Не-не, я в тебе не сумлеваюсь! – улыбнулся толстяк. Он поднял свои толстые лапы, осаждая столь опасного собеседника. – Но вы выглядите как люди, которые могут делать работу лучше и за хорошие деньги, если понимаете, о чем я...

– А если нет?

Трактирщик хлопнул глазами на Энтрери.

– Если мы не понимаем, о чём ты, – перевёл Джарлаксл.

– А, ну, в Гелиогабалусе полно работы, – пояснил трактирщик. – Для ловких ребят, если вы понимаете, о чём я. Все большие шишки теперь в Ваасе, дерутся с чудовищами на стенах. А в городе бросили полно граждан, которым не к кому обратиться...

Энтрери даже не пытался скрыть ухмылку. Болтовня этого толстяка заставила его почувствовать себя как дома. Гелиогабалус, в конце концов, не так уж отличался от Калимпорта: законы государства и законы улиц писались на разной бумаге. Ему, правда, казалось странным, что его и Джарлаксла нашли так быстро – ведь у них пока не было репутации здесь; но он старался об этом не думать. Похоже, большинство здешних вояк ушли на север, и среди них основная масса тех, кто делал деньги на поддержании порядка на улицах. Каким бы этот порядок ни был.

– И ты знаешь об этой работе? – поинтересовался Джарлаксл.

– Ну, это ж мой хлеб! – ответил трактирщик. – По правде, мне сейчас нужна кой-какая помощь, а мой друг просил меня найти работников.

– А почему ты решил, что мы подойдем для такой работы? – продолжил Джарлаксл.

– Если б ты занимался этим делом столько лет, сколько старый Фипан, ты б не спрашивал! – ответил тот. – Я видел, как вы ходите, как поднимаете стаканы. Как у вас глазки бегают, высматривая, что творится вокруг. Я даже думаю, эта работёнка будет слишком легкой для ваших талантов, но надо же с чего-то начинать, – он замолчал и с надеждой посмотрел на собеседников.

– Что ж, расскажи нам об этой работе, – сказал Джарлаксл, выдержав драматичную паузу. – Если в ней нет ничего такого, что нарушало бы законы этой замечательной страны, разумеется, – добавил он традиционную для любого уважающего себя вора или убийцы отмазку.

– Не-не, конечно, – засмеялся Фипан. – Назовём это восстановлением справедливости, только и всего.

Джарлаксл и Энтрери снова обменялись взглядами – это был традиционно-вежливый ответ. Обычно это означало, что кого-то надо убить или как минимум ограбить.

– У меня друг есть, и он хочет вернуть идола, – продолжил трактирщик, переходя на таинственный шёпот. – И он хорошо платит, да-да! Сотня золотом за работу на одну ночь. Ну, как оно вам?

– Продолжай, сказал Джарлаксл.

– Похоже, у них не лады из-за небольшой статуи. Её украл один малый, что живет неподалеку. Мой друг хочет её обратно.

– И с чего ты решил, что мы подходим для этой работы? – спросил Энтрери.

– Я ж тебе говорил, что умею читать по своим гостям, разве нет? Для вас это должна быть пустяковая работа. Правда, этот вор, Рорли, тот ещё мерзавец...

– Тогда сотни может и не хватить, – вставил Джарлаксл.

Трактирщик пожал плечами:

– Мне сказали, дают сто золотых. По мне, так хорошая плата. Я, конечно, могу спросить ещё...

– Сперва расскажи детали, – перебил его Артемис. – Нам ещё предстоит покупать запасы на дорогу на север.

Трактирщик улыбнулся и придвинулся ближе. Он рассказал им всё, что знал о Рорли, вплоть до адреса. Его дом оказался неподалёку. Затем, по просьбе компаньонов, толстяк оставил их наедине.

– Мы можем погибнуть, или нам придется убить этого Рорли.

Тёмный эльф безразлично пожал плечами.

– Сотня золотом потянет на милостыню, – сказал он, – но дорожке будет репутация, которая нам хорошо послужит потом.

– Тогда дай мне сотню сейчас, чтобы купить инструменты для работы, – настоял Энтрери.

Широко ухмыляясь, Джарлаксл запустил ладонь в свой худой кошелёк и извлёк несколько монет, затем ещё, и ещё, уже гораздо больше, чем должно было помещаться в его кошеле – если только в ней не было межпространственного кармана – и так продолжал до тех пор, пока перед Энтрери не выросли две сотни монет.

– И мы будем потеть за сотню? – усмехнулся Артемис.

– Но инструменты, которые ты купишь, не одноразовые, так ведь?

– Конечно.

– Тогда, считай это вклад на будущее.

Энтрери казалось, что его спутник слишком уж забавляется. По его опыту следовало ждать беды. Но всё же он пожал плечами и сделал знак трактирщику подойти.

Ловко и бесшумно орудуя воровскими верёвками, которые он укрепил «кошкой» на коньке крыши, Энтрери вскарабкался на двухэтажное здание и устроился на карнизе под окном второго этажа. Согласно его наблюдениям, это была спальня Рорли. Быстрая проверка показала, что по эту сторону стекла ловушек нет. Сохраняя восхитительное равновесие, вор извлёк свои новые инструменты, прилепил присоску в центр стекла, затем установил на неё ручку с алмазным резак. Вычертив идеальный круг, он осторожно потянул. Вырезанный кусок поддался не сразу.

Джарлаксл бесшумно парил за его спиной.

– Какое любопытное изобретение для того, кто не умеет левитировать, – заметил тёмный эльф об альпинистской упряжи коллеги.

– Так и живём, – проворчал Энтрери.

– Но вся эта трата денег на чёрные одежды... – продолжил дроу, со вздохом качая головой. – Я же тебе дал куда более полезный плащ, и кроме того, шляпу.

Энтрери уже привык не удивляться ничему, что Джарлаксл мог предложить из магических трюков. Плащ, который ему пришлось надеть, был, очевидно, вариацией знаменитого пивафви, плаща-невидимки дроу. Но вот замечание насчёт шляпы застало его врасплох.

– Шляпа? – переспросил он, свободной рукой хватаясь за узкие поля своего болеро.

– Сдвинь её на левый бок, и она защитит тебя от любопытных глаз.

Энтрери послушался, и немедленно ощутил, как его обдало холодом, пуская мурашки по всему телу.

– Вот так! – объявил Джарлаксл. – Когда почувствуешь тепло, можешь снова поправить её обратно.

– Я чувствую себя, как покойник.

– Лучше чувствовать, чем вправду им стать, верно?

Энтрери поправил шляпу, мысленно соглашаясь. Вздвогнув ещё раз, он вернулся к своей работе с окном, на сей раз, выдернув круг из стекла.

– Туго идет, – сухо заметил Джарлаксл.

Убийца кольнул его злым взглядом и снова поёжился. Осторожно, почти нежно он просунул руку сквозь стекло и начал обшаривать подоконник в поисках ловушки.

– Сколько труда, надо же, – протянул Джарлаксл.

Дроу запустил руку в свою бескрайнюю шляпу и вытащил небольшой чёрный платок. Энтрери лишь со вздохом покачал головой при виде этого. Он знал, что сейчас будет.

Джарлаксл развернул свой лоскуток, и тот стал значительно шире. Затем дроу приложил его к стене – и вся часть здания, которую он покрывал, попросту исчезла. Типичная переносная дыра – редкий и полезный инструмент, создающий межпространственный карман. Но Джарлаксл не носил предметов, которые можно было назвать типичным. Его дыра, с одной стороны, могла создавать либо карман, либо, приложенная другой стороной, создавала на время дыру в любой поверхности, на которую опускалась. Джарлаксл с будничным видом прошествовал в помещение и втянул дыру за собой, возвращая стене плоть.

Энтрери был так взбешён, что рванулся следом через подоконник и лишь в последний миг заметил небольшой выступ, выдававший на нём ловушку. Взяв себя в руки, мужчина снова заставил свои пальцы двигаться отточенными движениями. Несколько секунд спустя ловушка была обезврежена и даже раскрыта – внутри оказалась игла, без сомнения, отравленная. Артемис вынул её и положил себе в браслет. Завершив осмотр подоконника, он щёлкнул замком и вошёл в комнату.

– После меня, хотя бы, стена осталась целой, – подколот Джарлаксл, указывая на стеклянный круг в руке Энтрери.

Взмах руки убийцы – и стекло ударилось об пол, разбившись на тысячи кусочков.

– Восхитительная бесшумность, – саркастически заметил Джарлаксл.

– Может, я сегодня в настроении кого-нибудь убить, – ответил Энтрери, пристально глядя на назойливого эльфа. Джарлаксл пожал плечами.

Энтрери оглядел помещение. Напротив окна в левом углу была дверь, рядом с ней – открытый чулан. Справа от окна стоял платяной комод высотой по плечо Артемису. Кровать и ночной столик дополняли обстановку. Энтрери принялся за комод, а Джарлаксл направился к чулану.

– Какая безвкусица! – донёсся возмущённый голос тёмного эльфа. Убийца оглянулся и увидел Джарлаксла, копошащегося в висящих одеждах, в основном бурого и серого цвета.

Энтрери покачал головой и открыл нижний ящик. Там было несколько простыней, а под ними – горстка монет, которая тут же скрылась в его кармане. Во втором было то же самое, а в третьем валялись вперемежку предметы туалета, включая красивый костяной гребень с перламутровой ручкой, который Энтрери также присвоил себе.

Самое интересное оказалось в верхнем ящике: несколько баночек с мазями, и три флакона с зельями разного цвета. Энтрери понимающе кивнул и покосился на подоконник, затем захлопнул ящик и направился к постели.

– Ага, тайник! – обрадовал Джарлаксл из шкафа.

– Дай мне проверить его на ловушки.

– Не утруждайся, дружок, – ответил тёмный эльф, выходя из чулана.

Он извлёк серебряный свисток, который прежде висел у него на цепочке на шее, и дважды дунул. Раздался хлопок и вспышка, и дверца тайника волшебным образом открылась.

– У тебя на любой случай есть ответ, – процедил Энтрери.

– Поэтому я ещё жив, – кивнул Джарлаксл. – А ну-ка, давай посмотрим, что у нас там.

Мгновение спустя дроу вышел из чулана, бережно неся статуэтку: необычную фигурку мускулистого мужчины, наполовину чёрную, наполовину белую.

– Что ж – назад в трактир за наградой? – спросил Джарлаксл.

И тут идол в его руках расхохотался в ответ.

– Не думаю, что ты отсюда выйдешь, Артемис Энтрери! – провозгласил он. То, что он обращался к Артемису, а не Джарлакслу, поразило обоих, и вызвало подозрение, что речь была записана заранее.

– Хм... – произнёс Энтрери.

Дверь в комнату распахнулась, и Джарлаксл метнулся назад к окну. Энтрери отступил влево, к кровати. В комнату вошёл здоровенный мужчина со смугло-серой кожей, в длинной чёрной мантии с зубчатыми полами. На голове вошедшего был шлем с гребнем. За его спиной мелькала свора крупных серых и чёрных псов; они выскакивали из тени и возвращались назад, словно были с темнотой одной природы.

Энтрери почувствовал, как задрожал на поясе Коготь Харона, его меч. Но на сей раз, это была не жажда боя, напротив, меч как будто радовался встрече старого друга.

– Я так понимаю, нас ждали в гости, – спокойно констатировал Джарлаксл, вертя в руках статуэтку.

– Отдай мне вещь без боя, и увидишь, что мы можем быть выгодными союзниками, – предложил здоровяк.

– Я ещё не успел её полюбить, – ухмыльнулся Джарлаксл. – Так что, если ты готов обсудить цену...

– Мне нужен не этот бесполезный идол!

– Может, меч?! – догадался Артемис.

– И перчатку, – подтвердил смуглый.

Энтрери скривился:

– Они мне более ценные союзники, чем ты.

– О да, но могут стать и такими опасными врагами, как мы.

– Мы? – встрял Джарлаксл. – Так кто же вы, называющие себя во множественном числе?

Смуглый человек и Энтрери покосились на дроу с удивлением.

– Меч, который носит твой спутник, принадлежит не ему, – объявил великан.

– Ты что, убил прежнего владельца? – поинтересовался дроу у Артемиса.

– А ты как думаешь?

Джарлаксл кивнул и перевёл взгляд на высокого человека.

– Это его меч...

– Это меч Нетерила!

Энтрери слабо понимал, что это значит. Но он увидел, что глаза Джарлаксла округлились так, будто перед ним вырос, по меньшей мере, тот дракон, с помощью

которого они уничтожили Магический Кристалл, и понял, что дело плохо.

– Нетерезы... – повторил дроу. – Народ, которого нет уже много веков...

– Народ, который скоро вернётся, – отрезал смуглый. – Народ, воскрешающий свою былую славу и возвращающий то, что ему принадлежало.

– Ну что ж, это самые весёлые новости для мира за последнее тысячелетие, – саркастически процедил Джарлаксл.

Хозяин дома расхохотался в ответ:

– Я послан забрать наш меч. Я мог бы просто убить вас обоих и не тратить время на разговоры. Но думаю, парочка авантюристов вроде вас может хорошо послужить Тен... моему народу. А мы – выгодные союзники для вас.

– Выгодные, говоришь? – переспросил Джарлаксл с явным интересом.

– А если я стану вашим союзником, оставите мне меч? – вставил Энтрери.

– Нет, – отрезал смуглый человек.

– Тогда и мой ответ – нет!

– Не спеши с ответом, – шикнул на него дроу.

– Тут и так всё ясно, – ответил Энтрери.

– Мне тоже, – подтвердил смуглый. – Значит, по-хорошему не хочешь. Будет по-плохому!

Он отступил в сторону, и свора псов из тени ворвалась в комнату с диким лаем и воем. Белые клыки сверкали в черноте их ртов.

Энтрери пригнулся, готовый отпрыгнуть, но Джарлаксл держал ситуацию под контролем. Он швырнул на пол перед собаками свою чёрную дыру, с помощью которой попал в дом. Лай превратился в визг, и твари провалились сквозь пол в нижнюю комнату. Джарлаксл немедленно подхватил дыру, запечатав пол.

– Надо бы мне завести такую, – заметил Энтрери.

– Если заведёшь, не пытайся пронести её через мою, – предупредил Джарлаксл. Энтрери посмотрел на него с недоумением.

– Разлом... в астральный уровень... а впрочем, не забивай себе голову, – объяснил дроу.

– Ладно, – махнул рукой убийца. – Итак, что у нас?

– Противник, до которого вам ещё далеко! – провозгласил смуглый человек.

С хохотом он шагнул вбок и растворился в тени – так быстро, что Энтрери показалось это обманом зрения. Но убийца успел метнуть иглу, и по сдавленному стону понял, что его снаряд достиг цели.

– Любишь темноту, дроу? – спросил хозяин дома, погружая комнату в непроглядный мрак.

– Обожаю! – подтвердил Джарлаксл и трижды свистнул в свисток: короткий сигнал, длинный и снова короткий. Энтрери услышал, как захлопнулась дверь.

Действовать приходилось быстро и опираясь на инстинкты. Убийца выхватил меч и кинжал, и встал спиной к кровати, прикрывая спину. На всякий случай он наклонил шляпу влево, хотя и понимал, что в этой магической темноте не может видеть даже тот, кто владеет инфразрением. И всё же это спасло его: вслед за холодком, пробежавшим по коже, комнату наполнил жар магического огня.

Артеми́с успел спрятаться под кроватью за мгновение до того, как над его головой вспыхнул матрац.

– Он колдун! – закричал Энтрери.

– Серьёзно? – усмехнулся Джарлаксл в ответ.

– Серьёзно, – подтвердил невидимый хозяин. – И мне не страшны ваши жалкие уколы!

– Да ну? – усомнился Энтрери. Продолжая разговаривать, он перемещался по комнате, чтобы голос не выдал противнику его положения. – Даже иголка из твоей собственной лову...

Он не успел договорить последнее слово, как вся комната погрузилась в тишину. Заклинание безмолвия погасило все звуки, даже заткнуло собак, гавкавших этажом ниже. Энтрери понял, что это работа Джарлаксла: обычный трюк тёмного эльфа против опасных волшебников. Без возможности произносить вслух заклинания, репертуар чародея резко сокращался.

Но у Энтрери были другие заботы. Его волшебный меч начал борьбу с хозяином, пытаясь повернуть его руку против него самого, уговаривая пролить собственную кровь. Однажды Энтрери уже одолел упрямый меч в поединке воли, но здесь, в присутствии одного из своих создателей, клинок как будто пылал новым гневом. На руке убийцы была перчатка, уменьшавшая воздействие Когтя Харона, и она пока позволяла ему кое-как держать верх над нетерильцем.

Энтрери с трудом осознавал, где именно в комнате он находится. Ему уже удался меткий бросок, но упустить возможность для нового означало окончательно испортить ситуацию. Он стал ориентироваться по жару, исходящему от горячей кровати. Повернувшись, как ему казалось, перпендикулярно окну, он сделал три осторожных шага, на ходу убрав в ножны непослушный меч.

И затем Артемис нанес один быстрый, точный удар, его высасывающий жизнь кинжал вонзился прямо в спину смуглого колдуна.

Голова Энтрери закружилась, когда кинжал начал вкачивать в него жизненную силу умирающего. Он пошатнулся, упал на пол и лежал так довольно долго, пока не услышал лай собак внизу.

– С ним покончено! – объявил он, чтобы Джарлаксл не погрузил комнату снова в безмолвие.

Вскоре рассеялась и темнота. Лежащий на полу Энтрери нашел глазами своего напарника. Тот с комфортом разлёгся прямо на потолке, подложив руки за голову. Артемис отметил, что ореол сажи от огненного шара, обугливший стены и потолок, огибает тёмного эльфа кругом. Как будто некий щит закрывал дроу от магии, или, по меньшей мере, от огня.

Убийца даже не удивился.

– Прекрасная работа! – похвалил его Джарлаксл, медленно опускаясь на пол. Энтрери тоже встал на ноги, отряхиваясь. – Без зрения, без слуха! Как же ты догадался, где он стоит?

Энтрери бросил взгляд на покойника. Он лежал на верхнем ящике комода, который вытащил и поставил на пол. Вокруг валялись склянки с зельями.

– Я сказал ему, что ранил его иглой из его собственной ловушки, – объяснил он. – А в одной из этих баночек должно было быть противоядие. Я догадался, что под покровом темноты и тишины он попытается вылечить яд.

– Потрясающе! – воскликнул Джарлаксл. – Я начинаю понимать, почему таскаю тебя с собой!

Энтрери покачал головой.

– Насчёт меча он не соврал, – вздохнул он. – Меч был предан ему. Я это почувствовал, когда клинок повернулся против меня!

– Нетерильский клинок... – промурлыкал Джарлаксл. Он взглянул на Энтрери с неожиданным удивлением, а затем сверкнул широкой улыбкой. – И как теперь относится к тебе твой меч?

Энтрери пожал плечами и осторожно извлёк оружие. От меча исходила аура преданности, близости, куда большей, чем раньше. С удивлением он поднял глаза на Джарлаксла.

– Похоже, он считает, что теперь ты больше похож на его прежних хозяев, – объяснил дроу. Когда брови Энтрери подпрыгнули ещё выше, он добавил, глядя на мертвеца. – Это был неординарный человек.

– Я тоже так думаю.

– Он был Шейдом. Созданием, состоящим из теней.

Энтрери пожал плечами – ему это ни о чём не говорило.

– А ты ведь убил его своим вампирским кинжалом, так?

Энтрери снова пожал плечами, начиная злиться. Джарлаксл рассмеялся и протянул ему зеркальце. Взглянув в него, Энтрери даже в тусклом свете разглядел, что его кожа приобрела темно-серый оттенок.

– И ты поглотил частицу его сущности, мой друг, – заявил дроу.

– Что это значит? – испугался убийца.

– Значит, что ты только что продвинулся в своём ремесле, приятель, только и всего! – рассмеялся Джарлаксл. – Насколько сильно, покажет время.

Энтрери пришлось удовлетвориться этим объяснением – ничего более конкретного от его загадочного друга не приходилось ожидать. Он нагнулся и поднял брошенного идола, с которого всё началось.

– Пора забрать наши деньги у трактирщика, и... – начал он.

– И?... – переспросил Джарлаксл.

– И прирезать этого борова за то, что втравил нас в это дело.

– Это может не понравиться властям Гелиогабалуса, – возразил Джарлаксл.

Ответ Энтрери был столь характерным, что Джарлаксл прошептал его в унисон с убийцей:

– А мы им не скажем!

СВЕЧА БЕЗ ФИТИЛЯ

Изначально опубликован в сборнике «Королевства драконов»
Wizards Of The Coast, 2004

Если рассказ «Преданный меч» продлевает сюжетную линию о Энтрери и Джарлаксле, проводя их к дальнейшим крупным событиям Забытых королевств, то «Свеча без фитиля» сосредоточен больше на личном взаимоотношении между двумя героями. Должен сказать, в процессе написания рассказа я получил такое удовольствие, какое мне редко доводилось получать в процессе работы.

Рассказ пронизывает многие уровни посредством героинь-противоположностей, сестёр-дракониц Тазмикеллы и Ильнезары. Отчасти это дань поэтам-романтикам и их оценки так называемой «шотландской девушки простой». Почти вся литература, а с нею в какой-то степени и Вордсворт, и Шелли и другие, сосредоточена на «важных» людях, поэтому объяснение Тазмикеллы о том, что её сестра лишена понимания «простоты людской» выглядит вполне искренним. Таким образом сёстры-драконицы являются в какой-то степени отражением Энтрери и Джарлаксла: один экстравагантный и рискованный, другой рациональный и приземлённый, можно даже сказать ограниченный.

И в этом главная загадка рассказа и флейты Идалии, которая ещё сыграет свою роль в дальнейшей сюжетной линии об Артемисе Энтрери. Джарлаксл расширяет кругозор Энтрери, показывая ему новые земли Королевств и помогая найти новый источник жизненного вдохновения. Будь то сделав его королём Ваасы в «Заклятии короля-колдуна», или намекая на сексуальную связь с — подумать только! — драконицей, Джарлаксл полон решимости прожить жизнь сполна, всюду таская с собою кричащего, брыкающегося и клянущегося о возмездии Энтрери. Как-то Энтрери выражает недовольство, что Джарлаксл всё время сводит его с драконами, где драконы по сути являются метафорами для обширного мира, который Джарлаксл открывает для Энтрери.

Всё это приводит нас к отступлению Дриззта в «Служителе осколка», когда он размышляет над этой странной парой, Джарлаксом и Энтрери. Он понимает, какое влияние тёмный эльф может оказывать на наёмного убийцу, хотя и не ручается за исход этого союза, говоря: «...Быть может, с помощью наемника Энтрери поймет, как уйти от своего нынешнего бесцельного существования. Или Джарлаксл его убьёт. Но в любом случае всем прочим станет только лучше, как мне кажется».

Я всегда удивляюсь, как кусочки многочисленных историй продолжают сплетаться в одну паутину — удивляюсь, ибо чувствую, будто иду рядом с этими героями и не просто выкладываю для них следующий сюжет, в который они вот-вот ступят. Всё строится логично, своим чередом, каждый рассказ выстраивает фундамент для следующего, и каким-то образом эти персонажи, пятерка Мифрилового зала и дуэт упомянутых выше «злодеев», стойко следуют своим логичным путём, и, несмотря на всё, продолжают меня удивлять.

Для меня они реальны, хотя я не вполне уверен, в чём тому причина: в магии писательства или признаке моего умопомешательства. В любом случае, это чертовски забавно.

В конце добавлю заметку на полях: одной из мыслей, когда я согласился писать короткие рассказы, было то, что они появятся в соответствующих антологиях, и в дальнейшем будут перепечатаны в начале следующего романа, посвящённого персонажам. Я не хотел просто писать сторонние рассказы, которые не имеют отношения к приключениям этого дуэта. По причинам, выходящим за рамки моего контроля, этого не случилось, и я до сих пор об этом сожалею. Перечитывая рассказы сейчас, в особенности «Преданный меч», мне кажется, что события в

«Наёмных клинках» имеют слишком узкие рамки.

СВЕЧА БЕЗ ФИТИЛЯ

(перевод – Morinaro)

Год Знамени (1368 ЛД)

Его невозможно было заметить в скоплении ларьков и торговых лавок, представлявших собой торговый район Гелиогабалуса, столицы Дамары, – для Артемиса Энтрери, который годами тренировал своё мастерство, не было ничего проще. Молчаливая фигура скользила сквозь грозу по Стенной Дороге, мощёной улице, названной так из-за близости к внешней стене города. По булыжным камням нескончаемым потоком бежали ручьи.

Вспышка молнии осветила его силуэт, – убийца стоял между двумя находящимися по разные стороны улицы лавками, где торговали всякой всячиной. На Артемисе был чёрный блестящий от влаги плащ отличного качества. Наёмник нарочито носил его так, чтобы была видна инкрустированная драгоценными камнями рукоять его знаменитого кинжала. На голову была надета плоская шляпа с узкими полями – довольно необычно для страны, чьи жители предпочитали простые капюшоны и шарфы. Но она меркла в сравнении с той, что принадлежала изящной фигуре, не спеша прошествовавшей мимо него при очередном росчерке, – огромная, широкополая, одна сторона загнута вверх, а над всем этим гигантский плюмаж.

– Как мы и думали, – шепнула фигура, проходя мимо, – посторонний наблюдатель по их поведению даже не догадался бы, что они разговаривали. – Третий справа.

Стройная фигура продолжила свой путь – лишь высокие сапоги слегка цокали по мостовой.

Спустя мгновение Энтрери двинулся к двери магазина «Мешок Серебра Тазмикеллы» и, оглядевшись, проскользнул внутрь.

За одним из столов сидела хихикающая парочка – вряд ли они даже заметили его появление. Напротив них нервно перебирал статуэтки полный человек средних лет – он стряхивал с них пыль и, ворча под нос, водружал обратно на полку. У обладателя толстого живота было круглое лицо с красными, как яблоки, щеками и алыми губами, а глаза будто постоянно косили, хотя и были большими.

– Ну, – сказал он Энтрери. – Не дурак, если зашёл, чтобы спрятаться от дождя. Оглядысь-ка – может, даже чего-нибудь прикупишь. О, эта мысль, похоже, мало кому приходит в голову! Ну да, зачем покупать что-нибудь, если можно просто зайти в магазин и поглазеть на товар?

Артемис пристально взглянул на него, никак не прокомментировав его слова.

– Ну, как хочешь, – продолжил мужчина. – Только, пожалуйста, держись подальше от новых ковров – не хватало ещё намочить их. Может, потом кому-то они, наконец, приглянутся.

Больше не обращая на коротышку внимания, Энтрери, как и было ему сказано, пошёл направо, к третьему подсвечнику, стоящему в переднем окне магазинчика. Его основание было сделано в форме сидящей жабы. Отвратительнейшая вещь, подумал Энтрери, хотя и не был ценителем. Артемис сначала взял четвертый подсвечник, бегло осмотрел его, затем второй, а потом третий. Убийца незаметно провёл рукой по его основанию. Разница между серебром и воском была «налицо».

Росчерк молнии за окном вернул его мысли к таверне – трактирная девка бросила салфетку на стол. Артемис припомнил стихи на той старой грязной тряпке и опять коснулся воска.

– Без фитиля внизу, – прошептал он.

– Что-что? – переспросил мужичок.

– Я сказал, что мне нравится эта вещь, – произнёс Энтрери уже громче. – Из-за грозы у меня кончились свечи. Я зашёл лишь для того, чтобы купить новых, но наткнулся на этот весьма интересный подсвечник.

– Вы хотите его приобрести? – спросил торговец тоном, по которому можно было легко догадаться, что покупки здесь совершались отнюдь не часто.

– Как насчёт пятидесяти серебряных? – предложил Энтрери.

Коротышка хихикнул и произнёс:

– Да только, чтобы выплавить его, нужно вдвое больше!

– Это чистое серебро? – спросил Энтрери, изображая удивление, – убийца уже знал, что это действительно так, и даже прикинул его реальную цену вплоть до нескольких медяков.

– Самое, что ни на есть, – оживившись, заверил толстячок. – И стоит он пятьдесят золотых, а не серебряных.

Энтрери слегка подвинул подсвечник – тот чуть было не упал на подоконник. Артемис подержал его несколько секунд.

– Тридцать, – сказал он. – Справедливая цена.

– Справедливая?! – возопил владелец магазина. – Да он мне самому стоил целых сорок!

– Ладно, сорок.

– Сорок два! – не унимался коротышка.

Энтрери пожал плечами и достал из-за пояса кошель. Подкинув его пару раз, наёмник вытряхнул из него несколько монет, а затем, взвесив в ладони, бросил кошелёк толстяку.

– Сорок два, – согласился он. – Может, даже сорок три.

Спрятав оставшиеся монеты в карман, Артемис взял подсвечник и направился к двери.

– Погодите, – произнёс коротышка. – Может, вам ещё что-нибудь нужно? Вы же за свечами приходили... Ну, ночью темно, а вы не... Этот подсвечник, если к нему подобрать определённые свечи, отбрасывает такие красивые тени.

Из-за соседнего столика послышалось хихиканье – до владельца магазина дошло, что он разговаривает сам с собой. Энтрери уже вышел.

Очередная вспышка молнии продержалась достаточно долго, чтобы Энтрери смог прочесть вывеску на магазинчике напротив: «Золотые монеты Ильнезары».

Быстро оглядевшись, Энтрери бесшумно двинулся прочь. Идти до южной окраины города было далековато, но на улице в такое время не было прохожих, поэтому он шёл довольно-таки быстро. Вскоре он остановился у непримечательного здания и, по устоявшейся с годами привычке, огляделся прежде, чем подняться по задней лестнице на второй этаж к двери своего жилища. Да, он один. Мужчина скользнул внутрь.

В комнате было тепло и уютно: в камине плясали языки пламени, в многочисленных канделябрах горели свечи. Войдя, Энтрери скинул промокший плащ и бросил его на вешалку у двери, где уже сохла отличная дорожная накидка. За плащом последовала шляпа, устраиваясь перед своей более обширной товаркой.

Вытерев лицо рукавом, Энтрери расстегнул пояс и вытащил инкрустированный самоцветами кинжал. Немного подержав его в руке, убийца метнул оружие через всю комнату – клинок, как всегда, вонзился точно в пах нарисованной на стене фигуры с огромной шляпой, всего в нескольких дюймах над кроватью.

– Оу, это наверняка больно, – произнёс Джарлаксл.

– Пожалуй, – отозвался Энтрери.

Взглянув на спутника, Энтрери чуть не поперхнулся: повязка Джарлаксла была поднята на лоб – наверно впервые наёмник мог посмотреть сразу в оба глаза тёмного эльфа.

– Знаешь, меня это беспокоит, – сказал дроу. – Ну, то, что тебе нравится, когда кинжал попадает именно в это место.

– Если бы я проснулся и почувствовав угрозу, потянулся бы за кинжалом, а там помимо него было бы что-то ещё... Уверяю, остальное я бы попросту оторвал.

– Да уж, это тоже было бы больно.

– Пожалуй.

Джарлаксл рассмеялся и спросил:

– Отчего же такое скверное настроение, друг мой?

– Какое есть.

– Мы наверняка правильно расшифровали стих, – произнёс Джарлаксл, кивнув взгляд на подсвечник в руках Энтрери. – Действительно, «свеча без фитиля».

Артеemis было направился к нему, но остановился и поставил подсвечник на стол рядом с собой.

– А я всё это время думал, что речь идёт о тебе, – съязвил Энтрери и плюхнулся на кровать.

– Трактирная девка положила салфетку так, чтобы мы оба её видели, – напомнил Джарлаксл. Он вытащил грязную тряпку из кармана и прочёл:

*Практичное полезнее, коль ищешь лучших цен.
Внимательный отыщет приз вблизи крепостных стен.
Средь безделушек ты найдёшь вещь хоть для короля,
Как только сможешь отыскать свечу без фитиля.*

Дроу, лукаво улыбаясь, перевернул подсвечник и ногтём отковырнул налипший на его основание воск на заднюю часть сидящей жабы.

– Да, вторая строчка была ключевой, – произнёс он, вытащив затычку. – Серебро гораздо практичнее золота – мы сделали вполне обоснованный выбор, – губы Джарлаксла расползлись ещё шире, когда он просунул свой палец в отверстие и вытащил ногтём тонкий скрученный пергамент. – Правильный выбор.

– Интересно, – протянул тёмный эльф и, не дождавшись ответа, повторил вновь. – Очень интересно.

Наконец, спустя несколько долгих мгновений Энтрери ответил:

– Это карта.

– Карта? – переспросил Баэнрэ. – Ряд точек, круг, отдельная линия и пятнышко крови. Где ты увидел карту?

– Точки – это здания. Все здания, которые затронула эта головоломка, – объяснил Артеemis. Наклонившись вперёд, он поочерёдно указывал пальцем на каждое. – Таверна, наш дом...

Убийца замолк – ему было не по душе, что тот, кто стоял за всем этим, знал, где они живут.

– А вот та самая улица вблизи крепостных стен, – подхватил Джарлаксл, указывая на круг. – «Мешок серебра», «Золотые монеты»... А расстояния действительно кажутся довольно точным. – Для верности дроу измерил всё пальцами. – Но мы и так всё это знаем.

– Кроме этого, – указал Энтрери на пятнышко крови, находящееся на удалении от всех остальных точек.

– Кровь? – спросил дроу.

– Конечная точка.

Наёмники нашли «пятнышко» – довольно непримечательную хижину на склоне каменистого холма далеко за пределами Гелиогабалуса. Из хижины города видно не было, поскольку жилище находилось на дальнем склоне холма вдали от дорог. К тому же, моросил непрекращающийся дождь.

Энтрери с подозрением осматривал хибару, тщётно пытаясь обнаружить следы засады. Крыша была невысокой – задняя стена дома, примыкающая к холму, возвышалась не более, чем на пять футов над каменистой почвой – и рядом не было деревьев, способных послужить отличными точками обстрела.

Таким образом, убийца был весьма удивлён, услышав женский голос с крыльца дома:

– Сообразительные и проворные. Гораздо лучше, чем можно было ожидать.

Наёмники сделали пару шагов, отступая друг от друга и рассматривая женщину: её нельзя было назвать некрасивой, хотя она и не была красавицей – довольно-таки простое лицо не скрывало несколько слоёв макияжа, вошедшего в моду у придворных дам Дамары. Оно даже казалось маленьким из-за широких для её телосложения плеч. Женщина выглядела чуть старше Артемиса – пятьдесят или около того. Цвет тонких волос до плеч был чем-то средним между серым и рыжевато-белокурым, но отнюдь не блестящим, как это могло показаться вначале.

На незнакомке было просто платье светло-голубого цвета. Низкие туфли никак не сочетались с окружавшими их грязью и камнями – такие бы больше подошли для прогулок по городу, подумал Энтрери. И, уж конечно, никакой отшельник не нацепил бы такую обувь вдали от столицы.

Энтрери почувствовал пристальный взгляд Джарлаксла и, обернувшись, увидел натянутую улыбку друга.

– Приветствую тебя, леди Тазмикелла, – произнёс дроу и, склонившись в глубоком поклоне, взмахнул своей широкополой шляпой.

Озадаченный происходящим Артемис посмотрел на женщину и заметил, что та нахмурилась.

– Ты всегда полагаешься на подобные стечения обстоятельств? – по её тону не было понятно, обеспокоена она правильной догадкой Джарлаксла или же зла на то, что он узнал её.

– Я всего лишь связал одно с другим и ничего более, – учтиво объяснил дроу.

Было не похоже на то, что это впечатлило Тазмикеллу:

– Кажется, у меня для вас есть работа. Проходите.

С этими словами она развернулась и вошла в хижину, а напарники, переглянувшись и пожав плечами, последовали за ней. Волшебные сапоги Джарлаксла звонко стучали даже по мягкой почве в то время, как Энтрери шёл беззвучно.

Войдя внутрь, напарники воочию убедились, что внешность бывает обманчивой, – хижина оказалась внутри очень просторной – даже слишком – и была богато украшена чудеснейшими гобеленами и коврами. На большинстве из них были сцены, изображавшие пасторальные картины жизни Дамары: пастух со своим стадом на солнечном склоне холма, женщина, поющая во время стирки на ручье, дети, играющие на турнире с длинными палками и знамёнами прославленных героев. Стол посреди комнаты украшали канделябры, соседствовавшие с красивой и надёжной посудой. Все стены были испещрены высушенными раковинами, а также приятно пахнущими травами. Над столом

висела люстра с кучей ответвлений – простая, но красивая вещь, куда более подходящая для какого-нибудь помпезного зала одного из особняков в черте города.

Разглядывая убранство комнаты и обилие серебристых тонов, Энтрери понял, что Джарлаксл оказался прав.

– Прошу садиться, – сказала женщина.

Она указала на удобные стулья из резного дерева, стоящие вокруг стола. Наверняка далеко не дёшево, решил Энтрери, коснувшись пальцами витиеватой резьбы.

– Вы не заставили себя ждать и заслуживаете того же с моей стороны, – сказала женщина.

– Вы знаете, кто мы, и хотите нас нанять, – сказал Джарлаксл.

– Разумеется.

– Вы не похожи на того, кто станет желать другому смерти.

Энтрери обратил внимание, что женщина побледнела, услышав предположение дроу. Это была задача Энтрери, и, когда бы они ни встречали нового перспективного нанимателя, Джарлаксл задавал один и тот же вопрос. Джарлакслу всегда нравилось начинать подобные беседы в резкой форме.

– Мне сказали, что вы двое достаточно опытны в... добыче нужных вещей.

– Думаю с этим у вас нет проблем, леди Таз... , – Джарлаксл помедлил, ожидая подсказки.

– Тазмикелла, – подтвердила она. – И, да, так и есть, спасибо, что отметили. Но вы уже, наверное, заметили, что я ни одна такая в Гелиогабалусе.

– «Золотые монеты Ильнезары», – догадался Энтрери.

– Это имя я не могу произносить без проклятий, – кивнула женщина. – Сегодня моя соперница, а некогда хороший друг. И, увы, она снова это сделала.

– Это? – хором спросили наёмники.

– Получила вещь, которую не заслуживает, – заметив непонимающие взгляды, сказала Тазмикелла и, сев на своё место, подняла руки, останавливая возможные расспросы. – Позвольте объяснить.

Женщина закрыла глаза и довольно долго молчала.

– Не так давно, – начала она нерешительно, словно не была уверена, что они поймут ход её мыслей, – я встретила женщину, сидящую на камне в поле. Она меня не заметила, поскольку была полностью поглощена своими мыслями. Во всяком случае, так мне показалось. Она пела, её глаза были закрыты, а помыслы обращены вдаль – к тому единственному, кого она потеряла, насколько я поняла из тех немногих слов, которые сумела разобрать. Я никогда не слышала таких чувств и терзаний, звучавших в голосе, – словно она в каждую ноту вкладывала сердце и душу. Красота её песни глубоко тронула меня. Мне было нетрудно оценить это, но моя соперница...

– Ильнезара, – вставил Джарлаксл, а Тазмикелла кивнула.

– Ильнезара никогда не поняла бы всей красоты песни той женщины. Она бы стала высмеивать рифму слов и сокрушаться о плохой технике и мелодии. Но это были как раз те несовершенные переливы, что тронули моё сердце.

– Потому что они шли от сердца, – сказал Джарлаксл.

– И потому полезны, – добавил Энтрери, припоминая о стихотворении, приведшем их сюда.

– Но недостаточно хороши для Ильнезары, я полагаю, – сказал Джарлаксл, продолжая свою мысль. – Но красота совершенства притупила бы искренность чувств.

– Именно! – воскликнула Тазмикелла. – О, мы долго ведём этот спор. Обо всём, кажется: о живописи и скульптуре, гобеленах, песнях и историях. Я слушала многих бардов, видела, как они развлекали целые залы историями о смелых героях

и их приключениях. Их слушали с неподдельным интересом и восхищением. Но стоило спросить мнения Ильнезары, некогда моей подруги, как она начинала убеждать меня в том, что структура повествования была построена неверно, что не были соблюдены законы и формулы, выведенные книжниками, далёкими от всего этого сброда в таверне. Недавно, на одном из аукционов мы поспорили из-за одной увиденной нами картины. Это были просто каракули, не вызывавшие у меня ничего кроме простого любопытства – касательно того, как это можно называть искусством, если вы понимаете, о чём я.

– Но ваша соперница смотрела на картину иначе? – спросил дроу.

– Возможно, поначалу и нет, но когда художник разъяснил ей скрытый смысл, заложенный в полотне, глаза Ильнезары вспыхнули. Никогда бы не подумала, что такие мысли могут прийти в голову при виде самой картины. Но это неважно. Само произведение было написано с учётом всех канонов, а доводы художника казались вполне очевидными, впрочем, лишь, после того как были подробно разъяснены. Таков и образ жизни людей вроде неё, понимаете? У них собственное понятие того, что такое культура, они не ценят перелива эмоций в искренней женской песне, но разделяют всё, что существует вокруг, сужая границы того, что встретит одобрение, и отторгая всё, что доступно простым людям.

– При помощи рамок и шаблонов им проще разбираться в мире искусства, – Джарлаксл пояснил для Энтрери, начавшему уже скучать от пространных рассуждений.

– Итак, вы хотите, чтобы мы украли не приглянувшуюся вам поначалу картину? – спросил Энтрери.

Тазмикелла рассмеялась.

– Да уж нет! Можете хоть порубить её своим славным мечом, мне всё равно. Нет, есть другая вещь, на которую Ильнезара натолкнулась незадолго до того случая и которую никогда даже не пыталась оценить по достоинству. И она хранит её лишь потому, что знает, каким сокровищем она стала бы для меня!

Наёмники непонимающе переглянулись.

– Флейта, – сказала Тазмикелла. – Флейта, вырезанная из цельного куска серого, сухого плавника. Она была сделана очень давно странствующим монахом по имени Идалия из Жёлтой Розы. Он взял этот цельный кусок уродливого, бесполезного материала и трудился над ним день за днём. Эта флейта стала средоточием всего его существования и мастерства. Он чуть не умер от голода, торопясь завершить свою чудесную флейту. И он закончил её. Флейту, рождающую прекраснейшую музыку! Ноты её были чисты, словно звук ветра в расщелинах нетронутого камня.

– И ваша соперница получила её от этого монаха?

– Идалия мёртва уже много столетий, – терпеливо пояснила Тазмикелла. – Флейта считалась потерянной. Но она как-то нашла её.

– Разве вы не можете просто купить её? – спросил дроу.

– Она не продаётся.

– Но вы сказали, что она совершенно не ценит её.

Женщина снова засмеялась и ответила:

– Она отложила её в сторону, убрала прочь, и даже не вспоминает о ней. Она ценна для неё лишь тем, что ей известно, какую боль я испытываю, не владея этой флейтой.

Наёмники снова переглянулись.

– И не только потому, что я не владею ей, – продолжала Тазмикелла, казалось бы, уже немного безумно. – Она знает, что за мука для меня и других ценителей от того, что ничьё дыхание не течёт сквозь творение Идалии. Разве вы не понимаете? Она наслаждается возможностью украсть истинную красоту у простых людей.

– Я не... – начал Энтрери, но Джарлаксл перебил его.

– Это просто ужасно, – возмутился дроу. – И вы хотите, чтобы мы восстановили справедливость?

Тазмикелла поднялась из-за стола, подошла к комоду и уже через мгновение вернулась с маленьким пергаментом в руке.

– Ильнезара планирует выставку в своём магазине, – объяснила она, протягивая записку Джарлакслу.

– И она хранит флейту прямо там? – вслух усомнился Энтрери.

– Нет, она спрятана у неё дома, в уединённой башне к северо-востоку от города.

– Вы хотите, чтобы мы нанесли ей визит, пока Ильнезара будет занята своей выставкой? – спросил Джарлаксл.

– Один из вас мог бы пойти на выставку, – объяснила Тазмикелла, остановив взгляд на Джарлаксле. – Ильнезаре покажется интересным кто-то, обладающий подобного рода... красотой. Для тебя не должно представлять затруднений достать приглашение в её собственный дом.

Джарлаксл скептически поглядел на неё.

– Это проще, чем вламываться в её башню, – объяснила Тазмикелла. – Она женщина не бедная и может позволить себе как покупку лучших произведения искусства, так и содержание хорошо вышколенной стражи и установку опаснейших ловушек.

– Многообещающе, – заметил Энтрери, но, несмотря на саркастичность тона, глаза его блеснули.

– Достаньте флейту, – сказала Тазмикелла, глядя прямо в лицо Энтрери. – И я вознагражу вас так, как вы и мечтать не могли. Может, сотней мешков серебра?

– А если я предпочитаю золото?

Как только эти слова слетели с его губ, и лицо Тазмикеллы исказила свирепая гримаса, – убийца понял, что он, вероятно, перешёл черту. Он слегка коснулся полей шляпы, как бы извиняясь, затем посмотрел на Джарлаксла и кивнул в знак согласия.

Артемис Энтрери никогда не оставался в стороне, если ему бросали вызов. По плану он должен был спрятаться неподалёку от уединённой каменной башни и ждать появления Джарлаксла с Ильнезарой, если дроу удастся достать приглашение, как намекала Тазмикелла.

В передней части десятиметровой башни располагался широкий каменный портик, опиравшийся на четыре изящные белые колонны, две из которых были высечены в форме атлетически сложенных мужчин, а две – в форме прекрасных женщин. Дверь башни была сделана из дорогого дерева, в её центре было искусно вырезано изображение распустившегося цветка – розы, как показалось убийце.

Дверное кольцо и замок были инкрустированы золотом, и Энтрери не мог не заметить разительного контраста между этим местом и скромным домиком Тазмикеллы.

Энтрери знал, что дверь заперта и, скорее всего, оборудована коварными ловушками и магической защитой. Однако он так и не заметил ни одного стражника, так что под покровом опускающихся сумерек начал продвигаться в сторону башни, осторожно обходя со стороны. Он заметил на гладкой поверхности каменной стены небольшой выступ, оказавшийся подоконником узкого окошка. Его

пальцы машинально коснулись кладки. Артемис знал, что мог бы запросто забраться наверх.

Отметив это про себя, он решил проверить дверь.

Едва приблизившись ко входу, Энтрери сразу обнаружил первую ловушку: едва заметную пластину на полу перед дверью, чутко реагирующую на давление. Быстро разобравшись с устройством механизма, он легко его обезвредил. Затем он обнаружил вторую: пружинную иглу, мастерски скрытую внутри замка. Он достал из сумки брусок дерева, – вещь, которую сделал специально для подобных ловушек. В центре бруска было вырезано небольшое отверстие, которое позволяло бы вставить сквозь неё отмычку, имея некоторый простор для действий. Он просунул её внутрь, повернул несколько раз и с удовлетворением услышал глухой удар железа о дерево. Перевернув брусок, он увидел небольшой дротик, поблёскивающий от яда. Илнезара играла всерьёз.

Последующие несколько минут Энтрери со всей осторожностью исследовал каждый дюйм двери. Удовлетворённый тем, что он обезвредил, по крайней мере, все механические ловушки (так как обнаружить магические было намного труднее), убийца принялся за замок.

Дверь щёлкнула и открылась.

Энтрери отскочил назад, торопясь перезарядить пластину, реагирующую на давление. Быстро двигаясь, он прыгнул на порог и тут же проскочил внутрь, рывком захлопывая дверь.

Но едва он взял отмычку, чтобы закрыть замок, дверь распахнулась внутрь, вынуждая убийцу отскочить в сторону.

– Дроу меня подери, – прорычал Артемис: на него надвигались вооружённые мраморными клинками големы, которых он ошибочно принял за статуи.

На свет показался Коготь Шарона, страшный меч Энтрери, а украшенный самоцветами кинжал сверкнул в другой руке. Но две ближайшие каменные твари даже не обратили внимания на это, одновременно нанося удар. Взметнулся Коготь Шарона, отражая атаку, и Энтрери полоснул мечом перед собой, вынуждая противников раскрыться. Затем убийца быстро отскочил в сторону и бросился вперёд между големов, по ходу раня мечом одного и рассекая кинжалом другого. Оба клинка попали в цель, и для любого смертного создания каждый из этих ударов стал бы смертельным. Но у созданий магии не было жизненной энергии, которую мог бы высосать кинжал Энтрери, и не было души, которую Коготь Шарона сжёг бы своим прикосновением.

Энтрери знал это, и в очередной раз подумал, что легче было бы биться с существом из плоти и крови.

Но, не отвлекаясь на посторонние мысли, он с силой протиснулся меж двух мужских статуй.

Големы-женщины атаковали Энтрери быстро и яростно, со свистом рассекая воздух каменными мечами.

Неудачно перекатившись при падении, Энтрери уже не успевал подняться на ноги. Впрочем, это сыграло ему на руку: он использовал инерцию собравшихся было пнуть его големов и опрокинул их вперёд, столкнув с мужскими статуями. При этом камень треснул, в воздух взметнулась пыль, и Энтрери вскочил на ноги, атакуя големов со спины.

Как только магические создания вновь сомкнули свои ряды, Энтрери воспользовался ещё одним свойством Когтя Шарона: взмахнув клинком по широкой дуге, вызвал перед собой чёрную завесу тьмы. Воспользовавшись преимуществом, убийца отскочил в сторону, затем быстро развернулся и атаковал сразу, как только первая статуя прошла через чёрную завесу.

Коготь Шарона вновь яростно вгрызся в камень. В очередной раз отступив, Энтрери прикрылся завесой непроглядной черноты.

Слегка отдышавшись, он заметил, что две статуи были повержены и разбиты, а третья, женская, ковыляла к нему на одной ноге, тогда как вторая лежала на полу. Рядом с ней шевелился одна из мужских, по-видимому, пытаясь подняться.

Энтрери бросился вперёд, надеясь атаковать прежде, чем мужская статуя успеет подняться в полный рост. Каменный меч поднялся в воздух, но Энтрери мастерски подцепил и выбил его своим кинжалом, а затем, проскользнув мимо фигуры и пригнувшись под ударом его клинка, рубанул мечом снизу, отрубая голему-женщине вторую ногу. Она тяжело рухнула на пол, а Энтрери, кинувшись вперёд, разбил ей голову сильным ударом ноги, после чего ловко отпрыгнул, уходя от удара последней статуи.

Пару раз перекувыркнувшись, убийца тут же вскочил и остался один на один с мужским големом. Он скользнул Когтем Шарона по клинку каменного меча, и резко дёрнул вверх, поднимая вверх и оружие, и держащую его руку. Артемис шагнул вперёд и вонзил кинжал в грудь статуе, высвобождая Коготь Шарона под таким углом, чтобы он мог ударить скользящим ударом по лицу статуи. Голем было повернулся, но ему было не успеть за ловким убийцей.

Артемис снова рубанул статую по лицу, слегка отступая назад, но это была лишь уловка, так как едва голем вскинул меч, чтобы отразить удар, Энтрери, развернувшись, нырнул под руку противника. Оказавшись за спиной голема, наёмник обрушил Коготь Шарона на уже повреждённую руку с мечом.

Отсечённая конечность упала на пол.

Но статуя продолжала атаковать, пытаясь воспользоваться уцелевшей рукой. Клинки Энтрери взметнулись в воздух, отрубая каменные пальцы один за другим.

Затем он быстро обрубил кисть, превратив руку в культю. Статуя попыталась боднуть его, но голова откололась и упала на пол.

– Упрямая глыба, – подумал Энтрери и, одним ударом опрокинул затихшего уже голема на пол.

Клинки убийцы мгновенно оказались в ножнах, и он осмотрелся, внимательно разглядывая комнату, в которой шёл бой. Даже прихожая походила на сокровищницу.

– Эх, не на того я работаю, – пробормотал Энтрери.

Но, пожав плечами, он принялся искать флейту Идалии. Вскоре он заметил, что разрушенные статуи постепенно разрушаются в мелкий песок, а их форма и материя двигаются обратно через открытую дверь к основанию колон – как он и ожидал.

Когда големы, наконец, вернулись на своё прежнее место, они магически восстановились, словно ничего и не произошло, а Энтрери закрыл и запер дверь. Никто из пришедших не догадался бы о визите незваного гостя.

И как только хозяйка вошла в свою башню, и убийца смог разглядеть печально известную Ильнезару, Энтрери усомнился, что причиной антипатии Тазмикеллы к её бывшей подруге было только торговое соперничество. Казалось, у Ильнезары было всё, чем Тазмикелла не обладала. Её длинные и блестящие волосы так красиво переливались оттенками, что Энтрери так и не смог понять, были ли они рыжевато-белокурыми или рыжевато-коричневыми, или, быть может, даже медными. Её голубые глаза были большими – наверно даже слишком, но на самом деле они лишь подчёркивали красивое лицо. Хотя нос её был тонким и прямым, а скулы высокими и точёными, её губы были такими пухлыми и манящими, каких Энтрери никогда не видел. Она была несколько выше Джарлаксла, но двигалась с такой же грацией, как и проворный дроу.

– А ты и правда очень мил, – улыбнулась она дроу, игриво встряхнув густой гривой волос.

Энтрери, притаившийся за гобеленами и многоярусным шкафчиком с различными вазами пёстрых цветов, знал, что его не видно. Но когда Ильнезара встряхнула волосами, и её лицо на миг повернулось в его сторону, он словно кожей ощутил силу её взгляда.

Она вернулась к разговору с Джарлаксом, и Энтрери тихо выбралил самого себя. Разве он когда-либо так сомневался в своих способностях? Разве бывал он раньше обманут женской красотой? Но он отбросил эти мысли и сосредоточился на разворачивающемся перед ним разговоре. Пара уже сидела на кушетке, Ильнезара прильнула к обаятельному дроу, её палец нежно вырисовывал круги у него на груди, для чего она расстегнула две верхние пуговицы его тонкой белой рубашки. Она всё ещё говорила о столь неожиданном, но приятном знакомстве.

– Это мой образ жизни, – отвечал Джарлаксл. – Я бывал во многих странах, странствовал из таверны в таверну и из дворца во дворец, развлекая и крестьян, и королей. Порой мне кажется, что моё обаяние – единственная защита от неизбежных предрассудков, относящихся к моему народу.

– Ты развлекаешь народ песней? Ты споёшь мне, Джарлаксл?

– Песней, да, но мои таланты имеют большее отношение именно к музыке.

– Ты славись своей игрой? Думаю, в моей коллекции ты найдёшь инструмент по своему вкусу.

Ильнезара грациозно поднялась с кушетки и двинулась вглубь комнаты. Энтрери знал, что там действительно хранилось много инструментов, так как он обыскал уже большую часть башни. Несколько лютен и великолепная арфа, все прекрасной работы и отличного качества, украшали дальнюю стену первого этажа.

– Должно быть, твои чудесные пальцы извлекают прелестные звуки из струн лютни, – сказала Ильнезара – довольно распутно, как подумал Энтрери – подняв лютню из мягкого чехла, чтобы показать её Джарлакслу.

– На самом деле, мой главный талант заключается в губах, – томно сказал дроу. Энтрери постарался заглушить вздох отвращения. – В губах и дыхании. Я предпочитаю флейту.

– Флейту? – эхом отозвалась Ильнезара. – Почему бы и нет, у меня есть одна с изумительным тембром, на первый взгляд и выглядит неказистой.

Джарлаксл подался вперёд. Энтрери задержал дыхание, не веря, что всё оказалось так легко.

Ильнезара продолжила движение вглубь комнаты.

– Хочешь взглянуть на неё? – жеманно спросила она. – Или, может, хочешь посмотреть, где я храню её?

Улыбка Джарлаксла превратилась в смущённое выражение лица.

– Или, может, ты надеешься, что твой хитрый дружок уже нашёл её, и когда я открою чехол, её там не будет? – продолжала женщина.

– Моя леди...

– Он всё ещё здесь. Почему бы тебе не спросить у него? – заявила Ильнезара, и обратила свой взгляд в угол, пристально глядя прямо на спрятавшегося Энтрери.

– Поиграйте с моими друзьями! – вдруг выкрикнула Ильнезара и подняла руку, очертив круг. И тут же несколько статуэток – пара горгулий, ящерица и медведь – начали расти и изгибаться.

– С меня хватило големов! – прорычал Энтрери, выскакивая из своего укрытия.

Джарлаксл прыгнул с кушетки, но Ильнезара двигалась так же быстро, проскользнув за ширму и исчезнув.

– Отлично сработано, – Джарлаксл сказал Энтрери, когда оба бросились в погоню.

Энтрери хотел было сказать, что он обезвредил все ловушки на входе и никак не мог ожидать, что Ильнезара так подготовится, но промолчал, не зная, чем на самом деле ответить на сарказм.

За ширмой они обнаружили коридор, идущий между стеллажами с изысканными статуэтками и различными шкатулками. Недалеко впереди женская фигура скользнула за очередную изысканно расписную ширму, и наёмники уже было подумали, что сейчас настигнут её, прежде, чем големы полностью оживут и набросятся на них.

– Тебе некуда бежать! – крикнул Джарлаксл, но едва он произнёс это, как они с Энтрери увидели, что стена над ширмой треснула, открывая качнувшуюся внутрь потайную дверь.

– И ты её не обнаружил? – спросил дроу.

– У меня было всего несколько минут, – возразил Энтрери, обходя ширму слева, тогда как Джарлаксл двинулся вправо.

Энтрери ударил в дверь первым, толкнув её плечом и ожидая, что сейчас дверь поддастся. Однако после того как дверь отворилась, и Артемис перелетел через порог, он понял, что под ногами его ничего нет. В прыжке убийца вцепился в дверь, схватившись за дверное кольцо, и держался за него, вися в воздухе пока дверь продолжала вращаться. Когда же убийца обернулся и увидел расстилающийся перед ним вид, он чуть не сорвался от удивления.

Потому что он был в освещённой магически светом комнате, колоссального размера, находящейся в межуровневом пространстве, должно быть, простирающемся далеко за пределы видимости. Служив в прошлом и состоятельным торговцам, и богатейшим пашам в Калимпорте, Артемис Энтрери не раз бывал в сокровищницах. Но никогда прежде он не видел такого количества монет, драгоценных камней и сундуков с богатствами! Холмы золота в высоту человеческого роста, словно песчаные дюны лежали на полу, играя на свету тысячами драгоценных камней, лежащих на их сияющих склонах. Мечи и броня, статуи и инструменты, чаши и восхитительная мебель были повсюду, каждая вещь демонстрировала неповторимое мастерство и опыт мастера создавшего её.

Энтрери глянул назад, увидев на пороге Джарлаксла, уставившегося внутрь с не меньшим удивлением.

– Иллюзия, – сказал Энтрери.

Джарлаксл передвинул свою повязку с одного глаза на другой и внимательно посмотрел внутрь.

– Нет, это не иллюзия, – сказал дроу, и бросил взгляд назад на комнату у входа в башню.

Пожав плечами, Джарлаксл шагнул через порог и спрыгнул на пол с высоты не менее двух с половиной метров. Слыша топот приближающихся големов, Энтрери отпустил дверное кольцо и тоже спрыгнул, в то время как дверь за ним начала медленно закрываться. Она захлопнулась с громким хлопком, и все звуки стихли.

– Выглядит прекрасно, не так ли? – спросила Ильнезара, выступая из-за груды золота.

– Боги... – прошептал Энтрери, мельком глянув на своего партнёра.

– Я слышал о таких сокровищах, добрая леди, – сказал дроу. – Но лишь в собственности у...

– Даже не произноси этого, – прошептал Энтрери, но это уже не имело значения, потому что под звуки трещащих костей, черты Ильнезары внезапно начали меняться и искажаться.

Из-за спины у неё показался огромный бронзового цвета хвост, а из плеч выросли гигантские крылья.

– Дракон, – хмуро отметил Энтрери. – Ещё один отвратительный дракон. Ты так развлекаешься, что ли? – спросил он своего партнёра. – Каждый раз одно и то же! Я за всю свою жизнь не видел ни одного из них, а как связался с тобой, имел знакомство не единожды!

– К первому нас притащил ты, – осторожно напомнил Джарлаксл.

– Чтобы избавиться от того проклятого артефакта, верно! – возразил Энтрери. – Ты наверняка это помнишь – кристалл, что подчинил тебя своей разрушительной воле. Разве я полез бы в логово дракона без крайней на то нужды?

– Сейчас это уже не важно, – заявил Джарлаксл.

– Нет важно! – парировал Энтрери. – Ты продолжаешь таскать меня по мерзким драконам.

Тяжкая поступь Ильнезары отвлекла наёмников от спора.

– Я могу вполне обойтись без пренебрежительных эпитетов, спасибо, – сказала она, когда на неё обратили внимание. Её голос звучал почти так же, как тогда, когда она выглядела, как человеческая женщина, за исключением того, что он был во много раз громче.

– Подозреваю, нам не нужно беспокоиться об атаке големов – сказал Джарлаксл.

Дракон улыбнулся, и ряды зубов длиной в руку Энтрери блеснули в магическом свете.

– Ты забавляешь меня, милый дроу, – сказала она. – Хотя мне искренне жаль, что ты не так мудр, как мне показалось. Пытаться обокрасть дракона по приказу глупца вроде Тазмикеллы? Ведь это она вас послала, верно? Глупая женщина никогда не могла понять, почему я всегда беру над ней верх.

– Давай, – прошептал Джарлаксл, и убийца кинулся влево, тогда, как дроу быстро отступил вправо.

Но дракон тоже начал действовать, дохнув огнём прямо перед собой.

Энтрери вскрикнул и несколько раз перекатился, не зная, чего ожидать. Над ним пронёсся жар драконьего дыхания, но убийца, судя по всему, остался цел.

– Вы не сможете ни победить, ни сбежать, – сказала Ильнезара. – Но скажи мне, милый дроу, пришёл бы ты сюда, зная о моей истинной сущности?

Энтрери увидел, что Джарлаксл просто стоит беззащитный перед огромной рептилией. И выражение его лица было единственным ответом, который требовался сейчас Ильнезаре.

– Думаю, нет, – произнесла она. – Так ты признаешь поражение?

Джарлаксл лишь пожал плечами и развёл руки в стороны.

– Хорошо, хорошо, – сказала дракон.

Раздался треск костей, и вскоре Ильнезара вновь приняла человеческий облик.

– Я не знал, что медные драконы столь сведущи в изменении формы, – сказал дроу, неплохо совладав со своим голосом.

– Я потратила много лет, обучаясь этому искусству у архимага, – отозвалась Ильнезара. – Течение столетий может быть довольно скучным, ты же знаешь.

– Да, знаю, – ответил дроу. – Хотя мой друг...

Он махнул рукой в сторону Энтрери.

– Твой друг, который всё ещё думает, что ранить меня своим крохотным кинжалом или отрубить мне голову своим могучим мечом? В самом деле, это очень грозное оружие, – сказала она Энтрери. – Хочешь проверить его на Ильнезаре?

Убийца сердито посмотрел на неё, но не ответил.

– Или, может, ты отдашь свой клинок мне, в обмен на ваши жизни?

– Да, он так и сделает, – быстро ответил Джарлаксл.

Энтрери хмуро посмотрел на друга, но понял, что ему действительно нечего возразить.

– Или, возможно, – протянула Ильнезара. – Вместо этого вы согласитесь сослужить мне службу. Да, вы, кажется, идеально подходите для этого дела...

– Тебе нужно что-нибудь украсть у Тазмикеллы, – рассудил Энтрери.

Ильнезара рассмеялась и сказала:

– Да что у неё может быть такого, что заинтересует меня? Конечно же, ничего. Я хочу её смерти.

– Убить её? – эхом отозвался Джарлаксл.

– Да, мне надоела эта видимость нашей дружбы, или дружеского соперничества. Я не хочу ждать несколько десятилетий, пока старость не возьмёт её или не сделает слишком дряхлой, чтобы продолжать её глупые игры. Убейте её не вызвав притом подозрений у властей. И если сделаете это, тогда я, возможно, забуду ваш проступок.

– Возможно? – спросил дроу.

– Возможно, – ответила дракон, и когда наёмники заколебались, она добавила: – Думаете, вам под силу заключить более выгодную сделку?

Энтрери наблюдал, как напряглась Тазмикелла, заметив Джарлаксла, небрежно сидящего в кресле в глубине её скромной хижины.

– Вы достали флейту Идалии? – не дыша, спросила она.

– С трудом, – отозвался дроу. – Кажется, вы не вполне проинформировали нас касательно соотношения сил в вашем соперничестве.

Энтрери следил за реакцией Тазмикеллы из своего неприметного укрытия чуть в стороне. Они с Джарлаксом согласились, что, если женщина знала истинный облик Ильнезары, они действительно её убьют, причём без сожалений.

– Я говорила вам, что она хорошо защищена, – начала говорить Тазмикелла, и снова напряглась, когда кинжал упёрся в её спину. – Что ты делаешь? – спросила она. – Я наняла вас чест... – она сделала паузу. – Она послала вас обратно убить меня, не так ли? Она пообещала золото вам золото взамен моего серебра.

Энтрери едва расслышал её вопрос. Он ещё даже не уколол её своим вытягивающим жизнь кинжалом, и всё же зачарованный клинок посылал по его руке такую волну энергии, что волосы вставали дыбом. Растерянный и смущённый, убийца поднял свободную руку, положив на плечо Тазмикеллы, и толкнул.

С тем же успехом он мог бы попытаться сдвинуть гору. Энтрери застонал и, убрав кинжал, отступил на шаг.

– Восьмилапая королева демонов меня подери, – пробормотал он, отходя в сторону и с отвращением качая головой.

Он взглянул на Джарлаксла, с любопытством смотрящего на развернувшуюся сцену.

– Она...? – спросил дроу.

Энтрери кивнул.

Тазмикелла вздохнула и сказала:

– Моя собственная сестра послала вас, чтобы убить меня...

– Сестра? – округлил глаза дроу.

– Одного дракона для тебя недостаточно, да? – зарычал Энтрери на Джарлаксла. – Теперь ты втянул меня во вражду сразу двух!

– Всё, что вам надо было сделать – это украсть простую флейту, – спокойно сказала им Тазмикелла.

– У дракона, – напомнил Энтрери.

– Я думала, вы сообразительны и проворны.

– Было бы лучше, если бы нам была известна сила нашего врага.

– А теперь вы пришли, чтобы убить меня, – сказала Тазмикелла. – О, тут уже нет места верности.

– На самом деле мы не собирались вас убивать, – сказал Джарлаксл.

– Это ты сейчас так говоришь.

– Если бы мы выяснили, что вы знали, что посылаете нас в логово дракона, тогда да, мы могли бы убить вас, – добавил Энтрери.

– Вы должны принять во внимание, что мой друг не вонзил клинок вам в спину, – сказал дроу. – Мы пришли поговорить, а не убивать.

– Итак, теперь, когда вы осведомлены о моих... возможностях, вы желаете договориться? Может, мне стоит уговорить вас пойти и убить Ильнезару.

– Моя добрая... леди, – сказал дроу, и склонился в учтивом поклоне. – Мы предпочитаем не впутываться в подобные распри. Мы воры – скажу честно! – но не убийцы.

– Могу представить себе дроу, которого я не прочь убить прямо сейчас, – сказал Энтрери, и ощутил некоторую надежду, заметив, что Тазмикелла удивлённо усмехнулась.

– Я бы посоветовал вам и вашей сестре решить эту проблему разумно. Путём переговоров, а не сражения. Ваш король носит имя Драконоборец, не так ли? Сомневаюсь, что Гарета порадует, если его столица будет уничтожена битвой двух великих драконов.

– Да, дорогая сестра, – прозвучал другой голос, и Энтрери снова застонал.

Джарлаксл поклонился ещё ниже, когда Ильнезара вышла в круг света, словно из ниоткуда.

– Я же тебе говорила, что они не станут пытаться убить меня, – отозвалась Тазмикелла.

– Только потому что вон тот выяснил твою истинную природу прежде, чем вонзил в тебя свой кинжал, – возразила Ильнезара.

– Это не совсем верно, – сказал Энтрери, но они его не слушали.

– Полагаю, я не смогла бы осудить их, если бы они действительно попытались меня убить, – сказала Тазмикелла. – В конце концов, приказ им отдал дракон.

– Самосохранение – сильный стимул, – согласилась её сестра, придвигаясь к Джарлакслу.

Ильнезара потянулась и расстегнула его рубашку, снова принимаясь вырисовывать длинным пальчиком линии на его груди.

– Значит, хочешь поиграть со мной, прежде чем убить? – спросил её Джарлаксл.

– Убить тебя? – произнесла Ильнезара с наигранным ужасом. – Милый дроу, ну как я могу пожелать чего-то такого? О нет, у меня есть на тебя планы, но будь уверен, твоего убийства в них нет.

Она прижалась чуть ближе, когда говорила, и Джарлаксл ухмыльнулся, по-видимому, весьма польщённый.

– Она дракон! – сказал Энтрери, и все трое посмотрели на него.

В голосе Артемиса Энтрери обычно было немного эмоций, но эти два слова прозвучали столь выразительно, что поразили присутствующих так сильно, как если бы он бросился через всю комнату, схватил Джарлаксла за ворот, поднял его над землёй, и швырнул в стену, яростно крича: «Ты с ума сошёл?!»

– Этот совсем лишён воображения, – сказала Ильнезара сестре. – Он практичен.

– Скучен, – поправилась Ильнезара. Она притворно улыбнулась Энтрери. – Скажи-ка мне, человек, когда ты идёшь по грязной тропе, тебя не интересует, кто может скрываться внутри золочёной кареты, что проезжает мимо?

– Ты дракон, – сказал Энтрери.

Ильнезара посмеялась над ним.

– Ты понятия не имеешь, что это значит, – посулила Ильнезара.

Она обвила Джарлаксла рукой и притянула к себе.

– Я знаю, что если ты сдавишь посильнее, кишки Джарлаксла вылезут у него изо рта, – сказал Энтрери, вызвав у Ильнезары надменную улыбку.

– У него нет воображения, – заверил её Джарлаксл.

– Ты слишком ограничен, – сказала Ильнезара ассассину. – Может, тебе стоит поближе познакомиться с моей сестрой?

Энтрери потёр лицо ладонью и взглянул на Тазмикеллу, которую, казалось, происходящее забавляло.

– Довольно, – объявила Тазмикелла. – Всё решено.

– В самом деле? – спросил Энтрери.

– Вы теперь работаете на нас, – объяснила Ильнезара. – Вы, в самом деле, продемонстрировали свои ум и сноровку, несмотря на то, что один из вас начисто лишён воображения...

– Нам нужно было всё понять, что вы собой представляете, – добавила её сестра.

– То есть всё это была лишь проверка? – спросил Джарлаксл.

– Конечно, – сказала Ильнезара.

– Драконы... – пробормотал Энтрери.

– Так вы двое не хотите сражаться насмерть?

– Разумеется, нет, – засмеялись сёстры.

– Мы хотим преумножить наши сокровища, – сказала Тазмикелла. – Вот зачем вы нужны. У нас есть карты, которые нужно исследовать, и слухи, которые нужно проверить. И вы поможете нам в этом.

– Не сомневайтесь, мы щедро вознаградим вас, – промурлыкала Ильнезара.

Она притянула Джарлаксла ближе, заставив его невольно захрипеть.

– Она дракон, – сказал Энтрери.

– Деревенщина, – бросила Ильнезара. Она снова засмеялась, затем бесцеремонно встряхнула Джарлаксла и позволила ему отодвинуться к двери. – Возвращайтесь в своё жилище. Мы вскоре пришлём вам кое-какие распоряжения.

– От вас потребуется осмотрительность, – добавила её сестра.

– Разумеется, – сказал Джарлаксл и низко поклонился, взмахнув своей шляпой с плюмажем.

– Ах да, вот ещё что, – сказала Ильнезара. Она достала простенькую на вид флейту из серого плавника. – Вы её заслужили, – сказала она. Драконица сделала вид, что бросает её дроу, но повернулась и вместо того бросила её Энтрери. – Изучи её как следует – чтобы развлечь меня, но также и для того, чтобы обнаружить толику её собственной магии. И возможно со временем ты сумеешь лучше оценить красоту, которую прежде понять не мог.

Джарлаксл ухмыльнулся и снова поклонился, но Энтрери просто засунул флейту за пояс и направился напрямик к двери, желая убраться подальше, пока это ещё возможно. Он прошёл мимо Тазмикеллы, думая выйти прямо в ночь, но она подняла руку и остановила его.

– Осмотрительность, – напомнила она.

Энтрери кивнул и скользнул в сторону, выходя в туманную ночь, Джарлаксл сразу последовал за ним.

– Я думаю, сработано неплохо, – сказал дроу, двигаясь рядом с ним.

Джарлаксл протянул руку и ухватил друга за плечо, и под прикрытием этого жеста другая рука дроу проскользнула за его спиной, мягко вытягивая флейту из-за пояса Энтрери.

– Драконы... – заявил Энтрери.

Он оттолкнул руку Джарлаксла и, прикрываясь этим движением, другая его рука мелькнула, тайно забирая флейту, как только Джарлаксл сунул её за пояс.

– Ты и правда так невежественен, как жаловалась прекрасная Ильнезара? – спросил дроу, снова шагая рядом с партнёром. – Где твоё воображение, приятель? Разве у нас когда-нибудь были более состоятельные покровители? Или более очаровательные?

– Очаровательные? Они драконы!

– Ну да, – самодовольно сказал Джарлаксл, кажется, восхищённый этим фактом.

Конечно, это не помешало ему ещё раз скользнуть рукой наискось, опять освобождая Энтрери от волшебной флейты. Дроу завёл её дальше за спину, к поджидающей петле на поясе – магической петле, которая сжималась и мешала пальцам вора.

Вот только то, что Джарлаксл считал петлёй, на самом деле было сложенными пальцами Энтрери, так что убийце не потребовалось много времени, чтобы вернуть флейту.

Такова уж дружба двух воров.

СТАРТОВЫЙ ВЗНОС

*Изначально опубликован в романе «Разбойник»
CDS Books, 2004*

Рассказ «Стартовый взнос» был опубликован в первом издании моего романа «Разбойник» из серии «Войны демонов» (The DemonWars).

После написания романа я решил рискнуть и пошёл непроторенным путём, вступив в сотрудничество с компанией CDS. Работу с CDS едва ли можно было назвать самостоятельной публикацией, но это был своего рода эксперимент, в котором они давали автору возможность контролировать процесс издания. Например, я сам мог выбрать художника (которым, конечно же, стал Тод Локвуд) и работал с ним непосредственно над созданием обложки. Также я выбрал для своей книги редактора.

Подход CDS заключался в том, что они выплачивали значительно меньший аванс, таким образом минимизируя риск публикации, зато выплачивали куда более солидный авторский гонорар. Таким образом автор был вынужден больше ставить на кон, зато мог контролировать процесс создания книги, и в этом у него было куда больше свободы, чем в работе с классическими издательствами.

Идея была заманчивой, и многие традиционные издательства интересовались, как это оплачивается. Я беседовал с Wizards Of The Coast по поводу перекрёстного продвижения. Заключалось оно в том, чтобы они дали мне написать рассказ о тёмном эльфе и разместить его на последних страницах «Разбойника» в обмен на рекламу к книге. При этом они сохранили бы те же самые права на «Стартовый взнос», как если бы я опубликовал его в одной из их антологий.

Всё это деловая сторона авторской профессии, но в данном случае за моим желанием разместить рассказ о Дриззте в серии «Войны демонов» стояла вполне обоснованная причина: Дриззт был моим самым популярным героем, и я хотел, чтобы его поклонники прочитали другие мои произведения, в особенности серию «Войны демонов», которую я считаю одной из моих лучших. События в «Войнах демонов» происходят в мире Корона, который я создал сам. Это мои Забытые королевства, моя Шаннара, моё Средиземье. Когда я думал, как представлю этот мир своим читателям, в мои планы входило написать две большие трилогии — толстенные тома со множеством героев и сюжетных линий. В них описывалась сама Корона, её система магии, социальный строй и, конечно же, бестиарий.

Всё вышло более или менее так, как я хотел, хотя на самом деле в серии «Войны демонов» книг получилось семь: две трилогии и переходной роман, объединяющий их.

После сотворения мира я надеялся вернуться к Короне и написать отдельные приключенческие истории в духе романов о Дриззте, работать над которыми я так любил. «Разбойник» — это первая приключенческая история, и ей самое место рядом с романами о Дриззте. Рассказ «Стартовый взнос» представляет собой бесшабашное приключение Дриззта и Кэтти-бри, маленький кусочек долгих скитаний тёмного эльфа. Интонация очень похожа на ту, что присутствует в «Разбойнике», только здесь больше динамики и меньше наглядной жестокости. Обратите внимание на то, сколько людей убито в этом рассказе, при том что основную его часть занимает яростная битва.

В дополнение к рассказам о Дриззте, «Стартовый взнос» восполняет кусочек шестилетнего пробела между «Сокровищем полурослика» и «Наследием». Когда мы вновь встретились с Дриззтом и Кэтти-бри в «Наследии», мы увидели их в компании Дюдермонта на борту Морской феи, что вполне логично. Но появление дроу на борту судна, полагаю, вряд ли могло пройти без осложнений.

Сейчас, оглядываясь на рассказ, когда уже написан «Король пиратов», я понимаю, что он укрепляет внутреннюю слаженность долгого пути, который я прошёл в ногу с Дриззтом. И хоть даже, признаюсь честно, я и не вспоминал этот рассказ, когда писал «Короля пиратов», можете сравнить капитана Дюдермонта в обоих произведениях, и вы увидите в его характере одинаковую непреклонность. А если заглянете в бескомпромиссность Дюдермонта во «Стартовом взносе» глубже, возможно даже сможете уловить предпосылки событий в «Короле пиратов», где прагматизм пасует перед жестокими принципами. Возможно это звучит странно, но когда я перечитываю этот рассказ сейчас, я в тёмном свете вижу прообраз ошибки Дюдермонта.

СТАРТОВЫЙ ВЗНОС

(перевод – И. Савельева, издательство «Азбука», 2005)

– Ты уверена, что это то самое здание? — спросил Дриззт До'Урден.

Он отвел взгляд от глухого, почти без окон, фасада и посмотрел на свою спутницу Кэтти-бри. И снова её облик заставил сильнее биться его сердце. Густые золотисто-каштановые волосы до плеч, огромные голубые глаза, тонкие черты лица и нежные губы делали её необыкновенно привлекательной, а для Дриззта она была самой красивой женщиной в мире. Но её нынешний наряд служанки из портовой таверны — достаточно фривольный — вызывал небезосновательные опасения у тёмного эльфа. Как ещё сюда не сбежались все распутники и головорезы из трущоб Глубоководья?

– Ты уверена? — переспросил он.

– Я наблюдала за ними целых три дня, — напредила девушка.

– И каждый день одно и то же?

– Каждый из них рано или поздно приходил сюда, — подтвердила Кэтти-бри. Говорила она с характерным дварфским акцентом в голосе.

Прошло почти два месяца с тех пор, как они оставили Мифриловый Зал и отправились в путешествие по бескрайним диким просторам запада, миновав Пустошь Троллей и несколько негостеприимных городов, чьи обитатели отказались терпеть присутствие тёмного эльфа. Покидая Мифриловый Зал, друзья решили следовать за заходящим солнцем, и дорога привела их на побережье Мечей в Глубоководье, самый большой город Фаэруна.

Дриззту позволили войти в город, хотя горожане явно не обрадовались его появлению. Зато здесь путники могли обосноваться надолго и дожидаться прибытия единственного человека, который мог принять тёмного эльфа. Дриззт и Кэтти-бри продали лошадей и сняли две небольшие комнаты неподалёку от доков, а затем стали изучать достопримечательности, запахи и, что самое важное, взаимоотношения между местными разбойниками, контролирующими отдельные районы этой не самой безопасной части города.

Дриззт обратил внимание на небольшое здание напротив интересующего их дома и на заколоченное досками окно на уровне второго этажа.

– Там пусто, — сказала Кэтти-бри.

– Ты и это успела выяснить?

Кэтти-бри придвинулась к Дриззту и посоветовала ему ещё раз посмотреть на окно: по цвету дерева нетрудно было догадаться, что одна из досок, загораживающих проём, недавно была заменена.

– Хороший вид на комнату для приёмов.

– Не сомневаюсь, что оттуда прекрасно видно кресло главаря, — сухо произнёс тёмный эльф, и по слабой улыбке своей спутницы понял, что попал в самую точку.

Теперь они стояли лицом к лицу, на расстоянии нескольких дюймов друг от друга. Оба — женщина и тёмный эльф — были примерно одного роста, но тренированные мускулы Дриззта, несмотря на более лёгкий скелет, давали ему преимущество в весе на пару фунтов. Дриззта и Кэтти-Бри давно и сильно тянуло друг к другу, но это почти магнетическое притяжение никогда не переходило рамок дружбы. Не так давно Кэтти-бри потеряла своего возлюбленного, гиганта-варвара Вульфгара, который пожертвовал своей жизнью ради спасения девушки и её приемного отца, короля дварфов Бруенора Боевого Топора, приняв смерть от лап демона Эррту.

Боль этой утраты до сих пор не утихла в их сердцах. Когда угроза со стороны тёмных сил миновала, Дриззт и Кэтти-бри решили покинуть Мифриловый Зал,

оставив королевство dwarфов. Но расстояние для чувств не помеха, унять боль может только время.

Годы, прошедшие со дня их знакомства, ничуть не уменьшили искреннего восхищения Дриззта этой женщиной, но исчезновение Вульфгара не подтолкнуло его к более решительным шагам из опасения разрушить их дружбу.

План нынешней авантюры возник в голове Кэтти-бри на следующий день после появления в гавани Глубоководья «Морской феи», корабля, принадлежавшего их другу, охотнику за пиратами капитану Дюдермонту. Сначала Дриззт и Кэтти-Бри собирались просто явиться на борт, где капитан встретил бы их с широкой улыбкой и распростертыми объятиями. Но Кэтти-бри искала приключения и уговорила Дриззта поднять ставки. Она устроилась служанкой в таверну и каждую ночь покидала её, чтобы разведать окрестности. Кэтти-бри продумала всё до мелочей, и Дриззту ничего не оставалось, как следовать её указаниям.

– Возвращайся в гостиницу, отдохни хоть немного, – предложил Дриззт.

Эльф вытащил два сцимитара с узкими лезвиями: один был добыт им в логове белого дракона и обладал магической силой, а второй, тоже заговорённый, ему подарил архимаг. Дриззт сложил оба оружия вместе, завернул в кусок ткани, аккуратно перевязал и повесил свёрток себе на плечо.

– Через три часа после заката? – спросила Кэтти-бри.

Дриззт кивнул и задумался. Просчитав возможные варианты, он вытащил из кошелька на поясе небольшую ониксовую статуэтку, изображающую чёрную пантеру. Эльф улыбнулся, подмигнул Кэтти-бри и протянул ей магический талисман.

Кэтти-бри некоторое время подержала в руках драгоценную вещицу, спрятала в карман и молча кивнула Дриззту. Она без колебаний приняла на себя большую ответственность: Дриззт только что вручил ей свою судьбу.

Буквально через минуту тёмный эльф прогнал её отдыхать. Оставшись один, он внимательно осмотрел пустынный переулок, потом отыскал едва заметный след, ведущий прямо под окно второго этажа интересующего его здания, и стал карабкаться вверх. Вид из окна соответствовал описанию Кэтти-бри, и эльф одобрительно кивнул. Окошко, у которого он задержался, тоже было заколочено досками, но Дриззт не стал их трогать из опасения насторожить предполагаемую жертву.

Очень скоро он спустился в переулок, но уже без оружия.

Темнокожий эльф вошел в общую залу таверны со всей самоуверенностью, на которую был способен. Он знал, что глаза всех присутствующих будут обращены на него, руки большинства рефлекторно потянутся к мечам или кинжалам, а в воздухе повиснет аура страха и ненависти. Такую реакцию обеспечивала недобрая слава его народа, и Дриззт не мог не признать, что мнение это было вполне заслуженным, а потому старался принимать неприязнь и ненависть как нечто должное. Но он также знал, что его личная слава могла достичь этого заброшенного уголка приморского города, а потому постарался скрыть самую примечательную черту внешности — глаза цвета лаванды. Длинные белые волосы Дриззта прикрывали левый глаз, а на правом он носил чёрную повязку из тонкой сетки, которая позволяла наблюдать за окружающим миром, хотя и сквозь тёмную пелену.

Одетые на нём рваные обноски были явно велики. Плечи его покрывал старый плед, заменявший плащ. Поясом служил шарф из грубой шерсти, за который

был заткнут ничем не примечательный кинжал. С таким скудным арсеналом Дриззту совершенно не хотелось ввязываться в драку, так что он напустил на себя самоуверенный вид, надеясь, что его оградят страхи и предубеждения, присущие всем обитателям поверхности по отношению к тёмным эльфам.

Дриззт направился прямо к стойке бара и тут же отметил недовольную мину хозяина.

– Не бойсь, — произнес он, коверкая слова, будто едва владел языком, на котором говорил. — Я прошу не выпивку, клоун. Я пришел поговорить с Тургодом из Ворот Балдура, и до тебя нет никакого дела.

Хозяин таверны нахмурился ещё сильнее.

– Ты умрёшь прежде, чем решишь меня оскорбить, — предупредил его Дриззт.

Слова заставили трактирщика прикусить язык. К стойке с другой стороны подошла молодая темноволосая служанка.

– Не будь дураком, — прошептала она хозяину и обернулась к Дриззту.

– Тургод сидит вон там, — сказала она, указывая на столик в дальнем углу зала.

– Вон тот громила с бородой.

Последнее обстоятельство уже было известно Дриззту от Кэтти-бри.

– Знаешь, тебе лучше поставить ему выпивку, — продолжала женщина. — Он требует бутылку с каждого, кто хочет отправиться с ним в плавание.

Дриззт посмотрел в указанном направлении, потом вновь обернулся к хозяину, как и прежде хранящему дерзкое молчание.

– Может, преподнести ему голову хозяина, чтобы ему не пришлось ограничивать себя в выпивке?

Трактирщик злобно оскалил зубы, и все сидящие за стойкой выпивохи недовольно заворчали. Но Дриззт хорошо знал границы допустимого блефа, так что спокойно развернулся и пошёл прямо к столу Тургода.

Вся таверна следила за каждым шагом тёмного эльфа, и Дриззт с не меньшим вниманием наблюдал за движениями завсегдатаев таверны, стараясь засечь любой намёк на агрессию. Хорошо бы иметь при себе сцимитары, а не этот маленький ножик на поясе. Любой из присутствующих без особых колебаний мог пустить в ход оружие.

На этот раз Кэтти-бри не могла прикрывать его тыл.

Дриззт протиснулся между двух сидящих мужчин и подошел к самому краю стола.

– Ищу Тургода из Ворот Балдура, — сказал он, скривив губы, как будто язык поверхности был ему неприятен и давался с трудом.

Гигант с бочкообразной грудью поднял руку и погладил густую чёрную бороду.

– Т...ты Тургод? — с запинкой спросил эльф.

– А кто спрашивает?

– Мазой из Мензоберранзана, — солгал Дриззт, используя имя своего соплеменника, того самого, у кого взял волшебную статуэтку, обеспечившую ему помощь могучей пантеры Гвенвивар.

– Не слыхивал ни о каком Мазое, — ответил Тургод. — И о Мензоберранзане тоже.

– Неважно, — сказал Дриззт. — Ты ищешь команду. Я в команде.

Гигант насмешливо вздёрнул одну бровь и обвёл взглядом своих соседей по столу, не скрывавших язвительных ухмылок.

– Ты часто плавал на судах?

– На кораблях демонов, плывущих к краю земли, — без малейшего колебания ответил Дриззт.

– Вряд ли это то же самое, — ответил Тургод.

В его голосе Дриззт расслышал тщательно скрываемую дрожь и замаскированное любопытство.

– То же самое, – заверил его Дриззт.

Тургод кивнул соседу слева, и тот развязал свой пояс — обычную верёвку — и протянул Дриззту. Не успел Тургод объяснить условия испытания, как руки эльфа замелькали у него перед глазами. Дриззт мгновенно завязал и развязал несколько морских узлов, а потом протянул верёвку обратно. К счастью, два путешествия на корабле Дюдермонта не прошли даром. Любому пассажиру «Морской Феи» приходилось отрабатывать свой проезд как в повседневных трудах, так и в бою, а вследствие присущей эльфам ловкости основным занятием Дриззта было связывание концов.

При взгляде на узлы Тургод одобрительно кивнул, но затем на его лице снова появилась бесстрастная маска. Его взгляд скользнул по чёрной повязке на лице эльфа, потом по его поясу и наконец остановился на кинжале.

– Знаешь, как использовать эту вещь?

– Я дроу, – ответил Дриззт, а в ответ на усмешку одного из соседей добавил: — Эльфы, которые не умеют драться, плохо кончают.

– Мне тоже так говорили, – кивнул Тургод и толкнул локтем сомневающегося соседа.

– Я не собираюсь плохо кончить, – заверил Дриззт.

С этими словами он повернулся к недоверчивому мужчине и постарался смерить его уничтожающим взглядом, хотя глаза эльфа и не были видны. Всё же вызывающая поза произвела нужное впечатление на головореза, и его сомнения несколько поутихли.

– Ты ищешь команду. Я в команде, – повторил Дриззт, обращаясь прямо к Тургоду.

– Мазой из Мензоберранзана?

Эльф кивнул.

– Приходи через пару дней прямо сюда, – сказал Тургод. – Тут и поговорим.

Дриззт снова кивнул, сердито взглянул на сомневающегося собутыльника бородатого гиганта, потом повернулся и легко зашагал прочь. Ему вдруг захотелось выхватить кинжал, подбросить вверх, чтобы он перевернулся несколько раз, потом мгновенно перебросить из руки в руку и снова сунуть за пояс. Но он быстро передумал. Иногда самая страшная угроза это та, которая не произнесена вслух.

У Дриззта забрали кинжал и завязали глаза, но он был готов к этому и заранее изучил все прилегающие переулки, ведущие к пустовавшему зданию. Не раз ему в голову приходила мысль о том, что люди Тургода попытаются его убить. Он окажется совершенно беспомощным, если только за ними не следит Кэтти-бри. Хотелось верить, что она была неподалёку.

Должна была быть.

Эльф услышал, как со скрипом отворилась деревянная дверь, и в ноздри ударил застоявшийся воздух помещения, в которое наведывались не так уж часто. Его провели мимо сваленных тюков и ящиков в дальний угол комнаты, затем начался подъём по крутой узкой лесенке, напоминающей корабельный трап. Несмотря на повязку, Дриззт без труда ориентировался в помещении и легко преодолел подъём. Как только его привели на второй этаж, кто-то из головорезов грубо сдёрнул повязку с головы тёмного эльфа. Дриззт тряхнул головой, чтобы

прикрыть волосами левый глаз и убедиться, что его собственная повязка осталась на месте.

В самом центре просторной комнаты возвышался деревянный помост, тщательно исследованный Дриззтом накануне; на нем стояло кресло, в котором со всеми удобствами расположился Тургод. Он пристально разглядывал тёмного эльфа, и в его глазах можно было заметить искренний интерес.

– Добро пожаловать, Мазой из Мензоберранзана, – произнёс Тургод, как только Дриззта подвели к подножию помоста.

После этих слов провожатые разошлись в разные углы комнаты, а Дриззт быстро осмотрелся. В помещении находились ещё семеро отъявленных бандитов, и ни один из них не был расположен к гостю больше, чем сам Тургод. А тот не очень-то радовался его появлению. Скорее всего, он при первом удобном случае проявит буйный нрав человека, который старается подавить сопротивление при помощи одной только грубой силы.

Немало таких грубиянов Дриззту приходилось оставлять мёртвыми на поле боя.

– Значит, хочешь в мою команду, – заговорил Тургод. – И когда ты готов к отплытию?

– Я никому ничего не должен и ничем не обязан.

– Значит, идём в док прямо сейчас и поднимаемся на борт?

Дриззт на мгновение задумался. Акцент капитана явно изменился со вчерашнего дня, но это не удивило никого из присутствующих. Тёмный эльф решил не задумываться над этой особенностью и напомнил себе, что надо быть готовым к любому повороту событий.

– Чем скорее я покину этот город, тем лучше, – ответил Дриззт. – Многие здесь будут рады моему отъезду.

– Чё, влип в неприятности?

Эльф пожал плечами.

– Тебе приходилось убивать, Мазой из Мензоберранзана? – спросил Тургод, немного наклоняясь вперёд в своем кресле.

– Больше, чем любому из вас, – ответил Дриззт, и у него были основания считать эти слова правдивыми. – Больше, чем вам всем вместе взятым.

Тургод откинулся назад и снова уставился на дроу с улыбкой, которая показалась Дриззту несколько загадочной. Краем глаза он заметил, что несколько человек недовольно нахмурились при его заявлении, а те двое, что привели его сюда, осторожно подошли поближе.

– Что ж, – заговорил Тургод, и на этот раз изменился не только его акцент, но и вся манера поведения. – Считаю, что ты сам себя приговорил. Осуждён на основании признания.

Двое мужчин, стоявшие по бокам, устремились к Дриззту, и он рванулся вперёд, к подножию помоста. Мысли его были заняты созданием непроницаемой тёмной завесы над левой половиной комнаты, а руки в это время отрывали заранее расшатанную доску. С громадным облегчением Дриззт нащупал рукояти своих сцимитаров на том самом месте, где их оставил. Он мгновенно выдернул клинки из тайника и вскочил на ноги, устрашающе взмахнув оружием. Нападающие на мгновение остолбенели.

Тёмный эльф издал боевой клич и сделал вид, что собирается напасть на Тургода, но вместо этого внезапно упал на пол буквально у ног бородатого гиганта.

Дриззт услышал треск дерева, а затем блестящая молния со свистом рассекала воздух. Волшебная стрела. Дриззт поднял голову, ожидая увидеть Тургода, пригвождённого стрелой к спинке кресла. Вместо этого перед его глазами мелькнула яркая вспышка – стрела ударилась в невидимый волшебный щит, имеющий

сферическую форму, как понял Дриззт по отражению искр, разлетающихся вокруг предводителя пиратов.

Тёмный эльф пробормотал проклятие, но двое атакующих уже занесли над ним свои мечи, едва он успел подняться на ноги. Узкие клинки отбили на удивление согласованную атаку пиратов.

Дриззт развернулся вправо, и один из сцимитаров, следуя за этим поворотом, отбил выпад стоящего перед ним противника, а другой клинок в то же самое время нейтрализовал удар нападавшего сбоку. Эльф двумя быстрыми движениями левой руки отбросил меч врага вправо. Люди едва могли уследить за его передвижениями, и Дриззт совершил выпад, избегая столкновения с мечом противника, затем отдёргнул клинок и резко направил в обратную сторону. В результате этого манёвра кончик лезвия поразил противника в грудь, тот опрокинулся на спину, зажимая рану рукой.

У Дриззта не хватило времени завершить атаку, ему пришлось резко нагнуться и кувырком переместиться вперёд и в сторону. Второй из нападавших рванулся следом, но тут снова раздался треск дерева, мелькнула в воздухе вторая стрела из лука Кэтти-бри и прошла навылет сквозь его плечо. Мужчина взвыл от боли, а стрела пролетела дальше и сломалась о защитный барьер Тургода.

Дриззт услышал очередной взрыв, но оглядываться было некогда — перед ним стояли следующие трое противников. Ближайший из них метнул топор, надеясь опередить эльфа. Но Дриззт без промедления подпрыгнул вверх, топор пролетел под ним, а эльф, ударив обеими ногами остолебеневшего врага в грудь, приземлился напротив второго головореза. Ещё одним ударом ноги Дриззт сумел не только отбить меч, но и нанести удар по лицу противника. Клинки тоже не бездействовали — один отразил удар слева, и Дриззту даже представилась возможность контратаковать при помощи второго оружия.

Но этот противник оказался на удивление хитрым. Его меч только парировал удары и, как понял Дриззт, отвлекал внимание от главной опасности, которую представлял кинжал в левой руке противника.

Дроу резко отпрянул в попытке избежать удара кинжалом, но всё же получил небольшую царапину на боку. Подоспел ещё один противник, так что пришлось отступить. Дриззт кувырком перекатился вправо, легко вскочил на ноги и приготовился встретить врагов. Ловко увёртываясь от длинных мечей, Дриззт перехватил свои сабли и стал их вращать с бешеной скоростью, нанося одновременно незначительные порезы кончиками клинков и чувствительные удары рукоятками по лицам противников. Ещё одна стрела влетела в ещё недавно заколоченное окно, а за ней сразу последовала и другая.

– Мазой из Мензоберранзана! – рявкнул Тургод, и Дриззт обернулся на голос.

Чернобородый гигант встал во весь рост на помосте, его защитное поле ещё потрескивало после отражения двух стрел, а лицо было искажено яростью.

Дриззт торопливо осмотрелся. Люди в левой половине помещения выбрались из-под тёмной завесы и перегруппировались. К своему разочарованию, Дриззт понял, что при всём своем мастерстве и внезапности нападения, он сумел вывести из строя только трёх противников, а обстрел Кэтти-бри и вовсе оказался неэффективным — лишь один враг пострадал от стрелы, да и то случайно.

Теперь преимущество от внезапности сошло на нет.

Оставался только один шанс, и, невесело усмехнувшись, Дриззт решил им воспользоваться. Он рванулся к помосту, рассчитывая запрыгнуть наверх до того, как люди Тургода его перехватят. Дриззту оставалось только надеяться, что магический барьер его не остановит.

Едва он сделал три шага, как Тургод простёр перед собой руки; Дриззт заметил вырывающийся из кольца мощный поток света и был сбит с ног сильным

порывом ветра.

Несмотря на все попытки за что-нибудь зацепиться, Дриззт сумел остановиться, только ударившись спиной о противоположную стену, как раз под тем окном, через которое Кэтти-бри посылала свои стрелы. Эльф проворно вскочил на ноги, ожидая немедленного нападения всей банды разом, но самая большая опасность исходила от Тургода. Гигант пошевелил пальцами, и через всю комнату понеслись сгустки энергии. Дриззт пустил в ход всю ловкость и проворство: метнулся в одну сторону, в другую, но магические снаряды легко изменяли траекторию полета и беспощадно жалили его.

Превозмогая боль, Дриззт заставил себя не удивляться тому, что свирепый мужлан оказался, на самом деле, колдуном. Это дало возможность уловить следующее заклинание и отреагировать должным образом.

Дроу упал ничком на пол, и огромный огненный шар пронесся над ним, не причинив вреда. От разрыва магического снаряда в стене образовалась здоровенная дыра, а от грохота и ослепительной вспышки все находящиеся в комнате люди на некоторое время оглохли и ослепли.

– Убейте его!

Крик Тургода разорвал временное оцепенение, и со всех сторон к Дриззту двинулись головорезы. Эльф понял, что всё кончено. Он поднялся на ноги и собрался прихватить с собой на тот свет нескольких врагов. Но внезапно устоявшие во взрыве обломки досок с треском обрушились внутрь, и в образовавшийся проем метнулась гигантская чёрная тень.

Гвенвивар!

Дриззт мысленно поблагодарил Кэтти-бри за весьма своевременное применение могущественного амулета. Теперь он был готов отразить атаку пиратов, остолбеневших в благоговейном ужасе перед громадной чёрной пантерой.

Гвенвивар не стала дожидаться атаки; она метнулась влево и сбила с ног двух ближайших к ней головорезов, потом развернулась вправо и бросилась на Тургода. Снова возник мощный порыв ветра и остановил пантеру в прыжке. Но, в отличие от Дриззта, Гвенвивар весила около двухсот семидесяти килограммов, и её не так-то легко было сдвинуть с места. Кроме того, пантера выпустила когти и вцепилась в деревянный пол. Дриззт взглянул на главаря бандитов. Маг, без сомнения, понял, что его дела плохи.

Остальные разбойники тоже это поняли, тем более что из лестничного люка вдруг вылетела ещё одна стрела, разорвала плечо неосторожного головореза и вонзилась в потолок. А по ступеням уже поднималась Кэтти-бри. Она отбросила лук, и в её руке появился Хазид-хи — вечно голодный и чрезвычайно острый меч.

Тургод бросился к окну. Гвенвивар одним прыжком настигла его и подмяла под себя.

Стоявшие у лестницы пираты бросились на Кэтти-бри, и её меч замелькал в воздухе, отражая удары.

Дриззт бросился в бой, одним движением левой руки заставив двоих противников опустить лезвия мечей чуть ли не до пола, а потом неожиданно освободил их оружие и взмахнул вторым сцимитаром над головами врагов. Клинок прошёл слишком высоко, и Дриззт упал на колени. Пираты никак не ожидали такого манёвра и неожиданно для себя оказались прижаты к стене двумя остриями, направленными прямо в живот.

– Дриззт До'Урден!

Окрик заставил тёмного эльфа замереть на месте. Все взгляды — даже Гвенвивар и Тургода, барахтавшегося под лапами гигантской кошки, — обратились в сторону вошедшего. Им оказался высокий худощавый мужчина средних лет, одетый в длинный сюртук с большими бронзовыми пуговицами и вооруженный

абордажной саблей.

– Дюдермонт? – ошеломленно пробормотал Дриззт, узнав капитана «Морской феи».

– Дриззт До'Урден, – с улыбкой повторил капитан Дюдермонт, потом обернулся к девушке и добавил: – Кэтти-бри!

Пираты опустили оружие. Вслед за капитаном поднялись двое людей, по виду жрецы, и торопливо подбежали к раненым.

– Вы использовали это здание, чтобы завлекать пиратов в ловушку? – спросила Кэтти-бри.

– А вы? – вопросом на вопрос ответил капитан.

– Уберите от меня эту сумасшедшую кошку, – раздался ворчливый голос.

Все обернулись к расprostертому на полу Тургоду и стоящей над ним Гвенвивар. Но это был уже не Тургод. Предводитель пиратов пропал. Гвенвивар отступила на шаг, и с пола поднялся щуплый, невысокий человек и принялся старательно отряхивать свою мантию. Чары, придававшие ему обличье грозного гиганта, испарились.

Дриззт уставился на мага, постоянно сопровождавшего «Морскую фею».

– Робиллард?

– Он самый, – сдержанно, но не без усмешки ответил Дюдермонт.

Робил недовольно нахмурился, и Дриззт окончательно убедился, что перед ним тот самый ворчун-волшебник.

Люди постепенно успокоились, и большая часть попрятала оружие в ножны. Тёмный эльф отбросил волосы с лица и сорвал повязку, явив миру легендарные лавандовые глаза. В толпе моряков прошелестел тревожный шепот, а, по меньшей мере, двое снова обнажили мечи. Для Дриззта, избравшего жизнь на поверхности, где представители его племени вызывали только страх и ненависть, такая реакция не стала сюрпризом.

– Что привело вас в Глубоководье? – спросил капитан Дюдермонт, подходя ближе вместе с Кэтти-бри. – И как поживают король Бруенор и Мифриловый Зал?

– Мы ждали «Морскую фею», – объяснил Дриззт. – Решили принять твоё предложение отправиться в море на поиски пиратов.

При этих словах лицо капитана прояснилось, зато несколько стоящих рядом с ним моряков нахмурились.

– Кажется, нам надо многое обсудить, – заметил Дюдермонт.

– Обязательно, – согласился Дриззт. – Мы надеялись отловить несколько разбойников в качестве, так сказать, стартового взноса. Получается, что свой стартовый взнос мы собирались набрать из твоих товарищей.

– Я ничуть не удивлюсь, если узнаю, что эта идея принадлежит тебе, – заметил капитан, оборачиваясь к Кэтти-бри.

Девушка неопределённо пожала плечами.

– Однако вы ничего не говорили о том, что нам придется служить вместе с дроу, – осмелился высказать свои сомнения один из моряков, до сих пор не опустивших меч.

– Это не обычный дроу, – ответил Дюдермонт. – Ты новичок в нашей команде, Мэндар, поэтому не знаешь о тех временах, когда эти двое вместе с нами выходили в море.

– Это не имеет значения, – проговорил другой матрос с мечом в руке. Он тоже не так давно стал членом команды «Морской феи». – Дроу есть дроу.

Ещё пара возгласов раздалась из толпы в поддержку последнего заявления, многие члены команды молча закивали головами.

Дюдермонт подмигнул Дриззту и пожал плечами. Но как только Дриззт собрался сказать, что не собирается настаивать на своём, капитан протестующе

поднял руку и заставил его замолчать.

– Я предложил Дриззту До'Урдену место на борту «Морской феи» по его заслугам, — обратился он ко всем присутствующим. — И репутация его народа не может изменить моё мнение.

– Ты не можешь их винить, — заметил Робиллард.

Капитан долгим взглядом окинул стоявшего с отсутствующим видом Дриззта и Гвенвивар рядом с ним. Затем посмотрел на Кэтти-бри, лицо которой выражало явное раздражение человеческой косностью. Девушка подняла глаза, и капитану стало ясно, что только сердито закусенная губа помогает ей удержать рвущиеся наружу слёзы разочарования.

– Нет, мой друг Робиллард, могу, и осуждаю их, — заявил Дюдермонт, обжигая своих товарищей уничтожающим взглядом. — Дриззт До'Урден делом доказал, что он достойный товарищ в плавании, и не только на «Морской фее». И среди вас многие успели испытать на себе его силу и ловкость.

– Согласен, — признал маг.

Дриззт снова попытался заговорить. Меньше всего на свете он хотел посеять раздор между членами отличной команды «Морской феи». И снова капитан Дюдермонт не дал ему сказать ни слова.

– Часто мне приходится оценивать тех, кто отправляется со мною на борт, — спокойно произнес капитан, обращаясь к Дриззту и Кэтти-бри. — Этот случай предоставил мне возможность заглянуть в сердце каждого из них. — Капитан снова повернулся к своим людям. — Дриззт будет служить на «Морской фее», и я рад, что мне удалось заполучить такого товарища. И каждый из вас будет рад его присутствию, когда мы столкнемся с пиратами, когда его клинки будут на нашей стороне, когда свирепая пантера и меткая лучница Кэтти-бри будут вместе с нами!

В толпе мужчин раздались возгласы протеста, но голос Дюдермонта перекрыл их нестройный хор.

– Каждый, кто с этим не согласен, будет уволен, — продолжил он. — Без осуждения, без каких-либо обвинений, но без права вернуться.

– А вы не боитесь лишиться всей команды? — спросил упрямый моряк с обветренным лицом.

Дюдермонт пожал плечами, и Дриззту стал ясен смысл этого испытания.

– Нет, не боюсь, — ответил капитан. — Робиллард слишком умён, чтобы разделять подобные предубеждения.

Под взглядом капитана маг сердито оглядел членов команды, потом повернулся и подошел к Дриззту и Кэтти-бри, хотя и занял место подальше от Гвенвивар.

Следом за ним к их группе присоединился один пожилой моряк, потом ещё двое, затем подошел один из жрецов вместе с человеком, раненным стрелой Кэтти-бри. Через минуту на противоположной стороне остались только два человека — те самые, которые пытались оспорить решение капитана с самого начала и до сих пор держали мечи наготове. Они переглянулись между собой, и один заявил, что не намерен отправляться в море вместе с тёмным эльфом. Его товарищ спрятал оружие, поднял руки и присоединился к основной группе.

– Мэндар, что ты делаешь?

– Дюдермонт за него поручился.

– Ну и ну! — воскликнул оставшийся в одиночестве моряк и сплюнул себе под ноги.

Наконец и он заткнул меч за пояс и шагнул к своим товарищам. Но Дюдермонт поднял руку:

– Ты не смог по-настоящему принять его. Поэтому и я не могу тебя принять. Приходи на «Морскую фею» завтра утром за своей платой, а потом можешь

отправляться куда угодно.

– Но я... — начал возражать моряк.

– Я вижу, что творится в твоём сердце. Уходи.

Мужчина снова сплюнул и пошёл к выходу.

– Он же хотел к нам присоединиться, — запротестовал Мэндар.

– Это не было бы искренне, — заметил Дюдермонт. — Когда выйдем в открытое море, мы будем вынуждены рассчитывать только на самих себя. Если меч пирата нависнет над головой Дриззта, станет ли он рисковать, чтобы спасти товарища?

– Неужели кто-нибудь станет? — удивился Мэндар.

– Прощай, Мэндар, — без тени колебания произнес Дюдермонт. — Ты тоже можешь прийти на «Морскую фею» за деньгами завтра утром.

Мэндар что-то пробормотал, потом сплюнул, негромко рассмеялся и вышел из комнаты.

Дюдермонт даже не взглянул в его сторону, зато повернулся к своей команде и спросил:

– Кто-нибудь ещё?

– Мы не собирались причинять никакого беспокойства, — заметил Дриззт, как только стало ясно, что никто больше не собирается уходить.

– Беспокойство? — повторил Дюдермонт. — Мне нужна команда, способная сражаться. Но это не главное. Куда важнее умение работать в полном единении со всем экипажем. Тем, кто на это не способен, нет места на «Морской фее».

– Я ведь тёмный эльф. Это не вполне типичная ситуация.

– Верно, это один из редких случаев, позволяющих мне заглянуть в душу каждого из них. Сегодня команда корабля стала намного сильнее, но не только из-за появления двух, — капитан взглянул на пантеру, — нет, трёх новых членов.

Дриззт перевёл взгляд на Кэтти-бри и увидел на её лице широкую улыбку. Да, именно таким они помнили капитана Дюдермонта, и оба молчаливо порадовались, что за прошедшие годы он не изменился и оправдал надежду, поддерживавшую их в нелёгком и долгом пути.

– Добро пожаловать на борт, Дриззт До'Урден, Кэтти-бри и Гвенвивар, — искренне поздравил их Дюдермонт.

Для отколовшегося от своего народа тёмного эльфа эти слова прозвучали прекрасной музыкой.

ДРУЗЬЯ ПОЗНАЮТСЯ В БЕДЕ

*Изначально опубликован в сборнике «Королевства эльфов»
Wizards Of The Coast, 2006*

Точно так же, как я написал короткий рассказ об Энтрери и Джарлаксле во время работы над очередным романом о Дриззте, я взялся за рассказ о Дриззте, параллельно занимаясь романами об Энтрери и Джарлаксле. В рассказе «Друзья познаются в беде» я в очередной раз попытался разобраться с некоторыми незавершёнными моментами, связанными с трилогией «Клинки охотника». Я мог бы внедрить этот рассказ в романы «Одинокый дроу» или «Два меча» в качестве дополнительной главы, но в этом случае развязка истории о Дриззте и Эллифейн могла бы показаться слишком внезапной, а сюжет о Тос'уне и открывшимися перед ним неожиданными возможностями потребовал бы добавления множества эпизодов.

Прояснив туманные моменты посредством короткой истории, я смог обрисовать эти достаточно важные события обособленно, вместо того, чтобы поместить куда-нибудь в общее повествование, где бы они затерялись в хитросплетении тысяч других сюжетов.

Что касается Эллифейн, то здесь я хотел облегчить Дриззту его тяжкое бремя. Смерть Эллифейн была самой большой трагедией в жизни Дриззта. Это было даже хуже, чем когда он потерял собственного отца. Несчастная эльфийская девушка не заслужила подобной участи, которой она была обязана прежде всего землякам Дриззта, напавшим давным-давно на эльфийское поселение. Ненависть настолько прочно засела в ней, что не оставила возможности увидеть Дриззта в истинном свете. Тем не менее, Дриззт понимал её слепое неумное желание видеть его мёртвым. Поэтому, когда он убил её, его стало терзать двойное чувство вины и несправедливости.

Я потерял отца в 1985-м. Мы были близки, очень близки. Он был мне другом, учителем, папой. Он сыграл огромную роль в моей жизни. Смерть пришла к нему быстро и неожиданно. Превозмогая боль, я быстро смог превратить чувство скорби в чувство признания, и оценил все те годы, которые мы провели вместе. Между нами не осталось ничего недосказанного, я в этом уверен. Мне хотелось пройти вместе с ним через множество приключений, хотелось, чтобы он видел, как растут мои дети и превращаются в прекрасных взрослых людей. Мне хотелось, чтобы он видел, как, наконец, выходят в свет мои романы, и испытал вместе со мной описанные в них приключения. И всё же я не испытывал чувство, будто между нами осталось что-то недосказанное или что нам не удалось что-то сделать вместе. Нет, я не испытывал чувство вины по отношению к моему папе. Мы вкладывали в нашу дружбу и любовь во всё, чем мы занимались.

В романе «Воин» Дриззт рассматривает вину как обоюдоострый меч, как самую тяжкую из всех эмоций, и как подтверждение того, что у скорбящего есть совесть. Он, как и мы все, часто поддаётся этой эмоции, когда кого-то теряет, и ощущает боль в тысячу раз сильнее, если в этой потере чувствует свою вину. Так и получилось в случае с Эллифейн, и Инновиндиль помогает ему решить эту проблему. И снова Дриззт преодолевает чувство вины за утрату и смиряется с судьбой Эллифейн.

Что касается Тос'уна, то здесь я поднял ещё одну тему, имеющую место в моих романах. Принимая во внимание действия этого дроу и сделанный им выбор, особенно когда он воспротивился приказу Хазид'хи убить Синнафейн, мы видим следы влияния Обольда, где прагматизм побеждает зло, и существо с искажённым пониманием окружающего мира находит, возможно, момент истины. Как и Обольд,

сумевший найти способ разорвать с орочьим наследием, Тос'ун сталкивается с тем, как инстинкты вступают в борьбу с прагматизмом. Есть ли для дроу лучший путь, даже если этот лучший путь означает сдерживание древней ненависти и предубеждений?

Перед таким же выбором оказываются и Дриззт с Бруенором во время ведения масштабной войны: правильным ли будет смириться с Обольдом и его королевством, пойдёт ли это на пользу? На поверхности эти вопросы могут показаться нетрудными — нет сомнений, что Тос'ун будет себя чувствовать лучше, присоединившись к племени эльфов. Нет сомнений, что рука Бруенора станет куда крепче с поддержкой огромной орочьей армии. Но остаётся вопрос эмоций, над которыми прочно властвует ненависть.

Как и во многих военных конфликтах нашего мира, к сожалению.

ДРУЗЬЯ ПОЗНАЮТСЯ В БЕДЕ

(перевод – Аннанэйра)

Зима, Год Расстроенной Арфы (1371 ЛД)

Тос'ун Армго разглядывал ночное небо с откровенной усмешкой. Бродяга-дроу надеялся, что больше никогда не увидит обширный купол верхнего мира. Несколько лет назад во время набега дроу на Мифриловый Зал Тос'ун покинул спутников и свой Дом. Он предпочёл дезертирство непрекращающемуся безумию и смертельным войнам, охватившим весь Мензоберранзан.

Он нашел друзей, группу тёмных эльфов-отступников – таких же, как и он сам – и все четверо неплохо зажили в верхних туннелях Подземья, появляясь даже среди жителей поверхности – особенно рядом с королём орков Обольдом. Они сыграли главную роль во вторжении, которое привело армию Обольда к воротам Мифрилового Зала. Подстрекатели-дроу тайно заключили союз между Обольдом и морозными гигантами северных гор, посулив орочьему королю небывалую славу.

Но теперь три компаньона Тос'уна были мертвы.

Последняя, жрица Каэр'лик, была убита на глазах Тос'уна самим королём Обольдом. Сам же Тос'ун избежал подобной участи лишь благодаря собственному проворству и слепой удаче.

Теперь он был один. Нет, не один, тешил он себя, опуская руку на рукоятку наделённого разумом Хазид'хи, меча, найденного под утёсом, где король Обольд сражался с Дриззтом До'Урденом.

Странствуя по тропкам недавно приобретённого Обольдом королевства, где повсюду кишели вонючие тупоголовые орки, Тос'ун пришел к выводу, что пришло время оставить мир поверхности и вернуться в туннели Подземья, возможно даже отыскать дорогу в Мензоберранзан и вернуться в семью. Глубокая пещера привела его в лабиринт туннелей, и, пройдя по тропам верхнего Подземья, он вернулся в знакомые места, где жил когда-то с тремя своими соотечественниками. Оттуда Тос'ун знал путь к более глубоким туннелям.

Он шел вперёд, но с каждым шагом его сомнения росли. Тос'ун не был чужаком в Подземье; первые сто лет жизни он провел в рядах офицера Дома Бариссон Дель Армго в Мезоберранзане. Он возглавлял патрульные отряды дроу, совершая рейды во внешние туннели, и даже охранял торговые караваны, следовавшие в соседний Чед Насад.

Подземье он знал.

Как и знал, что не выживет в этих туннелях в одиночку.

Чем дальше он продвигался, тем медленнее и осторожнее были его шаги. Сомнения затмевали разум, и даже посторонний чуткий голос в голове – голос Хазид'хи – убеждал повернуть назад.

Тос'ун стоял у выхода из туннеля, чувствуя одиночество и замешательство. Над головой сияли звёзды, в лицо ударяли порывы холодного ветра.

Мы найдем своё место, раздался внутри голос Хазид'хи. Мы сильнее, чем наши враги. Мы умнее, чем наши враги.

Тос'ун Армго поневоле задался вопросом, подразумевал ли меч под своими словами Дриззта До'Урдена и короля Обольда.

Где-то вдалеке вспыхнул походный костёр, и при виде него дроу вспомнил, что не ел уже больше суток.

– Пойдем, отыщем орков, у которых можно чем-нибудь поживиться, – сказал он, поглядывая на свой урчащий живот. – Я голоден.

Хазид'хи согласился.

Хазид'хи всегда был голоден.

Солнечный свет отразился от белых крыльев пегаса, когда Дриззт До'Урден развернул скакуна и направил к крутому берегу. Его попутчица, эльфийка Инновиндиль, сидящая на другом пегасе, заметила, как воздушный скакун дроу выделился резким контрастом на фоне тёмных облаков, нависших над Болотами троллей. Двое эльфов отбыли из Мифрилового Зала три дня назад. Они не сомневались, что тупиковая ситуация между дварфами клана Боевого Молота и вторгнувшейся армией орков за зиму разрешиться не успеет. Дриззту и Инновиндиль предстоял путь на запад, к Побережью Мечей, на поиски тела Эллифейн, лунной эльфийки и родственницы Инновиндиль, павшей от руки Дриззта из-за рокового недоразумения.

Эльфийская пара начала путь, двигаясь на юг и юго-запад. Они собирались пролететь над Несмом, занимающем северные окраины Болот троллей, и увидеть, как идёт реставрация города после побоища, случившегося прошлым летом. Пролетев над Несмом и обогнув Болота, они рассчитывали взять к западу и отправиться далёкому Лускану.

Колючий ветер в небе возвещал о наступлении зимы. Скакуны по кличке Заря и Закат на холод не жаловались, но их наездникам приходилось несладко – слишком сильно били в лица ледяные порывы. Бруенор снабдил обоих прекрасными тюленьими накидками с капюшонами и толстыми рукавицами, тем не менее, обнажённые участки кожи коченели от холода, и продолжать полёт дальше становилось трудно.

Завершив медленный разворот, Дриззт увидел Инновиндиль, которая жестами призвала спускаться на обширное плато, лежащее к западу. Однако дроу в ответ указал к западу и чуть к северу, предлагая не спускаться, а лишь посмотреть.

Стоило эльфийке взглянуть в указанном направлении, выражение её лица омрачилось. По узкой тропе двигалась цепь чёрных точек – орки!

Под её скакуном пронеслась Заря – тёмный эльф начал медленный спуск по спирали. Положив руку на один из сцимитаров, он слегка вытащил его из ножен, затем кивнул, жестом спрашивая напарницу о готовности к схватке.

Инновиндиль улыбнулась в ответ, и направила пегаса вслед на Дриззтом.

– Они переправятся к западу от нас, – сказал Дриззт, когда она приземлилась рядом с ним на широкую плоскую скалу. Из-за шарфа, скрывавшего нижнюю часть лица дроу, Эльфийка не могла видеть его белозубую улыбку, однако фиолетовые глаза явно улыбались.

Инновиндиль ослабила воротник и сняла капюшон. Расправив длинные золотистые волосы, она взглянула на Дриззта и сказала:

– Впереди ещё сотни километров, а зима не за горами. Неужели надо задерживаться ради того, чтобы убить нескольких орков?

Дриззт пожал плечами и приспустил шарф. С лица не сходила дьявольская ухмылка. Его безмолвный ответ был красноречивее любых слов.

– Надо узнать, зачем они здесь, – пояснил дроу. – Странно, что они зашли так далеко на юг.

– Учитывая, что их король мёртв. Ты это имел в виду?

– Большинство должны были вернуться на север, в безопасность своих горных убежищ. Неужели они продолжат нападать теперь, когда лишились объединяющей силы Обольда?

Инновиндиль повернулась на запад, хотя орков они потеряли из виду ещё во время спуска.

– Возможно, некоторые из них стали слишком самонадеянными. Большая часть земель досталась им так легко, что они забыли о могучей силе, которая противостоит им.

– Тогда мы напомним, – сказал Дриззт. Перекинув одну ногу через спину пегаса, он сел на животное боком лицом к Инновиндиль, и сделал кувырок назад через спину животного, приземлившись на ноги с другой стороны.

Обходя скакуна, дроу поднырнул под его шеей и легонько потрепал.

– Посмотрим, что они затевают, – сказал он эльфийке, – а потом погоняем их.

– Тех, кого не убьём сразу, – поддакнула Инновиндиль. Она скользнула на землю и отвязала от седла огромный лук.

Решив, что умные животные останутся на месте, эльфийская пара со всей скоростью и проворством бесшумно ринулась по каменистой равнине. Они направились на северо-запад, рассчитывая приблизиться к длинному ущелью до появления орков, но, заслышав лязг металла о камни, остановились и повернули на юго-запад.

Взобравшись на каменное возвышение, Дриззт увидел, откуда исходит звук, и это ещё больше озадачило дроу. Внизу, в месте сужения ущелья, его глазам предстала группа орков, с усердием возводивших стену из каменных блоков.

– Ворота, – сказала Инновиндиль, подползая к нему.

С южной стороны к группе подошли несколько орков, неся камни.

– Нужно подкрасться поближе, – заметила Инновиндиль.

– Но надо торопиться, пока не стемнело, – сказал Дриззт, вставая и направляясь туда, где их ждали пегасы.

До темноты оставалось менее получаса, но за это время они разведали даже больше, чем ожидали. Всего в нескольких сотнях метров от незаконченных ворот высилось заграждение из сложенных камней; через сотню метров за нею виднелось ещё одно. Оба поста охраняли часовые, в то время как рабочие занимались ближайшей к воротам блокадой. Они разбирали её на глыбы, которые обтёсывали и складывали в высокую стену. Орки работали как единая команда.

– Обольд мёртв, а единство его армии ещё живо, – заметила Инновиндиль.

– Они даже носят форму, – добавил Дриззт. Казалось, он едва мог дышать, и виной тому был не только холодный воздух.

Слова дроу оказались верными – часовые на всех трёх постах носили шлемы из белой кости и одинаковые чёрные плащи.

– Грамотная тактика, – продолжил дроу. Когда он жил в Мензоберранзане, ему часто приходилось видеть подобные действия. – Они поспешно расставляют блокады, чтобы замедлить любые нападения, которые могли бы помешать возведению основных конструкций.

– Орки всегда были умны и действовали сообща, – напомнила эльфийка.

– Кажется, насчёт последнего Обольд позаботился даже лучше, чем мы думали, – дроу оглянулся, устремясь взглядом в сторону Мифрилового Зала. – Придётся исследовать всё досконально и возвращаться к Бруенору, – сказал он, повернувшись к напарнице.

Какое-то время Инновиндиль молча смотрела в ответ, затем покачала головой.

– Мы не станем менять маршрут.

– Но мы же не знали...

– А что мы знаем сейчас? – перебила эльфийка. – Эти орки, стража и чернорабочие, возможно ещё не знают о смерти Обольда. Мы не можем сказать, что здесь будет через месяц или по окончании зимы. Да и какая разница? С приходом

снега и холода ожидание всё равно затянется. Чтобы мы ни рассказали королю Бруенору, всё равно это не изменит его планы на зиму.

– Но надо вернуть тело Эллифейн, – сказал Дриззт.

Инновиндиль кивнула:

– Да, это важно, и для моих родных, и для того, чтобы мы приняли тебя.

– Так для чего мы отправились в эту поездку? Чтобы вернуть потерянную душу, или испытать дружбу на верность?

– Для того и другого.

Дриззт откинулся назад, будто его ужалили. Инновиндиль коснулась его.

– Дело не во мне, – заверила эльфийка. – Тебе нечего мне доказывать, Дриззт До’Урден. Наша дружба искренна. Но мне не хочется оставлять сомнения среди моего народа. Эльфов Лунного леса не так уж и много, они излишне ранимы и озлоблены. Не принимай на свой счёт нашу предусмотрительность.

– Они приказали тебе это сделать?

– Не было нужды. Я понимаю, насколько это важно и не сомневаюсь, что я, как и весь мой народ, в долгу перед погибшей. Смерть Эллифейн стала трагедией для Лунного леса. Мы не смогли убедить её не совершать ошибки, и в её смерти должны винить лишь самих себя.

– Но чем вам поможет возвращение её тела?

Инновиндиль пожала плечами и сказала:

– Посмотрим.

Дриззт не нашелся что ответить и дальнейших вопросов задавать не стал. Он согласился отправиться в путешествие с Инновиндиль на Побережье мечей, и был намерен сдержать обещание. Он обязан. Но ещё больше он был обязан Эллифейн, которую был вынужден убить.

Они вернулись к скакунам и поднялись по тропе выше. Землю окутала тьма, воздух стал холоднее. Чтобы попытаться выяснить, что затевают местные орки, пришлось мириться с неприятной погодой. Отыскав навес, защищающий от пронизывающего северо-восточного ветра, эльфы притаились и стали ждать.

Как и ожидалось, вскоре вспыхнули походные костры. От ворот к северу протянулась цепочка огоньков. Ещё через несколько минут в ночное небо взмыла зажжённая стрела. Более часа Дриззт следил за движением Луны и маленькой звезды рядом с ней, измеряя промежутки времени между сигнальными вспышками, и вскоре с удивлением закивал.

– Эти выстрелы не случайны, – сделал он вывод. – Они разработали зашифрованную систему передачи сигналов.

После долгой паузы Инновиндиль спросила:

– Так вот как рождаются королевства?

Следующий день выдался более тёплым, ветер ослаб, и Дриззт с Инновиндиль не теряя времени взмыли в воздух на своих летающих лошадях. Вскоре они приземлились на утёсы, нависавшие над строящимися воротами. Теперь стало ясно, что их предположения оказались верны. Орки продолжали разрушать южные защитные барьеры, заменяя их строительством более совершенных ворот. Вскоре прибыл караван, замеченный эльфами ранее. Поклажа включала запасы для рабочих, что показалось эльфам также весьма необычным.

Раздача воды и пищи проходила организованно и спокойно, без свойственного оркам рывканья. Провизии хватило даже на то, чтобы приличный её запас отложить для орков, работающих на южных барьерах.

Ещё любопытнее показалась смена охранников. Несколько орков, прибывших с караваном, поменялись местами с теми, кто охранял стену, после чего последние отправились в обратный путь на север. Новые охранники также были одеты в шлемы из белой кости и чёрные плащи, которые, видимо, были униформой приспешников Обольда.

Заинтригованные невиданной аккуратностью орков, эльфы покинули укрытие и снова поднялись в небо.

Они взяли путь на север, решив как можно тщательнее изучить организацию орочьей армии. На вершинах холмов они заметили сложенный хворост – сигнальные костры. Вдоль различных дорог двигались другие охраняемые караваны, напоминающие щупальца гигантского осьминога. Центром этого чудища служила огромная лагерная стоянка, которую трудно было не заметить.

Взяв к северо-западу, эльфы двинулись дальше, где вскоре обнаружили целое скопление построек.

Группы каменных зданий и недостроенных стен виднелись на каждом заснеженном лугу, а каждая вершина холма была укреплена новой каменной крепостью.

– Похоже, слухи среди орков распространяются не быстро, – сказала Инновиндиль, когда они приземлились в укромной долине.

Дризт не ответил, но сомнение на лице было красноречивее всяких слов. Неужели до этих орков не дошла весть о падении Обольда Многострельного? Могло ли случиться так, что единство, которое он породил среди своих воинов, пережило своего создателя?

Такое положение дел пугало Дризта. Обезглавливание орочьей армии должно было подействовать на глупых созданий, словно раковая опухоль. Междоусобица и эгоизм разрушили бы их единство до самого основания; врождённые качества орков сделали бы то, чего не могла добиться армия Бруенора.

– Но выводы делать ещё слишком рано, – сказала Инновиндиль, и Дризт понял, что испытанный им страх отражается на его лице.

– Не так уж и рано.

– Со смерти Обольда им ещё не выпадало испытаний, – сказала Инновиндиль.

– Ни мечом, ни яростью зимы.

– Видимо, они готовятся и к тому, и к другому.

Инновиндиль коснулась рукой плеча дроу, и он посмотрел в её голубые глаза.

– Не теряй надежду, – сказала она. – Не суди о том, чего ещё не знаешь. Каково придётся этой орочьей шайке, когда зима наступит в полную силу? Как они поступят, если какое-нибудь племя решит, что пришло время возвращаться в безопасные горные логова? Попытаются ли их остановить другие? И если да, станут ли орки сражаться с орками? Как долго сможет продержаться эта орда на своих запасах?

Дризт оглянулся и задержал взгляд на далёких следах, оставленных орками.

– Ты права, выводы делать рано, – наконец согласился он. – Поедем на запад и завершим наше задание. Возможно, когда мы вернемся, что-нибудь уже прояснится.

Инновиндиль взяла его за руку и вместе они вернулись к своим пегасам, а вскоре уже летели на запад, к Лускану. По пути они размышляли о том, что видели и надеялись, что по возвращении их опасения не подтвердятся.

И всё-таки они не могли не оглядываться по сторонам, наблюдая за продвижением и слаженной работой орочьей армии, которая, как казалось ранее, должна была расформироваться.

Однако увиденное тем днём – сигнальные выстрелы, скоординированная работа ночных сигнальных огней – не добавляли уверенности в их сердца.

Вскоре орки и Проклятый перевал остались далеко на востоке.

Будучи низшим аристократом второго дома Мензоберранзана, Тос'ун Армго провёл много лет, обучаясь боевому искусству в Мили-Магтире, школе воинов. Он служил под началом легендарного мастера меча, свирепого Утегенталья, который выделялся среди воинов-дроу страшным агрессивным стилем боя. Недостаток ловкости боевого мастерства Утегенталь восполнял силой и яростью, поэтому воины Баррисон Дель'Армго, которых он обучал, владели умением бить сильно и быстро.

Тос'ун не был исключением. Поэтому, спускаясь к каравану орков с Хазид'хи в правой руке и вторым мечом в левой, он не колебался. Он спрыгнул с утёса одним большим скачком, приземлившись рядом с главным орком, сделал укол левой рукой, а затем крутанулся, вращая Хазид'хи, и разрубил тупую тварь от плеча до бедра. Вытаскивая оружие, он наотмашь рубанул обратным движением и попал в другого орка, схватившего мешок с повозки в попытке поставить блок.

Лезвие, столь тонкое и острое, как ни одно другое в мире, прошло сквозь мешок, поднятую руку и удивлённое лицо орка с такой лёгкостью, что Тос'ун даже засомневался, достал ли он своего врага – разумеется, до тех пор, пока всё это не свалилось кучей в расплывающуюся лужу крови.

Тос'ун поставил ногу на упавшего орка, найдя опору для прыжка вперед, и убил следующего орка, ударив мечом его в грудь через окованные свинцом доски телеги, за которой тот попытался укрыться.

Ещё! слышался в голове голос разумного меча. Он посылал в мозг дроу волны гнева, ещё больше распаляя его ярость.

Два орка, подняв мечи, двинулись ему наперерез.

Просвистел второй меч Тос'уна, слева направо отбив меч правого орка. Повернув клинком, он ударил снизу по оружию второго орка, затем шагнул назад, лёгкими ударами отбивая атаки. Орки старались не напирать, поскольку атаки его не были мощными, хотя они не понимали, что дроу, отбивая атаки, мог так же легко их избежать.

Тос'ун остановился в середине движения и подбросил в воздух второй меч, который пролетел между двумя удивленными орками. Не прерывая движение, дроу пригнулся и повернулся на месте, припав на одно колено и поднырнув под мечи орков. Хазид'хи разорвал толстую необработанную кожу поясов и черных плащей орков так легко, словно они были сделаны из бумаги.

Оба существа взвыли и упали, хватаясь за вываливающиеся внутренности из распоротых животов.

В голове Тос'уна Хазид'хи взвыл тоже, только в голосе меча звучало удовлетворение.

К дроу направилась другая пара охранников, окружив и выставив в его сторону окованные металлом копья. Проанализировав их движения, он тут же решил, как ему драться, где парировать, а где искать несогласованности в их движениях.

Когда копыта ударили, Тос'ун был полностью готов. Демонстрируя своё превосходство в скорости и ловкости, он отставил правую ногу назад и сделал полупируэт на месте, избегая удара сзади и парируя тот, что пришёлся спереди.

Один шаг вперёд – и охранник оказался в пределах досягаемости, а Хазид'хи испил ещё орочьей крови.

Другой орк напал на дроу сзади, и Тос'ун выполнил блестящий удар слева, из-за спины, своим обычным мечом, вслед за которым следовал Хазид'хи, пронзивший сердце орка.

В голове Тос'ун слышал благодарственные признания живого меча.

Дроу видел, что слева от него уцелевший орк начал карабкаться на скалы, и двинулся было за ним, но потом заметил ещё двоих орков, спасения собственных шкур бросивших караван. Тос'ун сделал несколько шагов в их сторону, однако понимал, что вряд ли сумеет разобраться со всеми тремя быстро, а потому вложил мечи в ножны и направился к каравану осмотреть поклажу.

Хазид'хи молчал, но меч был скорее заинтригован, чем доволен. Тос'ун был прекрасным фехтовальщиком, настоящим воином-дроу, не в пример той женщине, которая владела мечом в течение предыдущих нескольких лет. Воительница слишком часто предпочитала использовать свой лук, предпочитая оружие трусов великолепному Хазид'хи.

Мы можем многому друг друга научить, внушал меч своему хозяину.

Бросив мимолетный взгляд на рукоять меча, дроу ощущал его трепет.

Ты не доверяешь своему воинскому чутью, объяснил меч.

Тос'ун положил еду, взялся за рукоять и потянул Хазид'хи из ножен, держа мерцающее лезвие перед своими красными глазами.

Ты думаешь слишком много, не унимался меч.

Тос'ун подождал немного, а затем вложил меч обратно в ножны и вернулся к еде.

Пока всё в порядке, решил Хазид'хи. Дроу не отклонил предложение. В следующей схватке меч будет готов помочь тёмному эльфу достигнуть большей концентрации и быстроты реакции, полностью полагаясь на свои возможности и понимая их ограничения.

Не так давно Хазид'хи владел Дриззт До'Урден, непревзойденный воин-дроу. Он без колебаний отвергал все вторжения меча в свой разум, потому что и так обладал великолепным чутьём воина, мгновенно узнающим своих врагов и оценивающим их способности.

Движения Дриззта были доведены до автоматизма, слаженность мыслей и действий были совершенными.

Хазид'хи чувствовал этот инстинкт воина, внутреннюю концентрацию, которая подняла Дриззта выше даже такого великолепного воина, как Тос'ун Армго. Разумный меч изучал своего владельца во время схватки Дриззта и Обольда, и многое успел от него перенять.

И меч предложил ту же технику Тос'уну. Хотя этот дроу никогда не будет столь же силен и морально устойчив, как Дриззт, но в этом беды не было. Ведь без внутренней решимости и твёрдых моральных устоев, даже не смотря на отменную физическую форму и технику владения оружием, Тос'ун не сможет игнорировать Хазид'хи, как это делал Дриззт. Меч мог многому научить Тос'уна, но без мёртвого груза свободной воли.

Хазид'хи не мог ждать лучшего времени.

– В последнее время ты очень спокоен, – сказала Инновиндиль Дриззту, когда они принялись разбивать лагерь на ночь.

Воздух был наполнен запахом океана, по ту сторону волнистой тёмной глади Побережья мечей сияло закатное солнце. Эльфы преодолели сотни миль гораздо быстрее, чем ожидали, и за это время погода не изменилась. При удачном стечении обстоятельств они надеялись вернуться в Мифриловый Зал до полного наступления зимы, пока глубокие снега не заполнили Долину Хранителя, а ледяные ветра не вынудили их передвигаться только по земле. В воздухе пегасы легко могли покрыть за день пятьдесят километров, причём это было расстояние по кратчайшей траектории, не огибая холмы и пригорков, минуя извилистые реки, где можно было потратить уйму времени на поиск брода. На земле же, на выющихся тропах и открытой местности, где следовало остерегаться монстров и диких зверей, они в лучшем случае за день могли преодолеть 15 километров, причём можно было считать везением, если треть пути приходилась в нужном направлении.

– Мы движемся на удивление быстро, – продолжила Инновиндиль.

Дриззт стоял на утёсе и молча глядел на море.

– Риллифейн благоволит нам, – сказала она, упомянув имя лесного бога эльфов, одного из божеств её клана в Лунном лесу. – Его дыхание успокаивает и сдерживает зимние ветра, чтобы мы могли вернуть тело Эллифейн и как можно скорее отправиться в обратный путь.

Она продолжала рассказывать о Риллифейне Раллатиле и поведала о нём несколько историй.

Край солнца уже коснулся тёмной воды, а она все говорила. Пламенный шар исчез за волнами, и небо темнело, приобретая насыщенный синий цвет. Вдруг она поняла, что Дриззт не слушает, и не слушал её.

– В чём дело? – спросила она, обойдя вокруг него. Она тут же повторила вопрос, и заставила его посмотреть на неё.

– Всё нормально? – не унималась Инновиндиль.

– Что такого знал Обольд, чего не знаем мы? – спросил в ответ Дриззт.

Инновиндиль сделала шаг назад, и её милое личико вытянулось. Она не ожидала такого вопроса.

– Как ты думаешь, бывают ли хорошие орки и плохие орки? – продолжил Дриззт.

– Хорошие орки?

– Удивляешься, что подобный вопрос задаёт хороший тёмный эльф?

Услышав это, Инновиндиль широко распахнула глаза и, запинаясь, начала искать ответ, но Дриззт обезоруживающе ухмыльнулся.

– Хорошие орки, – повторил он.

– Ладно, признаюсь. Я не знаю. Никогда не встречала орка-душечку.

– А вдруг встречала, только не знала, что он такой?

– Ну, раз так, тогда возможно хорошие орки бывают, – произнесла Инновиндиль с явным волнением. – Конечно, я не могу этого знать, но если даже они бывают, то это скорее исключение. Возможно, такие и вправду есть, но каких больше, твоих гипотетически хороших или кровожадных?

– Это не имеет значения.

– Твой друг, король Бруенор, вряд ли бы с тобой согласился.

– Нет, – сказал Дриззт, качая головой. – Если хорошие орки есть, пусть даже несколько, не значит ли это, что существуют орки более добрые или менее добрые? Предположим, существует несколько хороших орков. Значит ли это, что вся раса движется к цивилизации, так же, как и эльфы и дварфы, полурослики, гномы, и люди?

Инновиндиль непонимающе уставилась на него.

– Что знал Обольд такого, чего не знаем мы? – снова спросил Дриззт.

– Думаешь, что Обольд Многострельный был не таким, как другие орки? – резко спросила эльфийка.

Дриззт глубоко вздохнул и замолчал. Он понимал, что сейчас чувствует Инновиндиль. Ведь она видела, как её возлюбленный пал, разрубленный напополам королём Обольдом.

– Орки сохранили единство и создают границы нового королевства без участия своего короля, – сказал Дриззт, глядя на море. – Неужели они готовы создать собственное королевство? Неужели это то, чего желал Обольд, выведя их из горных пещер?

– Они погибнут в междоусобице, когда племя пойдёт против племени, – ответила Инновиндиль. В её голосе звенела уверенность. – Они будут резать друг друга, пока не превратятся в ползающую массу безнадёжных тупиц. Многие убегут назад, в свои тёмные норы, а те, кто не успел спрятаться, сильно об этом пожалеют, когда на них двинется король Бруенор, и когда мой народ из Лунного леса примкнёт к нему.

– А если этого не случится?

– Ты сомневаешься в эльфах?

– Нет, – сказал Дриззт, – в орках. Что, если орки не погрязнут в междоусобице? Предположим, среди них появится новый Обольд, будет поддерживать среди них дисциплину и дальше укреплять новое королевств?

– Не может быть.

– Этого нельзя исключать, и в этом случае возникнет вопрос, на который мы все — от Серебристой Луны до Сандабара, от Несма до Мифрилового Зала, от Лунного леса до Цитаделей Фелбар и Адбар — должны будем ответить очень мудро.

Инновиндиль на мгновение задумалась, затем сказала:

– Очень хорошо, тогда тебе и флаг в руки. Если орки не отступят, что мы будем делать?

– На этот вопрос предстоит ответить нам всем.

– Ответ и так очевиден.

– Конечно же, ты имеешь в виду убить их!?

– Именно так. Они же орки! – ответила Иновиндиль.

– Так неужели было бы разумнее воевать с ними, чтобы прогнать их? – спросил Дриззт. – Или позволить им сохранить своё королевство, внутри которого будет приумножаться их благодетель? И позволить ей развиваться, потому как чтобы сохранить королевство, нужно дойти до определённой степени цивилизации? И не будет ли у такой цивилизации потребности ставить мудрость выше силы?

Судя по выражению лица Инновиндиль, она не восприняла его слова всерьёз. Дриззт и сам понимал, что сказанные им слова и впрямь отдают безумием. Однако он знал, что должен закончить мысль, чувствовал, что должен высказаться; произнесённые вслух слова могли помочь ему разобраться с неурядицей в голове.

– Если мы верим в добродетель общества эльфов – или дварфов, или людей – это лишь потому, что мы верим в способность этих народов двигаться к совершенству. Конечно, в истории любого народа достаточно злодеяний, как в прошлом, так и сейчас. Сколько войн люди вели друг против друга?

– Одну, – ответила Инновиндиль, – но бесконечную.

Услышав неожиданные слова поддержки, Дриззт улыбнулся и сказал:

– Но мы верим, что каждый человек движется к совершенству, да? Люди, эльфы, дварфы...

– И дроу?

Дриззт лишь пожал плечами и продолжил:

– Наш оптимизм основан на общем принципе: всё идёт к лучшему, и мы становимся лучше. Так неужели мы ошибаемся, неужели рассуждаем столь близоруко и глупо, расценивая орков как неспособных к такому прогрессу?

Инновиндиль уставилась на него.

– К нашему собственному несчастью, – добавил Дриззт.

Эльфийка все еще не могла ответить.

– Мы даже не хотим понять этих существ, и считаем их своими врагами, основываясь лишь на прошлом опыте, – не унимался Дриззт. – Может ли быть так, что мы, на свою беду, допускаем ошибку, считая этих существ неспособными создать цивилизацию?

– Ты считаешь, что цивилизация, которую они создали за всю свою историю, может противоречить их природе, – наконец сказала Инновиндиль.

Дриззт пожал плечами и кивнул:

– Может быть.

– А смог бы ты бросить оружие и отправиться к оркам в надежде, что это и есть те самые просвещенные орки, и они не убьют тебя?

– Конечно нет, – сказал Дриззт. – Но опять же, что знал Обольд такого, чего не знаем мы? Если орки не перегрызут друг друга, то по решению совета, собранного в Мифриловом Зале, у нас мало надежды выдворить их из земель, которые они себе присвоили.

– Но дальше они не продвинутся, – поклялась Инновиндиль.

– Таким образом, им достанется королевство, которое они объявили своим, – сказал Дриззт. – И оно будет только процветать от торговли с теми землями, что оказались вокруг них.

Инновиндиль одарила его недоверчивым взглядом.

– Это просто мысли вслух, – ответил Дриззт с тихой усмешкой. – Я часто так делаю.

– Ты предлагаешь ...

– Ничего я не предлагаю, – прервал её Дриззт. – Я только задаюсь вопросом: а что, если через столетие – или через два или три – наследие Обольда докажет нам, что все мы глубоко заблуждались.

– Имеешь в виду орков, живущих в гармонии с эльфами, людьми, дварфами и полуросликами?

– А разве нет города на востоке, в дебрях Ваасы, чьё население состоит полностью из полуорков? – спросил Дриззт. – Город, который поклялся в преданности королю паладинов Земель Кровавых Камней?

– Палищак, да, – поддакнула эльфийка.

– Там все до одного потомки существ, родственных Обольду.

– Твои слова сулят надежду, но все же в моих мыслях они звучат не особо привлекательно. Смерть Тарафиэля ещё слишком свежа в моей памяти.

Инновиндиль пожала плечами.

– Просто я думаю, есть ли в этих орках нечто большее, что мы увидать неспособны? – размышлял Дриззт. – Не видим ли мы их так, как привыкли видеть? Вдруг за нашим односторонним взглядом мы не можем рассмотреть других черт этих существ?

Высказавшись, Дриззт снова уставился на море.

Тем не менее, Инновиндиль удивила его, когда добавила:

– И разве не ту же самую ошибку Эллифейн допустила относительно Дриззта До'Урдена?

Поток пустого белого шума заполнил мысли Тос'уна, смерчем пронесившегося по орочьему лагерю. Он рубил и колол, поражая орков наповал. Он бросался в одну сторону, затем в другую, не давая возможности предсказать свой следующий шаг.

Все действия тёмного эльфа были чистой реакцией, инстинктом; его будто несла вперед некая музыка, перемещающая ноги, двигая руки. Зрение и слух сливались в единую субстанцию, обеспечивающую полное понимание того, что творилось вокруг. Удивительно, но на подсознательном уровне Тос'ун не ощущал ничего и в то же время – все.

Левый клинок, сделанный мастерами-дроу меч, постоянно менял направление удара, изменяя угол, отражая любые атаки на пути. Неожиданно он прыгнул в сторону большого камня, и во время прыжка меч вынырнул с левой стороны от него и отклонил брошенное копьё, затем вернулся, сбивая второе и повернув в сторону. Вражеское копьё пролетело мимо, а дроу продолжил убийственный путь.

Не менее смертоносный Хазид'хи был также поглощен работой. Пять орков лежали мёртвыми, отмечая след тёмного эльфа, двое других были тяжело ранены, и судьбу всех семерых предрешил Хазид'хи.

Разумный меч не мог позволить второму мечу забрать себе всё удовольствие от убийства.

Нападение на орчий лагерь было быстрым и яростным, с тремя орками было покончено ещё до того, как об этом узнали остальные. Ни один из десятка орков во всём лагере не смог оказать достойное сопротивление стремительным атакам Тос'уна, и последних двоих он убил, когда те кинулись прочь.

Однако, несмотря на нехватку истинного сопротивления, Хазид'хи чувствовал, что Тос'ун боролся куда лучше, намного эффективнее и более инстинктивно. Ему ещё было далеко до уровня Дриззта До'Урдена – Хазид'хи это прекрасно знал – но непрерывная работа с мечами закрывала мысли дроу бесцветным шумом, вынуждая его реагировать на свои чувства памятью тела, а не сознательными решениями, что делало его манёвры и атаки более быстрыми и точными.

Не думай.

Именно этому Хазид'хи научился у Дриззта До'Урдена, и именно это разумный меч пытался донести Тос'уну Армго.

Не думай.

Он должен был полагаться лишь на инстинкты и рефлексy.

Запыхавшись от яростного смерча, Тос'ун приостановился около деревянной треноги, на которой орки имели обыкновение готовить себе еду. Ни одно копьё не полетело в него, ни один враг не показался на глаза.

Дроу посмотрел на плоды своих деяний: два орка корчились на земле, постанывая от боли, остальные лежали мёртвые. Видя страшные мучения раненых, Тос'ун не спешил их убивать.

Он вновь прокручивал в уме все свои действия, мысленно возвращался всё той же дорогой, прыгая и нападая. Он даже заглянул за валун, чтобы убедиться в том, что на лету сбил два брошенных в него копья.

Там они и лежали, в грязи.

Тос'ун покачал головой, не совсем понимая, что только что случилось. Он не понимал, откуда в нём такая ярость и жажда крови.

Он вспоминал Мили-Магтир. Ученик из него вышел непримечательный, сущее разочарование для могущественного Утегенталя. Но в этой школе одним из первых уроков было то, как научиться отпускать своё тело, позволять ему, а не разуму, вести себя в битву.

Никогда прежде Тос'ун так не ценил те давние уроки.

Стоя среди трупов, Тос'ун наконец понял, в чём заключается разница между обычными воинами дроу, пусть и заслуживающими всех похвал по стандартам любой расы, и настоящими мастерами.

Он понял, что тот бой он вёл так, как мог бы вести сам Утегенталь: прекрасная гармония инстинкта и оружия, только движения его были немного быстрее, чем движения мастера меча Второго Дома.

Хотя Тос'ун не знал, как достиг такого уровня мастерства, и задавался вопросом, смог ли бы он сделать это снова, он мог сказать без малейших сомнений, что Хазид'хи был доволен.

Синнафейн перемещалась по разрушенному орочьему лагерю, перебегая от укрытия к укрытию. Она приостановилась позади валуна, брошенного в стороне от навеса, где лежала пара мёртвых орков. С этого ракурса хорошо были заметны запутанные следы. Теперь было ясно, в каком направлении скрылся тёмный эльф.

Она внимательно осмотрела лагерь, острые эльфийские глаза замечали любое движение, каким бы незаметным оно ни было. В десяти метрах от неё вдоль небольшой груды камней прошмыгнул бурундук. Чуть дальше ветер поднял несколько высушенных листьев, и они закружились их над свежевypавшим снегом. Дроу нигде не было видно.

Синнафейн переместилась к следующему месту, к опрокинутой треноге. Она присела за небольшим укрытием и притаилась.

Ветер донёс язычки пламени тлеющих угольков, но это было единственной жизнью во всём лагере. Кивнув, эльфийка подняла кулак, сигнализируя своим товарищам.

Словно призраки, лунные эльфы неслышно появились со всех. Белые и коричневые плащи скрадывали их силуэты на фоне запорошенной снегом земли.

– Семь мёртвых, остальные разбежались, – отметил Албондиэль, лидер группы. – Этот дроу хитёр и быстр.

– Как и его меч, – заметил другой эльф, один из пятерки. Когда другие посмотрели на него, он указал на одного из орков с отсечённой рукой и чисто разрубленным толстым деревянным щитом.

- Могучий боец, без всякого сомнения, – сказала Синнафейн. – Может, мы наткнулись на второго Дриззта До’Урдена?
- У Обольда в приближённых были дроу, – напомнил ей Албондиэль.
- Но этот убивает орков, – ответила она. – И весьма шустро.
- А дроу когда-нибудь разбирались в том, кого убивают? – спросил другой эльф.
- Я знаю, по крайней мере, об одном таком, – быстро напомнила Синнафейн.
- И я не повторю ошибки своей сестры Эллифейн. Не стоит верить домыслам и руководствоваться общей репутацией.
- Многие павшие, вероятно, говорили так же, – сказал ей Албондиэль, но получив колючий взгляд, он усмехнулся в ответ.
- Второй Дриззт? – спросил он риторически, и пожал плечами. – Если так, тогда это нам на руку. Если нет ...
- Тогда ему же хуже, – закончила за него Синнафейн, а Албондиэль кивнул и заверил ее:
- Мы скоро всё узнаем.

Дриззт отбросил последний ком застывшей грязи, полностью убрав покрывавшую могилу землю. Под ним лежало завёрнутое в покрывало тело Эллифейн. Выдав себя когда-то за мужчину по имени Лелоринель, она, ослеплённая яростью, попыталась убить его.

Дриззт стоял, глядя на тело. Оно лежало на боку, ноги были подтянуты к груди. Дриззту она казалась очень маленькой, совсем как ребёнок.

Если бы он мог исправить одну ошибку всей своей жизни ...

Он обернулся через плечо, чтобы видеть, как Инновиндиль копается в одной из седельных сумок Заката. Эльфийка достала серебряное кадило на тонких прочных цепях, затем вынула серебряное кропило, украшенное зелёными драгоценными камнями с выпуклым узором и сеткой маленьких отверстий.

Инновиндиль доставала из седельной сумки масло и ладан, а Дриззт всё смотрел на Эллифейн. Он снова и снова переживал прошлые моменты жизни бедной эльфийки, которые могли бы быть последними моментами его собственной жизни, если бы Бруенор и остальные не появились вовремя и не спасли его с помощью целебного зелья.

Его репутация была её погибелью, он знал это. Она не могла вынести то, как быстро распространялись о нём слухи как о дроу с добрым сердцем, поскольку в своих исковерканных воспоминаниях о той зверской ночи десятилетия назад она запомнила Дриззта лишь как одного из проклятых тёмных эльфов, убийц её родителей и друзей. Дриззт тогда спас Эллифейн, испачкав её кровью и прикрыв телом её убитой матери, но бедная девочка-эльф в ту ночь ещё была слишком юна, чтобы всё помнить. Она так и не поверила в эту историю.

Её поглотил гнев, и по жестокой иронии судьбы Дриззт был вынужден убить ту, которую когда-то спас.

Он настолько ушёл в себя, глядя на Эллифейн и раздумывая об извилистых дорогах трагически приведших обоих к краху, что даже не заметил тихую песню Инновиндиль. Та бродила вдоль могилы, разбрызгивая волшебное масло сохранения и качая кадило так, чтобы его аромат замаскировал запах смерти.

В своей песне Инновиндиль умоляла эльфийских богов спасти душу Эллифейн от её гнева и несправедности.

Услышав собственное имя, Дриззт прислушался к песне эльфийки. Инновиндиль убеждала богов позволить взгляду Эллифейн спуститься вниз, на тёмного эльфа Дриззта, чтобы увидеть его и узнать о том, каким на самом деле было его сердце.

Она закончила песню так мелодично и спокойно, что её голос, казалось, слился с ночным ветром. Но ветер ещё долго нёс с собой отголоски печальной песни.

Она предложила Дриззту помочь ей, и он грациозно соскользнул вниз. Вместе они подняли труп и обернули его чистым одеялом, обвязав сверху веревкой. Отступив от тела, эльфы взяли за руки.

– Думаешь, она обрела покой? – спросил Дриззт.

– Она осталась достойной нежной руки Кореллона. Даже несмотря на то, что избрала неверный путь.

Некоторое время Инновиндиль смотрела на дреу, на лице которого отчётливо проступали сомнения.

– Ты сомневаешься не в этом, – сказала она. – Ты сомневаешься насчёт Кореллона и себя.

Дриззт по-прежнему не отвечал.

– Так в ком же дело? В Кореллоне? – спросила Инновиндиль. – Или Дриззт До'Урден сомневается относительно существования загробной жизни?

Вопрос был крайне неприятен для Дриззта, ведь он затрагивал то, до чего сам редко позволял себе доходить в своих прагматичных представлениях.

– Я не знаю, – ответил он мрачно. – Да и знает ли кто-либо из нас наверняка?

– Призраки существуют, и мы можем с ними разговаривать. Мёртвые возвращаются в этот мир, разве нет? С рассказами, чтобы поведать нам о времени, проведенном ими по ту сторону жизни.

– Мы считаем, что призраки – это... призраки, – ответил Дриззт. – И вернувшиеся из мёртвых слишком неуловимы... во всяком случае, те, о которых я слышал. Эти методы были известны среди благородных Домов Мензоберранзана, хотя всем известно, что потянуть душу из объятий Ллос – значит призвать её гнев. К тому же, разве их рассказы – нечто большее, чем просто туманные мечты?

Инновиндиль сжимала его руку, и долгое время молчала.

– Возможно, мы просто так думаем потому, что, отказавшись от этого, мы выберём дорогу, которая приведет нас к падению, к вечному отчаянию. Конечно, есть вещи, которые мы не можем объяснить. И если эта жизнь конечна, то через много лет эльф может осознать, что...

– Что все это – жестокая шутка? – спросил Дриззт.

– Наверное.

Дриззт покачал головой прежде, чем она закончила.

– Если этот момент самосознания короток, – сказал он, – всего лишь вспышка в необъятности всего того, что есть, было и будет, тогда это всё ещё имеет цель и смысл.

– Не только, Дриззт До'Урден, – сказала Инновиндиль.

– Ты знаешь, или хочешь, чтобы так было?

– Я хочу, потому что знаю.

– Верить и знать – разные вещи.

– Как восприятие и действительность?

Дриззт обдумывал сарказм её вопроса некоторое время, после чего улыбнулся, признавая поражение, и одновременно – с благодарностью.

– Я полагаю, что она обрела покой, – сказала Инновиндиль.

– Я слышал о священниках, возрождающих мёртвых, – сказал Дриззт, полностью выдав этим замечанием свою неуверенность и расстройство. – Конечно жизнь и смерть Эллифейн – не обычный случай.

Его обнадёживающий тон исчез, поскольку он повернулся и увидел нахмурившееся лицо своей спутницы.

– Я только подразумеваю...

– Что вина лежит на тебе слишком тяжким грузом, – закончила за него Инновиндиль.

– Нет.

– Ты думаешь о возможности воскрешения ради Эллифейн, или же ради Дриззта До'Урдена? – нажала Инновиндиль. – Хочешь ли ты, чтобы священники исправили твою ошибку, за которую ты до сих пор не можешь себя простить?

Дриззт слегка покачнулся, его пристальный взгляд вернулся к маленькой фигурке, завернутой в одеяло.

– Она обрела покой, – снова сказала Инновиндиль, встав перед ним и заставив смотреть себе в глаза. – Есть заклинания, с помощью которых священники – или даже волшебники – могут говорить с мёртвыми. Возможно, мы сумеем с помощью жрецов Лунного леса установить контакт с духом Эллифейн.

– Ради Дриззта До'Урдена?

– Достойная причина.

Они разбили лагерь перед тем, как отправиться обратно. За горным хребтом на западе бесконечные чёрные волны неустанно бились о вечные камни, насмехаясь над природой смертности.

Инновиндиль использовала ритм шума набегающих волн, чтобы снова спеть свои молитвы, а Дриззт присоединился к ней, словно бы впитывая эти слова, и он почувствовал в них власть, мир и спокойствие, хотя и не знал, доходили ли они до богов или нет.

С приходом утра пара эльфов, перебросив тело Эллифейн через широкий круп Заката, пустилась в обратный путь. Из-за надвигающейся зимы поездка назад обещала быть куда длиннее: теперь приходилось отдавать предпочтение земным тропам.

Орк потерял равновесие, как Тос'ун и ожидал, поскольку тот слишком резко двинул своим тяжёлым палахом. Он использовал эту ошибку врага, чтобы полностью отрезать ему все пути к отступлению, начав внезапный завершающий бросок.

Но дроу резко остановился, поскольку орк неожиданно дернулся. Тос'ун отступил, заинтересованный странным поведением противника, последнего из маленькой группы, которую он заманил в засаду, сделав вид, что споткнулся и упал.

Орк снова дернулся, и Тос'ун двинулся вбок, чтобы отразить атаку, но тут же понял, что это вовсе не нападение. Он вновь отступил, поскольку орк упал, и стали видны две длинные стрелы, торчащие из его спины. Тос'ун же смотрел мимо мёртвой твари, через маленькую лагерную стоянку, на женщину-эльфа с чёрными волосами и бледной кожей, что спокойно стояла с луком в руке.

Без стрелы на тетиве.

Убей её! закричал Хазид'хи в его голове.

Действительно, первая мысль Тос'уна была именно такой. Его глаза вспыхнули, и он чуть было не прыгнул вперёд. Он мог добраться до неё и убить прежде, чем в него полетит первая стрела, прежде, чем она успеет достать из ножен свой маленький меч и приготовиться к обороне.

Дроу не двигался.

Убей её!

Взгляд на лицо эльфийки помог дроу воспротивиться призывам меча и своим собственным инстинктам убийцы.

Даже не успев осмотреться, он уже всё понял. Он в лучшем случае мог сделать один шаг, прежде чем целая туча стрел уложит его на месте. Возможно, два, при условии хорошей скорости и большого везения. Во всяком случае, до эльфийки он бы ни за что не успел добраться.

Он опустил Хазид'хи и возвратил ему поток проклятий, заполняя свой ум страхом и осторожностью. Меч быстро сообразил, чем им это грозит, и поутих.

Эльфийка что-то сказала, но он ничего не понял. Он немного понимал по-эльфийски, но не мог уловить её специфический диалект. Звук со стороны заставил его повернуться, и он увидел трёх стрелков-эльфов, выскальзывающих из теней с луками наготове. С другой стороны появились ещё трое.

Дроу подозревал, что в тени прячется гораздо больше. Он приложил все усилия, чтобы тихо сообщить об этом Хазид'хи.

Меч ответил надтреснутым рычанием.

Эльфийка заговорила снова, но на Общем языке. Тос'ун узнал язык, но понял лишь несколько слов. Судя по всему, она ему не угрожала.

Он попытался улыбнуться в ответ и задвинул Хазид'хи в ножны. Подняв пустые руки, он затем убрал их и пожал плечами. По обеим сторонам от него стрелки расслабились, но лишь ненадолго.

Из теней вынырнул другой лунный эльф, одетый в церемониальные одежды жреца. Тос'ун сперва испытал одно лишь отвращение – среди своего народа его бы назвали еретиком, но заставил себя успокоиться, поскольку тот уже начал жестикулировать, сопровождая пассы мягким пением.

Он накладывает языковые чары, чтобы лучше общаться с тобой, тихо сообщил дроу Хазид'хи.

И чары, чтобы отличить правду от лжи, если его возможности хоть в чём-то сходны с теми, на что способны жрицы Мензоберранзана, заметил Тос'ун.

Как только он закончил свою мысль, то ощутил странное спокойствие, исходящее от разумного меча.

В этом я могу помочь тебе, объяснил Хазид'хи, ощущая его беспокойство. Истинный обман – это полностью достояние разума, даже перед лицом волшебного обнаружения.

– Я должен знать твои цели и намерения, – сказал Тос'уну эльфийский жрец на вполне понятном языке дроу, прервав его беседу с мечом.

Но эта связь не была полностью уничтожена, понял Тос'ун. В его мысли неожиданно проникло небывалое спокойствие, и это полностью изменило тон его голоса, когда он ответил.

И таким образом он прошел через опрос священника, отвечая искренне, хотя прекрасно знал, что не был с ним честен.

Без помощи Хазид'хи его в тот же день пронзил бы десяток стрел.

И куда я должен бежать? – спустя короткое время Тос'ун спросил у меча, – Что я найду за пределами этого лагеря? Тебе нужно, чтобы я охотился на орков ради их гнилого продовольствия, или же вернулся в дебри Подземья, где мне не выжить?

Ты – дроу, ответил меч. Ты стоишь перед ненавистными эльфами, угнетателями твоего народа. И они ничего не подозревают, они даже охрану не выставили, потому что я помог тебе.

Тос'ун не был настолько уверен в этом. Конечно те эльфы, что находились поблизости от него, казались непринужденными. Он мог бы спокойно пройти мимо них. *Но сколько еще их скрывалось в тени?* задавался он вопросом, так чтобы меч мог его слышать.

У Хазид'хи не было ответа.

Тос'ун наблюдал за эльфами, обходившими кругом их лагерь. Несмотря на близость к врагам и на то, что они были на другом берегу реки Сарбрин, на неофициальной территории королевства Обольда, смех звучал почти постоянно. Один запел песню на своём языке, и ритм и мелодия, хотя он и не понимал слов, перенесли мысли Тос'уна назад в прошлое, в Мензоберранзан.

Хочешь, чтобы я выбирал между этими эльфами и уродливыми сородичами Обольда? спросил дроу.

Меч молчал.

Дроу сел, закрыл глаза, позволив себя окружить звукам лагеря эльфов. Он рассматривал открывающиеся перед ним пути, и, действительно, ни один не казался ему подходящим. Он не хотел продолжать путь в одиночку. Он осознавал тяготы и рискованность этой дороги. Рано или поздно король Обольд настиг бы его.

Он вздрогнул, поскольку вспомнил зверскую смерть своей напарницы-дроу, жрицы Каэр'лик. Обольд вырвал ей горло.

Мы можем победить его, прервал Хазид'хи. Ты можешь убить Обольда и захватить власть над его армией. Его королевство будет твоим!

Тос'ун лишь огромным усилием воли заставил себя не засмеяться в ответ, но его скептицизм и так неплохо успокоил разволновавшийся меч. С Хазид'хи или без него, Тос'ун по своей воле ни за что бы не выступил против могучего короля орков.

Дроу снова рассматривал возможность отступления в Подземье. Он помнил дорогу, но сумеет ли он добраться до Мензоберранзана живым? От простой мысли об этом его снова бросало в дрожь.

Всё это заставило его остаться с эльфами. Ненавистные поверхностные эльфы, исконные враги его народа – мог ли он действительно найти себе место среди них? Он хотел убить их всех почти так же сильно, как и его вечно голодный меч, но он понимал, что поддайся он импульсу, и он лишится последнего выбора.

Действительно ли я найду свое место среди них? спросил он свой меч. *Может ли Тос'ун Армго стать следующим Дриззтом До'Урденем, выбравшимся из Подземья и живущим в мире с обитателями поверхности?*

Меч не отвечал, но дроу ощутил, что тот не был удивлён. Тос'ун позволил своим собственным мыслям следовать в этом направлении. На что могла бы походить его жизнь, если он бы жил и сражался вместе с поверхностными эльфами? Он следил за женщиной-эльфом и думал, что это не было такой уж безнадёжной идеей. В конце концов, среди поверхностных эльфов, в отличие от того матриархального общества, в котором он жил, он не был бы ограничен принадлежностью пола.

Но будет ли ему мешать чёрный цвет его кожи?

«Дриззт» – напомнил он себе. Из всего, что он узнал, Тос'ун понял, что Дриззт неплохо уживался не только с поверхностными эльфами, но даже с дварфами.

Может ли быть так, что Дриззт До'Урден проложил путь, которому мог бы последовать и я?

Ты ненавидишь этих эльфов, ответил Хазид'хи. Я чувствую твою ненависть. Но это не означает, что я не могу принять их гостеприимство.

Ты прекратишь борьбу?

Тос'ун снова почти рассмеялся вслух, поскольку понял, что единственной вещью, о которой заботился Хазид'хи, были новые и новые жертвы, пронзаемые его великолепным лезвием.

Вместе с ними я буду и дальше убивать уродливых родичей Обольда, пообещал он, и меч, казалось, успокоился.

А если я жажду крови эльфа?

В своё время, ответил Тос'ун. *Когда я устану от них, или найду другую, более многообещающую дорогу...*

Это было, конечно, весьма ново и очень рискованно. Дроу ни в чем не мог быть до конца уверен, но, во всяком случае, в его нынешнем положении он мог выбирать, а внутренний диалог и возможности, которые он видел перед собой, были весьма приятны. И на данный момент этого было вполне достаточно.

Дриззт стоял, уперев руки в бока и с недоверием смотря на указатель:

*Берегись! Остановись!
Ты стоишь на границе Королевства
Обольда Многострельного.
Уходи или умри!*

Надпись была сделана на многих языках, включая эльфийский и Общий, и это, на первый взгляд, простое сообщение очень о многом говорило Дриззту и Инновиндиль. Больше месяца они потратили на то, чтобы пересечь огромную, заваленную снегом пустошь и оказаться на той самой тропе, где в прошлый раз видели строящихся ворота орков. Ворота стояли в тридцати метрах к северу, являя собой образец строительного искусства. При виде их даже дварф мог бы кусать локти от зависти.

– Они не уходят. И они по-прежнему едины, – сказал Дриззт.

– И они объявили своим королём Обольда, а королевство назвали его прозвищем, – добавила Инновиндиль. – Кажется, мечта этого необычного орка пережила его самого.

Дриззт покачал головой, хотя у него не было никаких доводов против её очевидного наблюдения. Однако для него это просто не имело смысла – он не привык ждать подобного от орков.

Немного погодя, Инновиндиль добавила.

– Сегодня ночь будет холоднее, надвигается буря. Поедем дальше.

Дриззт кивнул, по-прежнему думая об указателе и его надписи.

– Мы сможем добраться до Мифрилового Зала до захода солнца? – спросил он.

– Я хочу пересечь Сарбрин, – сказала Инновиндиль, заставив Дриззта оглянуться на фигуру Эллифейн, привязанную к спине Заката, – Если не возражаешь, сначала нам стоит отправиться в Лунный лес.

Погода пока держалась, и солнце светило ярко, хотя на северо-востоке собрались чёрные облака. Эльфы быстро преодолели путь до Долины Хранителя, промелькнув мимо западных дверей владений короля Бруенора. Оба с облегчением вздохнули, увидев ворота нетронутыми и закрытыми.

Они облетели вокруг южного склона самой высокой горы на границе обиталища дварфов, затем мимо стены и моста, который был построен к востоку от

подгорного комплекса. Несколько часовых-дварфов признали их лишь спустя мгновение паники, и Дриззт помахал в ответ, услышав, как они выкрикивают его имя.

Они пролетели над широкой рекой, чьи серые волны по-прежнему текли быстро и яростно, несмотря на частично сковавший их лед, и приземлились. От путников исходили длинные тени.

Здесь можно было вздохнуть свободно. Солдаты Обольда не появлялись. Едва путешественники разожгли костёр, как с неба начал валить снег. Вскоре их обнаружил патруль эльфов, родичей Инновиндиль, обходящих свои южные границы

Это была радостная встреча. Эльфы пели и танцевали, и подключившийся к веселью Дриззт искренне улыбался.

Буря становилась сильнее, над деревьями завывал ветер, однако это не могло помешать укрывшимся за стеной сосен эльфам отпраздновать возвращение Инновиндиль и испытывать мрачное удовлетворение от того, что заблудшая Эллифейн наконец вернулась домой.

Вскоре Инновиндиль поведала о путешествии, делясь с родичами своим удивлением и разочарованием от того, что орки после падения короля не вернулись назад в свои тёмные норы.

– Но Обольд не мёртв, – сказал один из эльфов, и Инновиндиль с Дриззтом замерли, поражённые.

Другой эльф вышел вперед, сказав:

– Мы нашли твоего соплеменника, Дриззт До’Урден. Он охотился на орков, как и ты когда-то. Его зовут Тос’ун.

Дриззту показалось, что ветер, едва пробирающийся сквозь толстые сосновые ветви, стих окончательно. Он убил двух других тёмных эльфов в борьбе против вторгшейся армии Обольда, и видел по крайней мере ещё двоих во время сражения с королём орков. Фактически, одна из тех дроу, жрица, вызвала волшебное землетрясение, которое сбросило Дриззта и Обольда вниз, причём дроу удачно успел зацепиться за уступ, а вот король рухнул на самое дно ущелья, и там должен был встретить свой конец. Мог ли этот Тос’ун быть одним из тех, кто наблюдал за его схваткой с Обольдом?

– Обольд жив, – снова сказал эльф. – Он выжил после того падения.

Дриззт не хотел верить, что это возможно, но что ещё ему оставалось думать, глядя на единую и организованную орочью армию?

– Где этот Тос’ун? – спросил он голосом, больше напоминающим шёпот.

– На том берегу Сарбрина, к северу отсюда, – ответил эльф. – Он сражается вместе с Албондизлем и его отрядом, и по всем донесениям бьётся хорошо.

– Вы слишком гостеприимны, – заметил Дриззт.

– У нас были на то серьёзные причины.

Но Дриззта это едва убедило.

Он сейчас в Лунном лесу, напомнил Хазид’хи Тос’уну холодным, морозным утром.

Они передвигались вдоль берега Сарбрина по северным окраинам недавно объявленного Многострельного Королевства орков, к югу от восточных пиков Хребта Мира. Дроу попытался проигнорировать замечание меч, но его мысли тут же

вернулись назад к тому моменту, когда Синнафейн сказала ему, что Дриззт До'Урден вернулся с запада и остановился в Лунном лесу.

Он видел тебя в тот день, когда сражался против Обольда, предупредил Хазид'хи. Он знает, что ты был заодно с орками.

Он видел двоих дроу, поправил Тос'ун. И издалека. Он не может знать наверняка, что это был я.

А если знает? Его глаза куда привычнее к яркому солнечному свету, чем твои. Нельзя его недооценивать. Он сразил двух твоих товарищей. Ты не знаешь того, что он вытянул из них перед тем, как убить.

Тос'ун отодвинул меч подальше, уставившись на кольцо окружавших маленькую пещерку валунов, где он отдыхал с эльфами предыдущей ночью. Он подозревал, что Дриззт был причастен к смерти Доннии Сольду и Аднона Кариза, но подтверждение меча просто потрясло его.

Ты хочешь отомстить за них? спросил Хазид'хи. Что-то в тоне меча вынудило его признать всё безумие этой авантюры. По правде говоря, Тос'ун никогда не пылал желанием сразиться с легендарным отступником, который перевернул вверх дном весь Мезоберранзан. Каэр'лик боялась, что Дриззт был фактически в фаворитах у Ллос, поскольку всюду, где бы он ни появлялся, возникал хаос. Но даже если это и было всего лишь домыслами, репутация дроу-изгнанника всё равно вызывала у Тос'уна дрожь.

Удастся ли ему провести Дриззта, или же тот попросту его убьёт?

Хорошо, промурлыкал Хазид'хи. Ты понимаешь, что это не тот бой, который ты готов вести. Меч заставил его взглянуть на Синнафейн, что сидела на скале неподалеку и смотрела на долину, раскинувшуюся под ней.

Убей её быстро и дай нам шанс скрыться, предложил Хазид'хи. *Других поблизости нет, или же они медитируют, и ни один из них не успеет помешать нам исчезнуть.*

Несмотря на все свои сомнения, рука Тос'уна тут же оказалась на рукояти меча, однако он почти сразу отпустил её.

Дриззт не убьёт меня. Я могу отговорить его. Он примет меня.

По крайней мере, он потребует, чтобы ты вернул ему меня, сказал Хазид'хи, *Чтобы он мог отдать меня той человеческой женщине.*

Я этого не допущу.

И как ты ему помешаешь? Как сможешь отвечать на вопросы жрецов, если меня не будет рядом?

Мы уже закрыли эту тему, ответил дроу.

Нет, если я предам тебя, предупредил меч.

Тос'ун вздохнул, понимая, что попался. Ему не очень-то хотелось идти одному, навстречу зимнему холоду, и он не знал, что сказать мечу.

Но при этом он не желал отдавать Хазид'хи ни Дриззту, ни кому-либо другому. Тос'ун понял, что его навыки борьбы улучшались благодаря обучению меча, и мало какое другое оружие в мире обладало столь же совершенным лезвием. Однако он не сомневался относительно замечания Хазид'хи в том, что ещё не готов дать отпор воину, равному Дриззту До'Урдену.

Едва заметными шагами дроу подошел к Синнафейн сзади.

– Сегодня прекрасный день, из-за ветра придётся укрыться в пещере, – сказала она, и Тос'ун понял большинство слов и их значение. Он был способным учеником, и язык эльфов не так уж отличался от тёмноэльфийского. Между ними было много похожих слов и корней, и структура тоже была идентична.

Она повернулась к нему лицом, прежде, чем он ударил.

Мир перевернулся перед глазами Синнафейн. Она лежала на камне, и дроу стоял над ней, а острие его смертоносного клинка касалось её подбородка, заставив эльфийку выгнуть шею.

Убей ее! потребовал Хазид'хи.

Мысли Тос'уна заметались. Он хотел погрузить свой меч в её горло и пронзить голову. Или, возможно, стоило взять её в заложники? Она могла бы оказаться ценным козырем, и вдобавок предоставить ему массу приятных мгновений, пока он, разумеется, её не убьёт.

Только зачем?

Убей ее! раздался в голове крик Хазид'хи.

Тос'ун отодвинул лезвие назад, и Синнафейн смотрела на него, наклонив подбородок. Страх в её синих глазах доставлял ему удовольствие, и он бы задержал меч, только чтобы дать ей немного надежды, прежде чем проткнуть горло.

Но зачем?

Убей её!

– Я тебе не враг, но Дриззту этого не понять, – Тос'ун услышал свои собственные слова, но он знал её язык ещё настолько плохо, что лицо Синнафейн исказилось, когда она попыталась понять.

– Я тебе не враг, – медленно, тщательно выговаривая каждое слово, сказал он. – Дриззт не поймёт.

Он расстроено покачал головой, наклонился вниз и, достав оружие беспомощной эльфийки, отшвырнул его прочь. Он вздёрнул Синнафейн на ноги и повел её прочь, приставив Хазид'хи к её спине. Он несколько раз оглянулся на пещеру, прежде чем понял, что преследования не будет.

Он развернул Синнафейн и заглянул ей в глаза.

– Я тебе не враг, – повторял он снова и снова.

А затем, к великому неудовольствию Хазид'хи's, Тос'ун Армго умчался прочь.

– Это меч Кэтти-бри, – догадался Дриззт, когда несколько дней спустя после возвращения в Лунный лес Синнафейн рассказала ему о Тос'уне. – А тот дроу был одним из тех двоих, что я видел, когда боролся с Обольдом.

– Заклинания правды не обнаружили его ложь, или любое преступное намерение, – заспорил Синнафейн.

– Он дроу, – вставила Инновиндиль. – Эта раса полна всяческих уловок.

– Но он же не убил меня, – простой ответ Синнафейн смягчил большую часть веса этого аргумента.

– Он был с Обольдом, – снова сказал Дриззт. – Я знаю, что несколько дроу помогали королю орков, подстрекая его к нападениям.

Он посмотрел на Инновиндиль, что кивала, соглашаясь.

– Я найду его, – пообещал Дриззт.

– И убьёшь? – спросила Синнафейн.

Дриззт промолчал, но лишь потому, вовремя сумел сдержать слово «Да».

– Ты понимаешь, что это вообще такое? – спросил Инновиндиль жрец по имени Джаллинал. – Что такое привидение?

– Дух с незаконченными земными делами, – ответила Инновиндиль, хотя и не без дрожи в голосе. Священники не согласились бы на такой ритуал просто так. Обычно привидения были очень редкими, беспокойными душами, отошедшими в мир иной посреди жизни и не успевшими завершить начатое. Но Эллифейн не была такой. Тем не менее, эльфийские жрецы верили, что в любом случае будет лучше, если они хотя бы на время смогут *создать* привидение Эллифейн, что было делом почти неслыханным. Они были убеждены в своём решении, но, тем не менее, несмотря на всю их веру, Инновиндиль беспокоилась. Хотя свой выбор она уже сделала.

– Воплощение не очень болезненно, – уверил ее Джаллинал. – Физически. Но это весьма неприятно. Ты уверена, что справишься?

Инновиндиль вздохнула и оглянулась назад в сторону деревянной хижины, где сейчас был Дриззт, и её уверенность окрепла. Она готова была пойти на это ради дроу, которого полюбила, как самого дорогого друга. Она понимала, что он нуждается в этом – так же, как и Эллифейн.

– Давайте закончим с этим и наконец-то сможем спать спокойно, – сказала Инновиндиль.

Джаллинал и другие жрецы начали ритуал, а Инновиндиль откинулась на разложенные на полу подушки и закрыла глаза. Волшебство проникло в неё мягко, бережно открывая путь к духу, который вызвали священники. Её сознание дремало, мысли словно проникали из сознания её погибшей подруги, и она видела и слышала все, отражённое из сознания Эллифейн.

Она знала, что Эллифейн была там, рядом с ней, и когда её тело приняло положение сидя, это было волей Эллифейн, не Инновиндиль.

Инновиндиль заметила кое-что ещё: хотя Эллифейн находилось в её теле, бок о бок с её собственным духом, она была совсем другой: спокойной и безмятежной; в её душе впервые царило умиротворение. Мысли Инновиндиль тут же подвергли сомнению это изменение, и Эллифейн ответила воспоминанием о своём отдалённом прошлом, ясно возникшим в её сознании.

Оно было смутным и очень далёким. В воздухе витали вопли ужаса и предсмертной агонии.

Она чувствовала тепло, влажное тепло, и знала, что это было кровью.

Небо вращалось над ней. Она упала на тело женщины, что держала её... Конечно же, это же мать Эллифейн!

Ум Инновиндиль проносился через все эти видения, запутавшийся и разбитый. Даже ухватиться было не за что. И вот тогда она сосредоточилась на единственном ясном изображении, что возникло перед ней: глаза цвета лаванды.

Инновиндиль знала эти глаза. Она смотрела в те же самые глаза в течение многих месяцев.

Мир стал еще более тёмным, тёплым и влажным.

Видение исчезло и Инновиндиль поняла, что в загробной жизни Эллифейн показали правду о действиях Дриззта До'Урдена той ужасной ночью. Эллифейн показали её ошибку в её ненависти к этому тёмному эльфу, в отказе верить его подвигам, о которых ей доводилось слышать, в её роковом падении на него.

Тело Инновиндиль встало и вышло из хижины, направляясь туда, где находился Дриззт. Она вошла к нему, даже не постучавшись, и увидела дроу, смотревшего на неё со смешанным выражением любопытства и признательности.

Она шагнула вперёд и встала перед ним на колени. Она смотрела в его лавандовые глаза, те же самые глаза, которые она, Эллифейн, видела так давно, в

ночь убийства её матери. Она подняла руку, коснувшись его щеки, а потом и вторую, так, чтобы держать его лицо, прямо глядя на него.

– Инновиндиль? – спросил он, и в его голосе послышалось сомнение.

– Эллифейн, Дризт До’Урден, – Инновиндиль услышала её ответ. – Та, кого ты знал как Лелоринеля.

Дризт с трудом смог дышать.

Эллифейн потянула его голову вниз и поцеловала в лоб, а потом ещё долго не отпускала.

Потом она отодвинулась на длину вытянутых рук, и Инновиндиль ощутила медленно скатывающиеся по щекам слёзы.

– Я теперь всё знаю, – прошептала Эллифейн.

Дризт кинулся к ней и сжал её руки. Он шевелил губами, как будто хотел что-то сказать, но никакие слова не шли ему на ум.

– Я теперь всё знаю, – повторила Эллифейн. Она кивнула ему и поднялась на ноги, а затем вышла из хижины.

Инновиндиль чувствовала всё это совершенно ясно. Её друг наконец обрёл покой.

Дризт улыбался искреннее, чем когда-либо раньше, и слёзы на его щеках были слезами радости и удовлетворения.

Он знал, какая беспокойная дорога ждёт впереди его и его друзей. Орки всё ещё нависали над ними тёмной тучей, к тому же, он пообещал разыскать тёмного эльфа, владеющего смертоносным Хазид’хи.

Но этим утром все проблемы казались ему намного менее внушительными, и когда Инновиндиль, освободившаяся от присутствия духа, пришла к нему и заключила его в объятия, он чувствовал себя так, словно ничто во всем мире не могло быть плохо.

Дризт До’Урден верил в своих друзей, а теперь, обретя прощение и спокойствие Эллифейн, вновь смог поверить в себя.

ЕСЛИ БЫ ОНИ НАТКНУЛИСЬ НА МОЁ ЛОГОВО

*Изначально опубликован в сборнике «Драконы: миры в огне»
Wizards Of The Coast, 2006*

Много лет назад Маргарет Уэйс и Трэйси Хикмэн подали идею о том, чтобы каждому из нас, т.е. мне, Маргарет в паре с Трэйси, и Эду Гринвуду, написать книгу совместно. Каждый напишет по роману с участием своих собственных персонажей, которые должны пройти одни и те же испытания. Мне это казалось весёлой забавой, но по тем или иным причинам идея так и не воплотилась в жизнь.

И когда я вёл переговоры о книге «Драконы: Миры в огне», я уже почти охладел в этой затее. «Если бы они наткнулись на моё логово» был в ней единственным произведением, написанный мною, и должен признать, что мне нравится формат романа намного больше, чем формат короткого рассказа. Я всегда был поклонником романа Фрица Лейбера, а «Мёртвые» Джеймса Джойса является моим самым любимым произведением.

Поскольку проблемы, с которыми сталкивались наши персонажи, оказались в итоге разными, я смог снова вернуться к своим любимым злодеям, Энтрери и Джарлакслу.

Хоть они не участвуют в этом рассказе, происходящие в нём события определённо связаны с их приключениями в Ваасе и Дамаре, и вышло так, что снова я написал приложение к романам.

Я обожаю земли Кровавого Камня с тех пор, как прочёл игровые модули Дугласа Найлза. Многие персонажи, появившиеся в «Заклятии Короля-колдуна», произошли из этих модулей, и это не случайность. Я написал справочник по этому региону игры AD&D, и хотел внедрить мой «Монаший квинтет» в эти земли (но Монаший квинтет стал Клерикальным, и отправился на другие просторы Королевств). Вдобавок меня заинтриговал Король-колдун Женги – в основном потому что, насколько мне известно, в дни TSR была одна местная шутка по поводу создания лича, но никто меня в неё не посвятил.

Я лихо позабавился с драконами в «Свече без фитиля», так что мне было вполне комфортно, когда я выпустил этих созданий на главную сцену данного рассказа. Но то, что я взялся за драконов, вовсе не означает, что я не могу продолжить своё изучение другой темы, так заметно выделяющейся в Легендах о Дриззте: бессмертие.

«Драконы живут в Забытых королевствах давно, но как давно?» задаю себе я вопрос. Я то и дело слышу, как люди говорят: «Не хотел бы я жить вечно!», но я не очень-то им верю – не всем, во всяком случае. Уверен, для кого-то такое определение, как «когда мы избавим себя от этой мирской суеты, придут сны» представляется вполне искренним, и таково оно и останется до конца его дней. Думаю, многие могут так утверждать, но когда наступает момент истины, они отрекаются от своих убеждений, будто это что-то изменит.

Таково обещание Короля-колдуна, таково обещание вампиров и самых ярых приверженцев религии. Многое из того, что мы делаем в жизни, имеет отношение к страхам загробной жизни (или надежде на то, что она есть) или отсутствию таковой. Это дилемма разумных, мыслящих существ, вечный вопрос бытия или большая шутка. Есть ли нечто более значимое, чем мирская суета? Представляем ли мы собой нечто большее, чем случайную молекулярную комбинацию?

Дриззт утверждает, что его не беспокоят жалкие проблемы существования, потому что он знает, он реально осознаёт, что однажды умрёт. Как часто мы слышим, как выживший после тяжелой болезни утверждает, что эта болезнь – величайшее благословение его жизни, потому что заставляет задуматься о

настоящем, напоминая, что каждый прожитый день — это и есть благословение.

Умереть, заснуть,

И спать, и может даже видеть сон?

В том камень преткновения.

Даже для драконов.

ЕСЛИ БЫ ОНИ НАТКНУЛИСЬ НА МОЁ ЛОГОВО

(перевод – Unnamed, Gjallarhorn)

– Вёдра наполни, рыбы налови, – ворчал Ринго Хеффенстоун, дварф, обладавший исключительно широкими, даже для дварфа, плечами и большой квадратной головой. В группе дварфов, рискнувшей отравиться в грязные земли северо-восточной Ваасы, Ринго заметно выделялся отсутствием бороды. Неудачное столкновение с гномьим огненным снарядом несколькими годами ранее на холмах северо-западной Дамары, южной и более цивилизованной территории, соседствующей с Ваасой, оставило участок обезображенной шрамом кожи на подбородке Ринго, на котором не росли волосы.

Этот шрам безусловно огорчал дварфа, но с присущей ему практичностью и стоицизмом Ринго просто перестал обращать на него внимание, и соответствующим образом подравнял растительность на лице. Больше Ринго ничто не беспокоило.

Само собой он мог брюзжать и ворчать, как и любой другой дварф по поводу всякой унижительной работы, как, например, его нынешние обязанности водоноса в отряде дварфов, но, в конечном счёте, высказав вслух все свои мысли, он почувствовал себя намного легче.

Он вышел на берег пруда. Его друзья в паре сотен шагов позади прикладывались к пиву и с возрастающей громкостью пересказывали свои самые бурные приключения.

Услышав взрыв безудержного смеха, Ринго почувствовал досаду и посмотрел на юг. Они находились недалеко от Палищука, города полуорков. Собственно говоря, они уже там побывали, спокойно переночевав в таверне. Полуорки с радостью приняли членов отряда и их монеты. И хотя полуорки не были врагами дварфов, отряд решил по возможности миновать палищукцев. Ринго и остальным не особенно нравился запах его обитателей. Несмотря на то, что поведение полуорков больше соответствовало их человеческому происхождению, всё же у них сохранялся присущий их чистокровным сородичам специфический запах.

Очередной взрыв смеха заставил Ринго обернуться и посмотреть на лагерь. Когда несколько подвыпивших друзей безуспешно попытались утихомирить наиболее громко гоготающих компаньонов, Ринго покачал головой.

Он повернулся обратно к пруду, свежему водоёму, который образовывался каждую весну и лето, когда промёрзшая тундра оттаивала. Он заметил движение рыбок, мелькавших в полосах тени и света, и вновь покачал головой, поражаясь их способности выживать в таких условиях. Если они смогли выжить во время продолжительной вааской зимы, в тени самого Великого Ледника, то, как он мог прийти сюда с намерением поймать их?

– Ба, вы ещё живы, маленькие рыбки, – произнес дварф. – Вы одержали победу над этим местом и старый Ринго не столь бессердечен, чтобы убить вас и съесть.

Он потянулся и снял кусочек своего обеда, большой мякиш хлеба, с левой стороны усов. Он оставлял его себе напоследок, но вместо этого взглянул на него и бросил мякиш рыбкам.

Дварф улыбнулся, когда одна из них схватила мякиш, потревожив поверхность воды. Тут же подплыло ещё несколько, издавая булькающие звуки и производя круги ряби на воде.

Ринго некоторое время наблюдал за этим представлением, затем взял одно из своих вёдер и поднёс к кромке воды. Он встал на колени и наклонил ведро к полоске тени, намереваясь его наполнить.

Как только он стал доставать ведро обратно, нахлынула волна, и вода из ведра

выплеснулась, намочив дварфу руки и волосатые предплечья.

– Ба! – фыркнул Ринго, отступая от ледяной воды.

Он упал на пятую точку лицом к пруду и поджал ноги так, чтобы их не окатило холодной волной. Его взгляд устремился на воду, где образовалось ещё больше кругов, и их восточные гребни катились к нему.

Ринго почесал голову. Пруд был небольшим, ветер слабым. Поблизости не было холмов, откуда с вершины могли бы упасть камень или дерево. Не видел он и тени падавшей птицы.

– Волны?

Дварф встал, уперев руки в бока, как только вода успокоилась. Взгляд, брошенный в сторону, показал ему, что рыба исчезла.

Вода замерла, и волосы у Ринго на загривке встали дыбом от нервного предчувствия.

– Давай поскорее там с водой! – позвал один из дварфов в лагере.

Ринго знал, что должен крикнуть им об опасности или повернуться и побежать в лагерь, но он стоял, уставившись на замершую воду тёмного водоёма. Тонкий солнечный луч пробивался сквозь облака на западе и отбрасывал полосы света на гладкую поверхность пруда. Он знал, что за ним наблюдают. Он знал, что должен потянуться и отстегнуть свой тяжёлый деревянный щит и боевой топор. Ведь он был воином, закалённым годами походов и сражений.

Но он стоял и смотрел. Ноги не реагировали на его призывы вернуться в лагерь, руки не слушались его безмолвных криков выхватить оружие и щит.

Он видел огромную тень под поверхностью воды вдали от берега, чёрное пятно в серой глубине. Ничто не нарушало покой водной глади, но Ринго инстинктивно понял, что тёмная фигура поднимается из глубин.

Столь плавно, даже не создавая волн, из поверхности пруда в десяти метрах от берега возникла пара рогов. Рога продолжали подниматься вверх на полтора метра ... два ... и вот меж ними появилась чёрная макушка головы рептилии.

Ринго начало трясти. Руки сползли с боков и безвольно повисли.

Он понимал, что происходит, но разум отказывался в это верить, не давая ни закричать, ни убежать, ни схватить оружие, несмотря на всю его бесполезность.

Рога поднимались выше, и прямо вслед за ними из-под воды показалась чёрная голова. Он увидел ряды остроконечных пластин, чёрных, как мрак пещеры, покрывавших голову чудища бронёй лучшей, чем любой кузнечный мастер дварф мог бы изготовить. Затем он увидел глаза – жёлтые зрачки, как у ящерицы – и чудище остановилось.

Он знал, что внушавшие ужас глаза тоже смотрели на него и знали о его присутствии задолго до того, как чудище себя показало. Они впились в него, окружая своим внутренним светом, сиявшим отчётливо, будто луч сигнального фонаря.

– Скорее там с водой! – крикнули снова.

– Я хочу попить и отлить, пока не стемнело.

Но ответа не поступило.

– Ринго?

– Скалонос, ты болван! – присоединился другой дварф, используя прозвище, которое они дали их главному носильщику.

Шутливое оскорбление не достигло разума Ринго, его мысли были захвачены внушающими ужас глазами рептилии.

«Бежать!» беззвучно кричал Ринго себе и остальным.

Но ноги будто глубоко увязли в засасывающей грязи. Он не побежал, когда вода, мягко расступившись, открыла сужающуюся длинную морду, такую же длинную, как и его тело, только изящную и грациозную. Из воды показались

раздувающиеся ноздри, из которых выходил пар. Затем появилась огромная пасть. Вода с обеих сторон стекала по зубам – клыкам, размером с ногу бедного дварфа. Над серой поверхностью водоёма поднялась голова и с застрявших между зубами водорослей, свисавших из пасти, сбегали капли воды.

Как только это произошло, чудище двинулось вперёд медленно и тихо, так что буквально через несколько мгновений голова дракона возвышалась над парализованным дварфом в каких-то трёх метрах от илистого берега.

Дыхание Ринго перешло в короткие вдохи. Его собственная голова, захваченная силой внушавших ужас глаз рептилии, опрокинулась назад, когда голова чудища поднялась на чешуйчатой змеиной шее. Дракон медленно покачнулся, и Ринго покачнулся вместе с ним, совершенно не отдавая себе в этом отчёта.

Великолепен, подумал он, не в силах сопротивляться мощи и грации змея.

Было что-то сверхъестественное, какая-то сила, свободная от известных простым смертным ограничений, что-то богоподобное и находящееся за пределами чувств дварфа. Мысли о том, чтобы поднять оружие против столь величественного существа, испарились. Как он мог позволить себе бросить вызов богу? Кто он такой, чтобы даже осмелиться просить такое существо считать его достойным битвы?

Прикованный к месту, зачарованный, поражённый мощью и красотой, Ринго едва заметил движение, змеиную скорость удара, когда голова дракона метнулась вперёд, и челюсти распахнулись и сомкнулись на своей жертве.

Дракон находился в заводи, методично покачиваясь.

Было темно.

Больше Ринго ничего не знал.

– Ба, Скалонос, ты там будешь шевелиться? – простонал Нордвиннил Молотобой, сидевший со скрещенными ногами у костра. Он начал подниматься. – Мои губы уже...

Слова застряли у Нордвиннилла в горле, когда он обернулся посмотреть на пруд и Ринго... или пару ног-половинок от колен до пят, стоявших в сапогах Ринго там, где только что был сам Ринго. Зрачки Нордвиннилла расширились, челюсть отвисла, когда одна из этих ног опрокинулась и со шлепком упала в грязь.

– Да, у меня уже горло... – произнес другой дварф и также внезапно оборвал собственную фразу, как только повернулся в сторону пруда и увидел гигантского чёрного дракона, притаившегося в воде недалеко от берега.

Чудище чавкнуло, и одна из рук Ринго со всплеском упала в воду.

– Д-д-д-д-дракон! – завопил Нордвиннил.

Он попытался броситься в сторону, но повернулся так резко, что ноги перекрутились, и он рухнул головой прямо в палатку позади себя. Пока он молотил руками и ногами, пытаясь выкарабкаться, остальные дварфы стали кричать. Он услышал глухой удар и узнал в нём звук, с которым по деревянному щиту демонстративно бьют топором.

Земля задрожала, когда чудище вышло из пруда, и Нордвиннил задёргался сильнее, ещё больше запутавшись в брезенте.

Его ушей достигли другие крики, вопли ужаса и вызывающий рык. Он услышал звук спускового рычага арбалета и последовавший за ним резкий щелчок вылетевшего болта, шипение змея, оборвавшийся крик арбалетчика и небрежный хруст смыкающихся клыков дракона, перекусившего дварфа пополам.

Нордвиннил поджал ноги и пополз вперёд, когда дождь из дварфийской крови окропил его вместе с брезентом.

Наконец он вылез с противоположной стороны и стал пробираться дальше, ползя на четвереньках.

Комок в горле не дал ему закричать, когда он слышал вопли ужаса товарищей позади. У него не хватало мужества оглянуться назад, и он чуть не потерял сознание от страха, когда почувствовал шлепок по спине.

Но это был дварф, старый добрый Перджисс МакРингл, схвативший его за шиворот и потащивший за собой.

Старый добрый Перджисс! Перджисс не оставил его.

Пока друг тащил его, Нордвиннил умудрился подтянуть под себя ноги и встать. Они побежали. Или скорее попытались, потому что земля задрожала так, будто началось землетрясение. Дракон наступил на ещё одного дварфа, втапывая беднягу в мягкую землю. Перджисс и Нордвиннил споткнулись, упали и отчаянно пытались подняться на ноги.

Нордвиннил обернулся назад, и в тот же момент дракон посмотрел в их сторону. Внушавшие ужас глаза обездвижили дварфа.

– Ну же, вставай, болван! – закричал Перджисс, но Нордвиннил не мог пошевелиться.

Перджисс оглянулся, когда дракон широко раскрыл огромные кожистые крылья, закрывая их безупречной чернотой остатки дневного света.

– О, боги, – едва выговорил Перджисс.

Голова дракона метнулась вперёд всего на пару метров, челюсти раскрылись и оттуда вылетели брызги чёрно-зелёной кислотной слюны.

Нордвиннил и Перджисс подняли перед собой руки, пытаясь защититься от смертоносного дождя, но липкая, обжигающая субстанция покрыла их полностью.

Они кричали. Кислота сжигала их. Оба были сожжены настолько, что любой, кому случилось бы наблюдать эту сцену, не смог бы понять, где начинался Перджисс и где заканчивался Нордвиннил.

И вновь над неподвижным прудом недалеко от Палищука наступила тишина. С интересом наблюдавшие за происходящим грифы не осмелились издать ни звука.

Он был Казимилом-уршулой-келлоакизиляном. Он был Уршулой, чёрным змеем Ваасы, Чудищем Болот, погибелью для всех, кто пытался принести цивилизацию в эти неукротимые земли. В молодости он стирал с лица земли целые деревни. Он так разрушал города, что посещавшие те места впоследствии не могли даже сказать, что некогда там были строения.

Племена гоблинов платили ему дань, совершали жертвоприношения и наносили его изображение на свои тотемы.

В молодости, столетия назад, Уршула господствовал на территории от гор Галены на юге и вплоть до восточной границы основания Великого Ледника, очерчивающего северный край Ваасы.

Но с возрастом его пыл угас. Возраст принес удовлетворённость и груды сокровищ, запах и вкус которых – как и магическая энергия – создавали блаженное ложе. Очень редко дракон выбирался из мягкого торфа и холодных камней своего подземного логова.

Время от времени, однако, запах свежего мяса, дварфа, человека, орка или даже случайного эльфа, доносился до него, и когда он сопровождался звоном магии

и металлическим вкусом монет, Уршула просыпался.

Он сидел перед своими трофеями, все дварфы были убиты и съедены. Его передние лапы, столь смертоносные и вместе с тем изящные, перебирали сокровища, в то время как он размышлял, понравился ли ему больше вкус сырого дварфа, как тот, что был убит первым у пруда, или же сожжённого кислотой, как парочка неподалёку. Большой раздвоенный язык выскальзывал меж клыков, пока он обдумывал варианты, в поисках кусочка-другого, чтобы помочь своим внутренним дебатам.

В скором времени все ценные вещи были сложены в один мешок. Он подцепил его одним когтем и обратил свои чувства на юг, откуда доносился едкий запах орка. На самом деле Уршула уже не был голоден, да и мысли о сне были довольно притягательны, однако он расправил огромные кожистые крылья и поднялся вверх на задних лапах, вытягивая свою змеиную шею, позволявшую ему видеть далеко на юг.

Глаза дракона сузились, как только он заметил столб дыма, поднимающийся от отдалённого города. Конечно, он знал о поселении, он слышал, как его начинали строить, но никогда не придавал ему особого значения. Запах орков был сильным, но, как известно, последние не были богаты ни магией, ни монетами.

Дракон оглянулся на пруд и посмотрел на туннели под тёмной водой, ведущие к его дому. Затем обратил взгляд на юг и снова согнул крылья.

Все еще держа мешок, Уршула подпрыгнул в воздух.

Огромные крылья развернулись параллельно земле с лёгким наклоном и поймали под собой воздух, поднимая змея вверх. Он смотрел на город с высоты, и был удивлён его размерами. Не одна тысяча жителей обитала в нём, во всяком случае, так казалось из-за стен, протянувшихся далеко и широко на юг. Внутреннее пространство было усеяно десятками строений, некоторые из них были большими и многоэтажными.

В звере поднялась волна ненависти. Уршула почти поддался порыву и ринулся вниз, взбешённый дерзким вторжением. Как они посмели построить такое на его земле!

Однако затем он услышал звуки горнов и увидел чёрные точки – стражей отдаленного города, карабкающихся по стенам.

Когда-то однажды Уршула напал на этот город – не на поселение, а на обустроенный и защищённый город.

Крыло, правая задняя нога и нижняя часть туловища всё ещё ныли от воспоминаний о той жгучей боли.

Тем не менее, эти чужаки не могли остаться безнаказанными.

Уршула поднялся выше в темнеющее небо. Он издал рёев, желая, чтобы его нападение предшествовало ужасу.

Пройдя сквозь облака, он выровнялся и представил себе этих жалких глупцов, выстроившихся вдоль городской стены и в отчаянии всматривающихся в небо.

Некоторое время он летел на юг и затем нырнул. Всей своей мощью устремившись вниз, он на полной скорости вылетел из облака. Ветер свистел, обтекая его распростёртые крылья. Он слышал крики. Он видел мельтешение. Он чувствовал крошечные стрелы, настигавшие его.

Он пересёк стену и атаковал их кислотным дыханием, прочертив опустошающую линию в центре города. Несколько стрел задело его. Одно копьё поднялось достаточно высоко, чтобы достать Уршулу в воздухе.

Но он ушёл, пролетев над южной стеной.

Лёгкий наклон крыльев позволил дракону снова взмыть вверх.

Дракон знал, что ко второму заходу они подготовятся лучше, но второго захода не было.

Уршула поднялся ещё выше. Он вновь взял курс на север и пролетел высоко над городом за пределами досягаемости крошечных стрел.

Он заскользил вниз, пролетая над остатками лагеря dwarфов, затем нырнул и погрузился в пруд, подняв стену воды высоко в воздух.

Опускаясь, он сложил крылья, и теперь огромное тело дракона, извиваясь, проталкивалось сквозь холодное течение подземной реки, несшей талые воды с Великого Ледника.

Уршуле всегда хватало воздуха, чёрные драконы прекрасно приспособлены к подобным условиям. Несколькими минутами позже он повернул в боковой проход. Лавовый туннель древнего вулкана постепенно поднимался, так что спустя довольно длительный промежуток времени дракон вылез из воды.

Он безошибочно следовал сетью поземных путей, пересекая коридоры столь широкие, что порой мог развернуть крылья, и столь узкие, что чешуйки задевали червей и корни деревьев, когда он проползал по ним. В одном из узких коридоров Уршула остановился и принялся, затем кивнул, поняв, что находится параллельно своему логову.

Повернув голову к мягкой земле, дракон выпустил кислотное дыхание и, постепенно распыляя его, стал плавить и разрыхлять почву перед собой, продвигаясь вперёд.

Он попал в южный край боковой комнаты своего логова, прополз вперёд и стряхнул торф и землю с прилегавших друг к другу чешуек. Он остановился, хлопнул длинным толстым хвостом по земляной стене, обрушивая оставшийся позади туннель, и издал рык, больше похожий на кошачье урчание. Его светящийся взор обратился на ложе из монет и драгоценностей, наборов кольчуги и оружия. Он бросил свежий мешок сокровищ поверх кучи и скользнул вперёд.

Дракон лёг с приятными мыслями о разрушении, вновь поразмышлял над вкусом dwarфа, сырого и приготовленного. Язык проскальзывал между огромных клыков в поисках остатков и сладких воспоминаний.

Затем светящиеся глаза дракона закрылись, логово погрузилось в непроглядную тьму, и Казимил-уршула-келлоакизилян, Чудище Болот, уснул.

– Незначительный ущерб от слабого змея, – произнесла Байфаст Ледяная Смерть. По своему обыкновению она появилась в облике эльфа, при этом волосы её светились серебром, в отличие от обычного золотого или чёрного, а кожа была немного более бледной. Глаза же вообще не соответствовали остальному облику, они являли собой холодный оттенок жёлтого с чёрной полосой по центру, как глаза охотящейся змеи. – У Палищука начинают появляться шрамы, о которых ты предсказывал несколько лет назад, но это лишь несущественные последствия.

В комнате находился некто, сидевший за небольшим столом перед тремя большими книжными шкафами, медленно повернувший голову в сторону Байфаст. Ткань его серого плаща была разделена на полосы, приоткрывавшие бархатно чёрную мантию под ним. Его широкие рукава свисали с края стола, и когда фигура повернулась, стали видны пальцы.

Костяные пальцы. Живой скелет.

Под объёмным капюшоном мантии была лишь тьма, и Байфаст была этому рада.

Но её облегчение длилось не долго, так как Женги поднял одну из своих костяных рук и откинул капюшон назад.

Её глазам предстал серовато-белый череп. Куски гниющей плоти и нечеловеческие, потусторонние глаза – точки красно-жёлтого огня – заставили Байфаст отвернуться. И запах, эссенция самой смерти, практически гнал её прочь из комнаты.

Женги полностью снял капюшон, открыв клочья седых волос, слипшихся со всех сторон костяной головы. Если большинство людей ухаживало за волосами, чтобы выглядеть более привлекательно, то Женги, видимо, делал обратное.

Как большинство людей и большинство существ наслаждались жизнью, так же Женги наслаждался смертью. Он вышел за пределы своей человеческой формы, став нежитью. Среди всего разнообразия ходячих мертвецов Торила не было никого более мерзкого и отвратительного, чем лич. Вампир мог очаровывать, мог даже быть красивым, но лич не был существом утончённым. Лич не заключал сделку со смертью, как это делал вампир. Его состояние не было невольным, как в случае с обычными скелетами, зомби и упырями. Лич был сознательным существом, волшебником, чьи мощные чары и невероятное усилие воли победили саму смерть, который отказался уступать разум и самосознание или склоняться перед каким-либо потусторонним божественным существом.

Даже Байфаст Ледяная Смерть, величайший белый дракон Великого Ледника, неловко переступила с ноги на ногу в присутствии Женги. Ей хотелось, чтобы коридоры Замка Гибели были шире и выше, и она могла бы встретиться с Женги в облике внушающего ужас дракона.

Хотя в действительности Байфаст знала, что даже такое не впечатлит лича. Женги не испытывал ни малейшего страха, идя по ледяным коридорам логова Байфаст, чтобы встретиться с ней лицом к лицу непосредственно в её сокровищнице. Он прошёл через впадину реморхазов, охранявшуюся несколькими полярными червями, слугами белой драконицы. Её могущество было столь велико, что ледяные тролли, выставленные Байфаст в роли часовых, даже не предупредили своё божество-дракона о приближении Женги.

– Скажи мне, Байфаст, а какой продолжительный урон могло бы причинить твоё собственное смертельное дыхание стенам Палищука? – наконец произнес в ответ лич.

Глаза рептилии Байфаст сузились. Её дыхание было замораживающим, разумеется, достаточно мощным, чтобы превратить в лёд плоть и кровь живых врагов, но практически бесполезным против камня.

Или против лича.

– Плевок чёрного дракона сконцентрирован, – ответила Байфаст, стиснув зубы. Она чувствовала приступы ярости, прокатывавшиеся по её эльфийской форме, кричавшие ей вернуться к естественному облику. – Черные, конечно, могут сеять опустошение, но на меньшем пространстве. Дыхание белого дракона распространяется дальше и смертельно даже на периферии. И более эффективно. Я могу убить всех, не разрушая сам город. Люди погибнут, строения останутся. Какой выбор мудрее, Король-колдун?

– Ты же знаешь, я на твоей стороне, – ответил Женги, скудные лоскуты засохшей кожи в уголках рта поднялись в застывшей улыбке.

Байфаст скрыла отвращение.

– И я владею мощными заклинаниями за пределами возможностей Уршулы Чёрного, – добавила она.

– Ты не хотела бы видеть в нём союзника?

Байфаст отклонила назад, показывая удивление.

– Он появился несколько лет назад, – продолжил Женги, позволив вопросу остаться без ответа. – Он под прудом севернее города, в этом я уверен.

– Когда Женги хочет найти дракона... – пробормотала Байфаст.

– Я покорю Дамару, мой друг. Трофеи будут грандиозны и мои союзники драконы будут хорошо вознаграждены.

Глаза Байфаст снова сузились, блеснув пылающим в них энтузиазмом.

– Уршула не кажется тебе достойным нашей войны? – спросил лич.

– Уршула отец всех чёрных драконов в Землях Кровавого Камня, – ответила Байфаст. – Завербуй его, и можешь не сомневаться, стоя чёрных к твоим услугам. Они наиболее эффективны в ослаблении стен замка, перед тем как выдвинется твоя пехота.

– О, я завербую его, – пообещал Женги. – Помни, у меня есть величайшее из всех сокровищ.

Глаза Байфаст расширились и снова сузились.

Это на самом деле было так.

– Уршула не владеет заклинаниями? – спросил Женги. Он постучал костяным пальцем по месту, где раньше была его губа, и повернулся к небольшому письменному столу и стоявшему на нём хрустальному шару.

– Он чёрный.

– А ты белая, – ответил Женги, оглянувшись назад. – Когда я впервые узнал о Байфаст, я задал тот же вопрос Хонорингасту Красному.

Глаза Байфаст сузились при упоминании о высокомерном красном драконе, сильнейшем из союзников Женги. Почти никто из существ во всём мире не вызывал отвращение у Байфаст сильнее, чем красный дракон. Но она была не настолько глупа, чтобы меряться силами и способностями с Хонорингастом, считавшимся могучим даже по меркам его красночешуйчатых сородичей. И красные драконы были самыми большими, за исключением, к счастью неуловимых, редких и надменных золотых.

– «Она белая», таков был его ответ, и тон не менее пренебрежителен, чем твой собственный, – продолжал Женги. – И всё же, к моему большому удовольствию и ещё большей выгоде, позже я выяснил, что ты достаточно искусна в магии.

– Во всяком случае, за все столетия я ни разу не слышала, чтобы Уршула пользовался заклинаниями. – сказала Байфаст. – Я столкнулась с ним лишь раз, у основания Великого Ледника. Покончив каждый со своим лагерным кормом, мы разошлись.

– Ты боишься его?

– Даже самый слабый дракон способен нанести серьёзный ущерб, Король-колдун. И тебе следовало бы помнить об этом общеизвестном факте.

Смех Женги больше походил на хрип.

– Должна ли я сопроводить тебя к Уршуле? – произнесла Байфаст, как только Король-колдун сел лицом к хрустальному шару и скинул с плеч плащ.

Байфаст не могла сказать наверняка, зачем он это сделал.

Насколько она понимала, они должны были отправиться в логово Уршулы с минуты на минуту.

– Или ты призовёшь Хонорингаста? Без сомнения появление красного и белого драконов на твоей стороне запугает Уршулу куда сильнее.

– Мне не понадобятся ни Хонорингаст, ни даже Байфаст, – объяснил Женги. – Если Уршула недостаточно мудр, чтобы понимать силу колдовства, было бы неразумно рисковать в его логове.

– Если он не владеет заклинаниями, он не столь страшен как я, – прорычала Байфаст.

– Верно, но не ты ли меня предупреждала о самом слабом из драконов?

– И, тем не менее, меня ты не боялся?

Женги посмотрел на неё, и она поняла, как нелепо, наверное, выглядела она в тот момент со скрещенными на груди руками.

– Я не боялся тебя, потому что знал, что ты поймёшь ценность того, что я предлагаю, – объяснил лич. – Байфаст, достаточно мудрая, чтобы пользоваться мощными магическими заклинаниями, была достаточно мудра, чтобы признать величайшее из всех сокровищ. И даже если бы ты не приняла моё предложение, ты была не настолько глупа, чтобы испытывать мои силы в том месте и в то время.

– Ты много предполагаешь.

– Колдовство требует дисциплины. И если Уршула не дисциплинирован, лучше я появлюсь у него так, чтобы его импульсивность не повлекла за собой разрушительные последствия.

Женги нагнулся над столом и стал вглядываться в хрустальный шар. Он провел над ним рукой, и внутри появился клубящийся и закручивающийся голубовато-серый туман. Мгновение спустя Король-колдун кивнул и плавно отодвинул стул назад. Он встал, залез в один карманов мантии и достал маленький аметист, выполненный в форме черепа дракона.

Байфаст втянула воздух; она очень хорошо знала один подобный камешек.

– Ты нашёл Уршулу?

– Точно там, где я сказал, – ответил Женги. – В торфяном логове недалеко от весенней заводи.

– Ты пойдешь к нему без меня?

– Наблюдай, пожалуйста, – сказал Женги. – По крайней мере, ты можешь находиться там в виде духа.

Закончив, он стал совершать перед собой медленные пассы руками. Широкие рукава его мантии гипнотически раскачивались, будто пара змей с раскрытыми капюшонами.

Он нараспев произносил словесную часть заклинания.

Байфаст знала заклинание и с интересом наблюдала, как Женги начал превращаться. Кожа стала появляться на костях пальцев и лице. Волосы выросли на всех обнаженных местах его черепа, но не седые, как те клочки, а густого каштанового цвета. Седые волосы также стали темнеть. Мантия растягивалась, пока Женги значительно увеличивался в объеме, и его белый оскал исчезал под пухлыми красными губами.

Он выглядел таким, каким был при жизни, здоровым и полным. Чёрная борода отросла на подбородке и щеках.

– Немного шокирует, да? – спросил он.

– Уршула попытается съесть любую форму, я уверена.

Как его тучный, плотный облик был не похож на тело-скелет, так и смех Женги не был похож на его предыдущий хрип. Смех поднялся из трясущегося живота и резонировал в толстом горле мужчины.

– Разве не стоило тебе подождать, пока ты не будешь рядом с логовом? – спросил дракон.

– Рядом? Да я уже практически нахожусь внутри, пока мы разговариваем!

Байфаст подошла ближе, как только он повернулся к хрустальному шару и начал произносить следующее заклинание. Глядя в шар, дракон мог видеть Уршулу, Зверя Болот, свернувшегося калачиком в своем подземном логове на куче сокровищ. Она не знала, был ли это такой трюк шара, освещавшего камни и землю в стенах комнаты, или это был некий светящийся лишайник, или какой-либо другой источник света прямо в логове Уршулы.

Но это не имело значения, так как Байфаст знала, что это не иллюзия. Образ в магическом шаре на самом деле принадлежал Уршуле, и был реальным во времени и пространстве.

Байфаст обернулась посмотреть на Женги как раз, когда он закончил заклинание.

Его большое тело светилось всего лишь мгновение, затем свет отделился и вышел вперёд. Полупрозрачное светящееся подобие человека, стоящего позади него. Он уменьшился, как будто находился на большом удалении, вытягиваясь в сторону хрустального шара, и тут же исчез внутри хрусталя.

Уршула открыл сонный глаз, и его взгляд осветил перед ним коническую область. Словно луч фонаря его блуждающий взор исследовал пещеру.

Драгоценные камни сверкали, а золото поблёскивало, когда свет его глаза скользил по теням. Второй глаз дракона открылся, голова резко дёрнулась вверх, и взгляд наткнулся на дородного, бородатого, спокойно стоящего мужчину в чёрных бархатных одеждах.

– Приветствую, великий Уршула, – произнес человек.

Уршула плюнул на него и пол вокруг человека вспучился и запузырился. Куча золота расплавилась в единый ком, а пластинчатый доспех показал, на что годен, разложившись под действием кислотного дыхания дракона.

– Впечатляет, – сказал человек, оглядываясь вокруг.

Он был невредим, нетронут, как будто кислота прошла прямо сквозь него.

Рептильные глаза Уршулы сузились и всмотрелись в человека, образ человека, внимательнее. Дракон наконец учуял магию и меж его длинных клыков просочилось низкое рычание.

– Я пришёл не обкрадывать тебя, могучий Уршула. Не нападать, во всяком случае. Возможно, ты слышал обо мне. Я Женги, Король-колдун Ваасы.

Тон его голоса сказал дракону, что маленький человек довольно высокого о себе мнения, и это уравнивало одного с другим.

– А, понимаю, – продолжил человек. – Мои заявления о правлении мало для тебя значат. Ты воспринимаешь меня как одного из тех, кто правит только людьми. Или людьми, эльфами, дварфами, орками, гоблинами и другими человекоподобными расами, до которых тебе мало дела, кроме употребления их в пищу время от времени.

Рычание дракона усилилось.

– Но в этот раз тебе стоит принять во внимание, Уршула, что моё восхождение имеет большое значение для всех, кто зовёт Ваасу или любое другое место в Землях Кровавого камня своим домом. Я собрал всех существ Ваасы, чтобы сразиться с ничтожными и глупыми лордами Дамары. Мои войска простираются на юг через Галены, и скоро все земли будут моими.

– Всех существ? – переспросил Уршула. В его голосе одновременно были скрип и шипение.

– По большей части.

Дракон зарычал.

– Я не глупец, – сказал Женги. – Естественно, я не стал бы обращаться к кому-то столь величественному как ты, если бы не был уверен в осуществимости своих планов. Я бы не пытался привлечь Уршулу, Чудище Болот, на свою сторону для участия в первоначальных сражениях. Ибо я не был бы достоин такого существа как Уршула, пока первые победы не были бы достигнуты.

– Ты глупец, если считаешь себя достойным даже теперь.

– Другие с тобой не согласятся.

– Другие? Гоблины и дварфы? – дракон фыркнул, и из задранных вверх ноздрей вырвались маленькие клубы чёрного дыма.

– Ты слышал о Байфаст Ледяной Смерти? – спросил Женги. Ноздри дракона полыхнули, а глаза расширились. – Или о Хонорингасте Красном?

Голова Уршулы отклонилась назад при упоминании о нём. Чёрный дракон, вдруг оказавшийся не столь уверенным в себе, оглянулся вокруг.

– Я и теперь недостоин?

Уршула сел на корточки. Движение, пугающе быстрое и грациозное для зверя таких размеров, заставило Женги отступить назад, несмотря на тот факт, что он был лишь проецируемым изображением. Его физическое тело было вне досягаемости дыхания и укуса чёрного змея.

– Если ты чего и достоин, то лишь зваться дураком и ничего более, посмеив нарушить покой Уршулы! – взревел дракон. – Ты отыскал мой дом и теперь считаешь себя умным, но берегись, Король-колдун, никто из нашедших дом Уршулы, долго не живёт.

От громоподобного рыка стены задрожали, и дракон шагнул вперёд. Он разинул пасть и навис над проекцией Женги. Огромные драконьи зубы щёлкнули, когда челюсти сомкнулись в месте колен лича. Уршула укусил лишь воздух, поскольку в реальности Женги не находился в пещере, но дракон всё равно набросился на иллюзию, пытаясь разорвать передними лапами то, что не смог ухватить зуб. Когда драконьи пальцы прошли мимо изображения и царапнули по полу, Уршула напряг могучие мускулы и вонзил прочные словно железо когти в камень, делая в нём глубокие царапины.

Затем змей расправил крылья и приподнялся на задние лапы, сосредоточил взгляд жёлтых глаз на ненавистной иллюзии Короля-колдуна.

– Другие известные драконы этих земель уже встали на мою сторону, – невозмутимо продолжил Женги. – Они поняли значимость и ценность кампании, которая, несомненно, будет победной. Когда все Земли Кровавого Камня окажутся под моим началом, они будут вознаграждены.

– Уршуле не нужно, чтобы его кто-то награждал, – возразил дракон.

– Они чувствуют себя в безопасности в моих рядах, могучий дракон.

– Уршула убьёт всякого, кто посмеет угрожать Уршуле.

– Ты знаешь о том, что на юге набирает силу один молодой лорд? – спросил Женги. – Ты слышал о Гарете?

Дракон фыркнул.

– И ты наверняка знаешь его прозвище?!

– Ты меня спутал с кем-то, для кого твои слова что-то бы значили.

– «Драконоборец», – сказал Женги. – Молодой командир противостоящей мне армии наречён прозвищем Драконоборец, и заслужено оно было деяниями его богатой родословной. Стал бы он другом Уршулы, если бы ему удалось победить меня?

– Ты только что заявил, что твоя кампания окажется победной, – напомнил ему дракон.

– Да, и всё благодаря мудрости Байфаст, Хонорингаста и других, кто сделал выбор в мою пользу.

– Тогда зачем ты тревожишь мой покой? Уходи и побеждай, а Уршулу оставь. И считай себя счастливым, ибо почти никому не удавалось уйти от Уршулы, разве что в виде кусков экскрементов.

– Великодушие?! – произнёс Женги, что звучало скорее как утверждение, чем вопрос. Я предлагаю драконам награду за их поддержку. С моей стороны было бы беспечностью обойти вниманием Казмила-уршулу-келлоакизилиана.

Дракон издал смешок, похожий на треск камешков, перетираемых под напором громадных булыжников в кислотной луже, и сказал:

– Значит, ты мнишь себя спасителем, будущим властелином всего того, до

чего смогут дотянуться твои лапы. Я пережил многих таких глупцов. Ты мнишь себя важной фигурой, но для меня ты ничтожный человечиска, к тому же мертвец, надевший личину жизни. Оставь это, лич! Найди себе королевство там, где твоё гниющее тело больше будет к месту. И больше меня не тревожь, ибо я тебя уничтожу. Если всё-таки пойдёшь против меня, один или при поддержке своих драконьих союзников, передай Байфаст Ледяной Смерти, что она первой почувствует остриё моего гнева.

– Ты даже не выслушал моё предложение, великий зверь, – ответил Женги. Он вытащил драгоценный камешек в форме драконьего черепа. – Это величайшее сокровище из всех. Узнаёшь, Уршула?

Дракон сузил глаза и издал низкий рык, но не ответил.

– Амулет, – пояснил Женги. – Приготовленный для Уршулы. Я одолел саму Смерть, могучий дракон. И я знаю, как бы ты мог...

– Убирайся отсюда, гниль! – проревел дракон. – Ты воссоединился со смертью, но не победил её. И сделал ты это лишь потому, что принадлежишь к младшей расе, короткоживущей и немощной. Ты воспринимаешь смерть Уршулы как нечто само собой разумеющееся, но Уршула старше, чем самая древняя память твоей расы. И Уршула будет жить, даже когда память о тебе сотрётся из этого мира.

Иллюзорный Король-колдун сжал ладонь и убрал амулет.

– Ты даже не осознаёшь его ценность, – сказал он, затем пожал плечами и поклонился. – Спи спокойно, могучий дракон. Ты потрясающ, как мне про тебя и говорили. Возможно, в другой раз...

– Я больше никогда тебя не увижу, разве что как тебя уничтожат.

Слова Уршулы эхом отразились от стен пещеры, и иллюзия испарилась, словно к этому были причастны вибрирующие от рыка стены.

Некоторое время дракон оставался в низкой стойке, неподвижный как статуя, прислушиваясь к малейшим намёкам на то, не находится ли Женги со своими прихвостнями в пещере или примыкающих к ней коридорах.

Несколько часов спустя чёрный зверь свернулся и заснул.

Король-колдун стоял на высоком плоском камне, смотря на север, где лежало его королевство, Вааса. Костлявые пальцы сжимались в кулаки от ярости.

Кампания проходила удачно. Ему удалось вторгнуться глубоко на территорию Дамары, победив врагов и обзаведясь новыми союзниками, которые в основном представляли собой не что иное, как гниющие трупы солдат, совсем недавно сражавшихся против его армии.

Его враги были по-прежнему порознь, и были обеспокоены лишь положением своих соседей, не придавая должного значения тьме, пришедшей на их землю.

Гарет Драконоборец с друзьями отчаянно пытались исправить положение, объединить многочисленных лордов под единым знаменем, чтобы вместе противостоять Женги, но те опомнились слишком поздно, и Женги полагал, что его победа уже не за горами.

Но тут в Ваасе появилась маленькая, но сильная армия. Нежданные войска разрушили осаду Палищука и собрали остатки беженцев из окрестных земель в объединённую грозную силу. Несколько караванов с припасами из замка Опасный не дошли до Перевала Кровавого Камня в Галенах. Основной маршрут поставок Женги был прерван.

Король-колдун понимал, что не следует оборачиваться на север в столь

критический час. У него не было времени гоняться за группкой мятежников, когда перед ним стоял Гарет Драконоборец.

– Где ты, Байфаст? – воскликнул он, обращаясь к ледяному северному ветру.

Он отправил драконицу домой, к леднику, приказав расправиться с мятежниками и их дамарскими союзниками, однако пришедшие новости были далеко не воодушевляющими.

Он постоял ещё немного, затем резким движением запахнул вокруг себя чёрный робы и серый плащ. Он направился со склона горы, его тело ходячего мертвеца с лёгкостью порхало вниз по предательски скользкому спуску, и вскоре он уже вновь шагал среди задних рядов своей армии, приняв облик, в котором его знали при жизни. Живые люди, с покорностью рабов следовавших за ним, не выносили его естественного облика, который приводил их в ужас.

Ночь он провёл в своей палатке, читая доклады и изучая карты, приходящие с боевых фронтов на юге. То, как Женги готовился к военной кампании, по достоинству могли бы оценить опытейшие генералы всего Фаэруна. Знание – сила, и Женги это знал. Столы в его палатке были завалены картами и миниатюрными стратегическими муляжами территории Кровавых Земель, и пометки относительных сил и размеров вражеских армий были явным подтверждением тому, что информация для Короля-колдуна была превыше всего. Оттуда Женги мог планировать военные манёвры, строить линии обороны, вычислять самые уязвимые места для атак. В этой палатке тщательно сформировывалась и оттачивалась грандиозная стратегия, включая решение не бросать все свои силы против Палищука.

Король-колдун не любил сюрпризов.

Несмотря на подготовку и чувство уверенности, светящиеся глаза Женги часто оборачивались назад, к северу, в надежде получить словечко от белой драконицы. За маленькими отрядами могучих героев следить было всё труднее, и часто даже опаснее, чем за полками простых солдат.

Ночь прошла без происшествий. Байфаст объявилась лишь на следующее утро, приняв облик эльфийки. Женги ещё издали заметил её идущей по тропе, и по её виду сразу же понял, что новости с севера его не обрадуют. Байфаст прихрамывала, и даже на расстоянии казалась как никогда растрёпанной.

Мантия Короля-колдуна развевалась за спиной, когда он направился через лагерь, решив встретить белую драконицу на тропе за пределами слышимости своих солдат и часовых.

– Слухи не врут, – сказал Женги, приблизившись к ней. – И отряд героев добрался до Палищука.

– К радости полуорков, – поддакнула Байфаст. – Город укреплён, как никогда раньше. Они не прекращают подготовку: укрепили стены, приготовили груды жалящих стрел.

Слово «жалящий» подсказало Женги о том, что драконица лично испытала их оборону на прочность.

– Они соорудили защитные механизмы, катапульты, баллисты, которые могут быть направлены в небо для отражения атак с воздуха. Когда я летела над городом, в мою сторону выстрелили колючей цепью, чтобы остановить меня, и я едва избежала наконечников гигантский копий.

– С Палищуком будет покончено в своё время, – пообещал Женги.

– Без помощи Байфаст и других драконов, я полагаю, – ответила белая драконица. Сокровища Палищука не стоят того, чтобы рисковать ради них крылом или лапой.

Женги кивнул, не слишком обеспокоенный городом полуорков. Как только Дамара будет покорена, Палищук станет крошечным оазисом сопротивления,

лишённым возможности рассчитывать на помощь откуда либо с Кровавых Земель. Долго они не продержатся, и Женги не расставался с надеждой, что полуорки сами его покинут. В конце концов, они были всего лишь полуорками, не связанными столь крепкими моральными устоями, как слабые люди, полурослики и другие обитатели Дамары.

– Эти герои сейчас в стенах города? – спросил Женги, возвращаясь к насущной проблеме.

– Нет, они выступили в поход. Когда мне удалось избежать выстрела цепью и копьями, я полетела на север, а они выбежали из ворот Палищука, отправившись за мной в погоню.

– И ты покончила с ними?

Перекосившееся лицо Байфаст дало ему ответ прежде, чем драконица начала говорить.

– Их сопровождают могучие волшебники и жрецы. Их рыцари защищены чарами от моего смертоносного дыхания; их доспехи наделены магией, способной свести на нет вред от моих когтей.

– Отряд небольшой?

– Пятьдесят сильных и натасканных для битвы с драконами бойцов.

– Обычно Байфаст улепётывает от подобных отрядов, – Женги даже не пытался скрыть презрения ни в голосе, ни в выражении лица. Он сузил глаза и ухмыльнулся.

– Была бы я вынуждена сражаться с ними – если бы они наткнулись на моё логово – я бы наверняка их уничтожила, – без колебания ответила драконица. – Но с этой победой мне достались бы и шрамы, а в тот момент я решали, что они не стоят хлопот.

– Ты служишь Женги.

Король-колдун поймал себя на том, что высказывание Байфаст, «если бы они наткнулись на моё логово», засело у него в голове.

– Я согласна сражаться на стороне сил Женги, – ответила драконица. – Но не согласна принимать подобные битвы в топях Ваасы.

Женги достал амулет, тот, который Байфаст подстроила под себя сама. Если драконица погибнет, её энергия и жизненная сила перенесётся в амулет, и она станет бессмертной, драколичем.

– Забыла? – спросил лич.

– Это последнее средство, и я не горю желанием прибегать к нему. Если меня убьют, тогда да будет так. Это риск, на который мне придётся пойти, когда мы выступим в мир, населённый младшими расами. Но я не буду гоняться за существованием в мёртвом теле, которое ты предлагаешь.

– Эх, Байфаст, какая жалость видеть, как создание, обладающее такой репутацией, поддаётся подобным страхам.

Ящериные глаза сузились, и с губ принявшей облик эльфа драконицы сорвалось рычание.

– Что ж, ладно, – сказал Женги. – Разберусь со вторженцами сам. Я не позволю им наступать мне на пятки, преследуя меня по всей Дамаре. Ступай к генералам на передовых. Уничтожь глупых дамарцев, которые осмелятся встать на нашем пути.

Байфаст не двинулась, не поменялось и выражение смотрящего на Женги лица, на котором застыла маска ненависти.

Если грозное выражение и доставило беспокойства личу, он не показал виду. Он повернулся спиной к дракону в эльфийском облике, и зашагал обратно к лагерю.

– Донеган! – закричала Рыцарь Порядка Мэрилин Фелспур.

– Сэр Донеган, – поправил старший рыцарь. Он вышел из строя, сидя на закованной в броню лошади. Тяжёлые копыта скакуна весом семьсот килограмм – из которых сто пятьдесят приходились на броню и сто на седока – с чавкающим звуком ступали по сырой земле. Донеган подъехал к Мэрилин, единственной женщине из десятка рыцарей, прибывших от кавалерии дамарского лорда Гарета в компании более чем пяти десятков пеших солдат, полудюжины жрецов и трёх докучливых волшебников.

– Сэр Донеган, – поправилась Мэрилин с выказной покорностью.

На ней не было шлема, который мог бы скрыть улыбку, разнящуюся с тоном в голосе. Будучи разведчицей отряда, проворная Мэрилин имела самую лёгкую броню по сравнению с другими рыцарями, а её лошадь, резвый пегий скакун ростом едва выше пони, был защищён лишь нагрудной и лобовой пластинами. Мэрилин предпочитала лук, и благодаря скорости могла издали наносить жалящие уколы войскам Женги, прорежая их численность при каждом удобном случае, чтобы Донеган и сэр Бевель могли использовать с выгодой для себя положение врага.

Донеган не спешил. Кольчуга из наслаивающихся друг на друга пластин делала подобные движения затруднительными, особенно когда надо было вскочить на высоченную боевую лошадь. Вместо этого он склонился насколько позволял тяжёлый доспех, и поднял забрало шлема.

– Только существо размером с дракона могло оставить такой отпечаток, – сказала Мэрилин.

Донеган выпрямился и осмотрел место. Он заметил за ним второй отпечаток и третий, за ним ещё несколько, но дальше следы обрывались.

– Мастер Фистикус, – обратился он к главному из троицы волшебников, – приготовьте компоненты и защитные заклинания. Следы свежие, и, судя по всему, змей взмыл в воздух. Он может накинуться с высоты в любое время, и мне не хотелось бы, чтобы часть нашего войска погорела прежде, чем мы получим шанс нанести удар.

– Возможно, нам следует отступить назад в Палищук, милорд, – тихим голосом предложила Мэрилин. – В зону досягаемости баллист ...

– Нет, – прервал её Донеган. – Змей достаточно умён, чтобы снова дать себя заманить к стенам города. Тогда полуорки чуть было его не подстрелили.

– Если это тот же самый.

Эта мысль заставила Донегана задуматься. До недавних пор за все свои двадцать лет странствий он видел лишь единственного дракона, маленького белого дракона близ Великого Ледника. С приходом Женги рыцарь Порядка узнал о семействе драконов куда а больше, чем мог рассчитывать, поскольку пёстрые драконы различных цветов кружили над армией Кололя-колдуна. Красные и белые принесли опустошение во многие поселения, включая и родной городок Донегана. Рыцарь успел уже вступить в схватку с парой синих тварей, что стоило ему лошади, а на спинной пластине его серебристых доспехов в память о яростной стычке красовалась чернеющая линия от попавшего в неё заряда молнии.

Драконов слишком много, подумал Донеган. Чересчур много.

Женги стоял на северо-восточном берегу маленького озера в нескольких километрах от Палищука. Теперь его внешность не имела человеческих признаков; да и не было больше нужды утруждать себя понапрасну. Он откинул капюшон, обнажив череп, засаленные клочья волос и куски гниющей кожи. Мантия пахла плесенью и свисала клочьями, через прорехи виднелись зелёные пятна. Он тяжело опирался на искривлённый дубовый посох, глядя на юг.

Лич видел, как они приближаются, видел солнечные блики, отражающиеся на остриях копий и брони лошадей. Он слышал топот копыт и шаги солдат.

Остатки губ Короля-колдуна скривились в ехидной ухмылке. Он вспомнил о заявлении Байфаст: она не пойдёт против них, если только это не случится в её логове.

Любой дракон будет защищать своё логово, какая бы сила в него не вторгалась. Защищать до смерти.

На юге сверкнули новые блики. Думая, что это следы дракона, отряд следовал по тропе, которую Женги прокопал магией.

Он поднял изогнутый посох, указал на пригодное место и произнёс команду. Там, куда указывал посох, земля взорвалась. В воздух полетели куски земли. Магия врезалась в мягкую землю, сгустки энергии разрывали и разбрасывали земляные глыбы, создавая ощущение, будто здесь побывал дракон, который когтями рыл землю.

Женги глянул на юго-восток, где вдали виднелась группа воинов. Возможно, они почувствовали колебания, а возможно и нет. В любом случае они вскоре будут здесь. Закончив с заклинанием, в результате которого получилась большая воронка, Женги ступил в воду. Король-колдун не чувствовал холода, ему вообще теперь были чужды подобные ощущения. И потом, никакой холод не мог сравниться с леденящими объятиями смерти.

Он ступил глубже, задний край робы лёг на водную поверхность. Вскоре он скрылся под водой. Он не дышал и не шевелился. Когда рябь улеглась, взгляд Женги устремился сквозь водную плёнку северо-восточного берега. Следы заставят войско остановиться и копать.

Он ухватил посох крепче и приготовился произнести следующее заклинание.

Мэрилин пригнувшись кралась по грязи, запахнувшись в эльфийский волшебный плащ. Она оставила лошадь с Донеганом и остальным отрядом, маршировавшим в нескольких сотнях метров позади.

Её задачей было обнаруживать любые потенциальные опасности и обеспечивать продвижение военных сил. Учитывая увиденные совсем недавно взрывающиеся в воздух куски земли, воительница не без причины предположила, что свою задачу она выполнила.

Совсем недавно она нашла ещё несколько следов – очевидно, зверь в том месте приземлился – но затем наткнулась на большую воронку недалеко от берега маленького пруда. Она присела возле её края, всматриваясь в туннель под собой.

– Неужели змей ушёл под землю? – прошептала она едва слышно.

Мэрилин задержалась ещё на несколько мгновений, затем, услышав приближение отряда, выпрямилась, огляделась вокруг и вынула руку из под защиты плаща, подняв кулак вверх.

Она оглянулась на воду, не подозревая, что на неё смотрят глаза Короля-колдуна. Сэр Донеган за её спиной дал команду к остановке и осторожно

приблизился, подведя коня вплотную к разведчице.

– В туннеле? – спросил он, осматривая отверстие в земле. – Или это уловка, и сам зверь скрылся в пруду?

Мэрилин откинула капюшон и пожала плечами.

– Вряд ли тут можно что-либо утверждать или отрицать.

– Тоже мне, разведчица.

Мэрилин улыбнулась в ответ.

– Я могу выследить кого угодно, и вам хорошо это известно – даже ту девочку, что пробралась к вам в комнату. Но вы же не думаете, что я способна выследить дракона, который то и дело взмывает в небо. Неужели, по-вашему, он на лету приминает траву? Или оставляет на земле кильватер, как идущий по морю корабль?

Сарказм и колкие замечания разведчицы вызвали у Донегана смех. Он всё ещё точил на неё зуб из-за инцидента с девушкой, ибо ожидал её визита, оказавшегося прерванным, что весьма и весьма его расстроило. Но с этим можно разобраться в другой раз, и вдруг его посетила идея.

– Воду баламутили?

Мэрилин с любопытством посмотрела на рыцаря, затем уловила намёк и двинулась к пруду, где начала искать следы недавнего волнения. Пруд был небольшим, и если покой его вод нарушило такое огромное создание, как дракон, это, несомненно, будет заметно.

Вскоре Мэрилин выпрямилась и покачала головой.

– Вирм не входил в воду.

– Ну тогда ладно, – сказал Донеган со вздохом.

– Никаких следов, ведущих от воронок в воде. Если бы чудище взлетело в воздух на некотором расстоянии отсюда, мы бы это заметили – или услышали бы всплеск, когда он коснулся воды. Думаю, что дракон не знает о нашем преследовании, и просто скрылся ...

Она съёжилась, и Донеган отпрыгнул назад.

Солдаты сзади взяли оружие на изготовку. Из норы донёсся низкий горловой звук, и, судя по резонирующему гулу, его хозяином вполне мог оказаться дракон.

– Стройся! – скомандовал Донеган.

Он развернул боевого коня и устремился к рядам воинов. Мэрилин натянула капюшон, и растворилась в тенях берега пруда.

Гул продолжался ещё несколько мгновений, затем постепенно стих.

Солдаты выставили копья, вытащили мечи, волшебники и жрецы приготовились пустить в ход свои заклинания.

Вскоре стало тихо. Из норы никто не появился.

Донеган и солдаты, наконец, набрались храбрости и приблизились к краю воронки, заглянув в глубокую и широкую, напоминающую дымоход, яму. На глубине виднелся туннель, протянувшийся с востока на запад.

– Похоже, мы нашли нашего вирма, – сказал Донеган, обращаясь к своим воинам.

– Это точно дракон вырыл яму? – спросил один из рыцарей.

– При помощи заклинаний это можно выяснить, – ответил Фистикус. – Поскольку животные ...

– Дракон?

– Дракон способен навести настоящую суматоху, – пояснил волшебник. – Вирм, такой как тот, что напал на Палищук два дня назад, без труда способен проникнуть сквозь мягкую почву летней Ваасы.

– Если бы дракон захотел таким образом заявить о своём присутствии, он напал бы на нас, когда мы того не ожидаем, – предположил другой рыцарь Порядка по имени Гаваланд.

– Если он знает, что мы здесь, – ответил Донеган.

– А как же рык?

– Возможно, всего лишь удовлетворённое урчание перед сном, – высказал догадку волшебник. – Известно, что такие звери рычат точно так же, как человек вздыхает или зевает.

– Тогда надеюсь, что он зевает, – ответил Донеган, – готовясь к долгому крепкому сну. – Командир оглянулся на рыцарей, под поднятым забралом виднелась широкая ухмылка. – От которого он никогда не проснётся.

Солдаты дружно закивали и заухмылялись.

Но стоявшая в стороне Мэрилин подобной реакции не проявила. Она знала, что грядёт, и какой во всём этом будет её роль, ещё до того, как сэр Донеган заставит её спуститься в яму. Ей пришло в голову, что напрасно она не надела утяжелённый доспех и не наняла для помощи в разведке эльфа.

Притаившийся под водой Женги довольно кивнул, наблюдая за тем, как отряд исчезает за краем ямы. Иллюзорное заклинание, имитирующее рык дракона, отлично сработало, когда он активировал его посредством чревоуещания. Или, казалось, что сработало.

Король-колдун знал, что ему следует немедленно уходить – обратно на юг, в Дамару, где кипела битва – но он задержался в пруду ещё немного, и когда отряд скрылся в яме за исключением нескольких солдат, оставленных стеречь лошадей, он появился на северо-восточном берегу.

Три идиота стояли рядом с лошадьми и пилились в яму, не подозревая об опасности. Король-колдун произнёс заклинание.

Она знала, что эльфийский плащ может защитить от любопытных глаз, и всё же Мэрилин чувствовала себя уязвимой, продвигаясь дальше по огромному туннелю – несомненно достаточно широкому и высокому для того, чтобы по нему смог пролезть дракон. Стены были покрыты лишайником, издающим слабое свечение, похожее на звёздный свет на лесной поляне. С одной стороны это было ей на руку – не было надобности зажигать факел, – но с другой стороны она боялась, что её без труда увидят острые глаза вирма.

Она почувствовала присутствие существа ещё прежде, чем того выдал запах и звук – воздух был насквозь пропитан аурой страха.

Мэрилин опустила на четвереньки и поползла дальше.

Если чудище её заметит, отступить назад быстро не получится, поэтому единственной надеждой было оставаться незамеченной.

Она обогнула поворот и затаила дыхание, вглядываясь в пещеру вдалеке. Оно было там, однако не то самое чудище, которое напало на Палищук. В тусклом свете разведчица смогла различить глянec чёрной – не белой – чешуи.

Она отползла назад, затем повернулась и пробежала метров двести, где её ждал Донеган с остальными, включая закованных в броню лошадей рыцарей Донегана и Бевеля.

– Большой чёрный, – сказала она тихим голосом, и на мягкой почве

начертила схему недавно увиденной пещеры.

Фистикус с другими волшебниками принялись за работу, подготавливая заклинания для отражения кислотных атак чёрного дракона.

– С белым было бы проще, – с досадой произнёс старший маг. – В борьбе с его ледяным дыханием наши заклинания куда эффективнее.

– Тогда пойду возьму белую краску и выкрашу его, пока он спит, – саркастически отозвалась Мэрилин.

– Было бы неплохо, – без раздумий ответил Фистикус.

– Хватит, – осёк их Донеган. – С чёрными ничуть не сложнее, чем с белыми. В конце концов, это вам не древний красный.

– У нас есть особое заклинание против огненного дыхания... – начал маг.

– У любого красного найдутся мощные заклинания, чтобы дать тебе отпор, – прервал его Донеган. – А в нашем случае всего-то надо, что выдержать первый кислотный шквал чёрного дракона, и перейти в ближнюю дистанцию. Только в ближнем бою мы сможем его победить быстро.

Фистикус кивнул и склонился к чертежу Мэрилин.

– Каково расстояние от туннеля до твари? – спросил он. – И в какой точке нам придётся вступить с ним в бой?

Проникнуть в сердце драконьего логова для Короля-колдуна не было большой проблемой. Приняв двумерную форму, Женги просто просочился сквозь трещину в камне и скользнул дальше, и теперь стоял возле стены неподалёку от Уршулы, но невидимый благодаря своей форме и заклинаниям, так чтобы дракон не смог его учуять.

С превеликим удовольствием он наблюдал, как женщина-рыцарь неслышно прокрадывается ко входу в пещеру. За ней следовала пара волшебников, скрытых и защищённых магией.

– Салаги, – пробормотал Женги.

Он воздел костлявые руки и создал иллюзию – с точки зрения дракона – которая позволила и дальше скрывать незваных гостей, так как он не хотел, чтобы Уршула обнаружил приближающуюся опасность слишком рано.

Волшебники произнесли заклинание и отгеснились прочь. Увидев плоды их творения, Женги отдал должное их смекалке. Он кивнул, зная, что последует дальше. Он взмахнул рукой снова, и иллюзия исчезла.

Один глаз Уршулы приоткрылся. Женги наблюдал, как мускулы передних ног дракона напряглись, приготовившись к манёвру. Из туннеля неожиданно высыпали воины, грохоча оружием.

Уршула принял низкую стойку, склонив к земле голову и выставив вперёд рога.

Женги с восхищением отметил, что солдаты не дрогнули и не разомкнули ряды. Никто не побежал прочь при виде дракона. Он был рад, что вернулся в логово, ибо стойкость духа бойцов нельзя было недооценивать.

Уршула припал к земле, и Женги почувствовал, как дракон с гулом вдыхает воздух, приготовившись к первому смертельному удару. Латники не замедляли ход, приближаясь к месту, где волшебники накладывали свои чары. Шея Уршулы взметнулась вперёд, челюсти широко распахнулись, и наружу вырвался шквал кислотных брызг.

Драконий заряд встретил преграду – прочную непроницаемую стену,

созданную магической силой, – и брызги зашкворчали и зашипели. Лишь малая толика проникла над стеной, ужалив нескольких солдат. Однако это не могло остановить натиска. Они разделились и синхронно обогнули с обеих сторон магический барьер. За ним отряд соединился заново, впереди встали закованные в броню рыцари, и группа смельчаков продолжила приближение. Дракон замешкался.

Уршула встал на дыбы и понял голову – но не успел отреагировать, как тут же оказался поглощён первым шаром огня, затем вторым и третьим. Когда он склонился снова, латники были уже рядом, с остервенением тыкая, рубя и кромсая врага своим оружием.

Они окружили вирма, крича и ликуя, пытаясь ошарашить чудище внезапно обрушившейся мощью.

Но, в конце концов, Уршула был драконом, а не простым хищником. Он яростно принялся топтать лапами, рвать когтями, бить хвостом, истошно махать крыльями, и вскоре преимущество нападавших сошло на нет.

Один из рыцарей подался вперёд, выкрикивая приказы. Он поднял высоко над головой меч и призвал остальных рыцарей прикрыть его.

Драконья пасть проглотила весь верхний торс смельчака и сомкнулась. Чудище подняло голову так, чтобы соратникам несчастного была хорошо видна участь своего товарища. Воины выкрикивали его имя в то время, как ноги беспомощно брыкались в предсмертных конвульсиях.

Уршула сомкнул зубы сильнее, и нижняя часть рыцаря беспомощно шлёпнулась на землю. Дракон тряхнул головой и швырнул остатки в свободный полёт. Импровизированный снаряд угодил в ряды сослуживцев. Те, кто на своё счастье оказался проворнее, отклонились в сторону, избежав последовавшего за бронированными останками рыцаря второго заряда кислоты.

Те, кому не повезло, погибли, растворившись в кислоте.

Прежде, чем аплодировать вирму, Женги огляделся, увидев шквал зарядов энергии – зелёных, голубых, фиолетовых – устремившихся в сторону дракона. Победный клич Уршулы превратился в крик боли, когда заряды врезались в чешую, которая не могла защитить зверя от подобных атак.

Дракон заметил волшебников, сгруппировавшихся в устье туннеля слева. Не обращая внимания на удары рыцарей, по-прежнему продолжавших атаковать его по сторонам, Уршула плюнул кислотой вновь.

Камни вокруг магов зашипели и с треском полопались, однако троица осталась нетронутой. Один, всё же, поморщился от боли, но, тем не менее, смог подключиться к очередному артиллерийскому выстрелу своих товарищей.

Опасаясь, что дракон будет повержен слишком быстро, Женги решил, что пора вмешаться.

Однако Уршула поднял задние ноги и яростно замахал крыльями. В воздух поднялся винегрет из пыли, монет и камешков, и устремился в сторону волшебников. Большого вреда это им не причинило, однако помешало колдовать дальше – и что более важно, понял Женги, снаряды проникли сквозь магический щит.

– Превосходно, – приветственно произнёс Король-колдун.

Реакция дракона не удивила сэра Донегана. Обученный самим Гаретом Драконоборцем – человеком, честно заработавшим такое прозвище, – Донеган

разработал атаку в четыре фазы: первая – выстоять против смертоносного кислотного дождя чудища; вторая – организовать собственно нападение; третья – создать магическое препятствие, предназначенное для того, чтобы отвлечь дракона от завершающей, и самой главной, смертельной фазы.

Рыцари Донеган и Бевел сидели на лошадях в туннеле, ожидая реакции дракона. Когда он встал на дыбы, они пришпорили скакунов. Опустив копыта, двое опытных воинов обогнули магическую защитную стену каждый со своей стороны, после чего заново объединились и обрушились всей мощью на ничего не подозревающего дракона.

Несясь бок о бок, они целились в живот, самое слабое место в естественной броне зверя. Используя вес могучих скакунов, напивавших вперёд, и заклинания, наложенные на наконечники копий, оружие пронзило твёрдую чешую и вошло глубоко в мягкие внутренности чудища.

Дракон взревел и опустился на все четыре. Однако Донеган и Бевель не стояли на месте. Они развернули скакунов, оставив копыта в животе чудища. Бывалые рыцари синхронно вытащили из-за спин мечи. Палаш Бевеля запыхал огнём, повинувшись безмолвной команде хозяина, а в это время Донеган вынул двуручный меч, сверкающий внутренним магическим светом. Когда на него опустилось крыло дракона, Донеган крепко стиснул ноги и нанёс колющий удар, сжав оружие обеими руками. Зверь снова взвыл и попятился назад.

Находящемуся с другого бока Бевелю повезло меньше, и хотя он нанёс сильный рубящий удар, крыло задело его и сбilo с лошади. Рыцарь распластался на земле.

– Ко мне! – крикнул Донеган своим людям, и те, кто был в состоянии биться, не замедлили исполнить команду.

Дракон повернулся к нему лицом, и Донеган едва не свалился в обморок, подумав, находится от смерти близко, как никогда.

Но тут снова ударили волшебники, голову чудища поглотил огненный шар, и в его пламенеющем ореоле растворился шквал магических снарядов.

Донеган использовал этот момент для новой атаки. Спешившись и послав коня шлепком прочь, он взял меч в обе руки и полоснул по грудным пластинам чудища. Вокруг слышалось ликование воинов, неистово атакующих монстра.

Зверь был ранен, он еле держался на ногах.

– Кончайте с ним! – закричал сэр Донеган, полагая, что победный миг не за горами.

Однако дракон развернулся, одновременно взмахивая хвостом. Донегана и других рыцарей с силой швырнуло на пол. Воины попадали, скрежеща железом о камни.

Командир попытался подняться. Шлем перекосило набок, мешая обзору, меч вылетел из ладоней. Ему пришлось повозиться какое-то время, прежде чем чья-то рука ухватила его за плечо, давая опору.

Он поправил шлем и увидел ухмыляющуюся и кивающую Мэрилин. Она протягивала ему его меч.

– Кончай с ним, – сказала она.

Женги наслаждался зрелищем. Его поражала подготовка и стойкость солдат; мало кто мог продержаться так долго против разъярённого змея.

Впечатляла также выносливость и неистовство Уршулы.

Но дракон был серьёзно ранен, и Король-колдун это понимал. Одно из пронзавших его брюхо копий выпало, из отверстия хлынула кровь – не было сомнений, что наконечник другого копья был глубоко всажен во внутренние органы чудища.

Волшебники начали новую атаку, снова устремился к цели шквал огненных шаров и магических снарядов.

Женги явился сюда, чтобы уравнять шансы, однако с удивлением обнаружил, что его силы нужны Уршуле, а не людям. Он не мог позволить, чтобы победа далась им так легко.

Король-колдун скользнул обратно в трещину в стене.

– Теперь огнём, – сказал Фистикус своим товарищам. – Когда вирм поднимет голову, стреляйте огнём. Он поглотит его.

Тройка волшебников приготовила заклинания.

– Раз, – начал отсчёт Фистикус, – два ...

– Три, – раздался скрежещущий голос за спинами магов.

Женги наблюдал, как они напряглись, и ухмыльнулся, представив выражения их лиц. Но он не дал себе отвлечься и приготовил пустить в ход своё любимое заклинание.

Волшебники резко развернулись, подставив лица прямо под неожиданный шквал переплетающихся разноцветных лучей.

Фистикус вскинул руку, закрывая глаза, волшебника по левую руку от него поглотило голубым сиянием. Несчастный, ослеплённый нестерпимым сиянием заклинания Женги, пытался закричать, но кожа стала тверда как камень, и он застыл на месте с раскрытым ртом.

Фистикуса поглотило фиолетовое пламя, и он исчез, просто исчез, переместившись из Главного Материального Плана в случайную точку мультивселенной, хотя это позволило избежать участи правого мага, которого на месте испепелило мощным разрядом молнии. Разряд пронзил место, на котором только что стоял Фистикус, и врезался в окаменевшего мага. Твёрдый камень, в который тот превратился, взорвался под натиском удара молнии, разлетевшись на мелкие кусочки.

Волшебника, получившего первый разряд молнии, осветило новой вспышкой.

Поверженный и практически мёртвый, он всё же умудрился собрать остатки энергии для финального крика агонии, и его окутало красное свечение, превратившееся в ревущее пламя.

Он даже не мог кататься по полу, и лежал на месте, тело несчастного было объято огнём.

Женги издал скрежещущий вздох и покачал головой.

– Где твоя благодарность, дорогой Уршула? – прошептал он и повернулся к дракону и битве. Он понял, что его вмешательство не осталось незамеченным.

– Король-колдун! – крикнул один из латников.

Находившийся сбоку от дракона сэр Донеган поморщился при мысли о том,

что в столь неподходящий час им придётся иметь дело с подобным врагом. Оставалось лишь молиться, что его солдат ошибся, и надеяться, что с драконом вскоре будет покончено.

– Фистикус, кончай с ним! – заорал он, снова и снова нанося удары мечом по чешуе чудища.

Завершив удар, он сделал оборот, встав так, чтобы видеть волшебников – или то, что он них теперь осталось. Донеган заметил тёмную фигуру возле каменной стены, но не мог больше отвлекаться от битвы.

– Сражайтесь, воины мои! Вирм почти повержен! – закричал он, подбадривая отряд и обрушивая новый натиск на огромное чудище.

Уршула слышал зов, но не имел времени для размышлений. Удары волшебников нанесли ему серьёзный урон, к тому же он ощущал наконечник копья, торчащий в брюхе и разрывающий его кишки.

– Женги? Мой союзник? – слышалось сквозь продолжительное рычание, и зверь был поистине рад видеть, как дымиться на земле труп одного из волшебников, а также остатки второго, превращённого в каменную статую, от которой осталась целой лишь нижняя половина.

Но где сам Женги?

Укол в боку отвлёк Уршулу от размышлений и напомнил о том, что сейчас у него есть проблема и поважнее. Он встрепнулся и топнул задней ногой, расплющив одного из солдат, затем сбил крылом ещё нескольких. Его хвост метнулся в другую сторону, разметаив очередную группу напористых воинов.

Притаившись в трещине камня, Женги терпеливо наблюдал за происходящим, держа в руке компоненты для следующих заклинаний. Он беззвучно ликовал, когда пришедший в ярость Уршула раскусил пополам и растоптал рыцаря, а затем тряхнул головой и метнул остатки несчастного человека в своих товарищей, сбив тех с ног.

В тот момент Женги понял, что для дракона ещё не всё потеряно.

Но вдруг Уршула накренился, и Женги заметил высокого рыцаря, нанесшего критический удар.

Уршула пытался развернуться в сторону могучего воина, но тут второй рыцарь ловко забрался на спину зверю, а затем подобрался к шее. Смелчаком оказалась та самая разведчица, которая первой вошла в драконье логово. Когда дракон отвлёкся, сосредоточив внимание на рыцаре, она вогнала узкий меч прямо чудищу в затылок.

Женги покачал головой и достал сделанный из драконьего черепа амулет.

– Король-колдун! – проревел Уршула громким голосом, отозвавшимся эхом по всей пещере.

И тут вирм напомнил Женги и всем остальным, почему драконов следует так бояться.

Уршула подпрыгнул, дёрнул шеей назад, вперёд, затем вниз. Манёвр был столь резким, что воительница не смогла удержаться на месте и перелетела прямо через шипастую голову чудища. Удар с шестиметровой высоты мог убить её, но

дракон не хотел позволять ей отделаться так легко. Он сомкнул огромную пасть, отчего голова, ноги и одна рука несчастной жертвы отделились от туловища.

И всё это время дракон не стоял на месте, он прыгал и метался в воздухе. Его размеры превратились в его главное оружие – он умудрился приземлиться на группу оставшихся воинов и раздавить несчастных своим исполинским весом.

Женги поморщился, когда чёрные драконьи глаза зажмурились от боли, поскольку натиск привёл к тому, что острые края оружия и доспехов вонзились в чешую, причиняя боль. Но, несмотря на это, чудище продолжало напирать, раздавливая насмерть своих обидчиков.

Однако один из отважных рыцарей с огромным мечом избежал участи братьев по оружию. Он выскользнул из-под туши напиравшего чудища, развернулся и мощно рубанул по передней ноге дракона, после чего переметнулся дальше, приготовившись с силой вонзить меч в туловище монстра.

Но не успел. Рыцаря схватила невидимая сила, рука, созданная посредством телекинеза. Когда он прыгнул на вирма, он пролетел над чудищем, и его подняло дальше в воздух.

Женги, крайне довольный своим успехом, продолжал поднимать человека выше и выше.

Сэр Донеган отчаянно метался, пытаясь высвободиться из магической хватки. Ярость охватила его так же крепко, как и заклинание дракона, и перед его глазами снова и снова всплывало изображение вирма, разрывающего челюстями Мэрилин. Беспомощного рыцаря подняло в воздух на четыре метра, затем на пять и дальше, а тем временем дракон продолжал убивать его людей, многие из которых глядели с разинутыми ртами на своего повисшего в воздухе командира, и надежда угасала в их глазах.

Донеган взмахнул мечом, словно пытаясь отрубить удерживающую его невидимую руку, но меч рассёк лишь воздух.

Рыцарь глянул на быстро приближающийся потолок и приготовился было к столкновению, но этого не произошло.

Хватка невидимой руки пропала.

С криком и проклятиями сэр Донеган рухнул вниз. Крик превратился в рычание, в котором слышался вызов. Он развернулся, выставив меч вровень с головой дракона, который не видел его приближения.

Клинок Донегана вонзился в череп зверя, послышался треск кости. Донеган не ослабил напор и продолжил движение, пока сам не врезался в вирма головой. От удара шлем согнуло, и к сломанным костям добавились ещё две – только теперь это были обе ключицы Донегана. Шею рыцаря сдавило так сильно, что позвонки превратились в порошок. Он согнулся и замер, перекосив спину.

Затем он сполз с вирма, из головы которого подобно третьему рогу торчал меч Донегана.

– Король-колдун? – снова прорычал Уршула, сквозь рык слышался звук булькающей крови. Он повернулся к месту, где недавно погибли волшебники, его

глаза залило красным.

– Король-колдун!

И Женги ответил, не физически – телепатически. Уршула заметил перед собой черный туннель, в конце которого виднелся яркий свет, и там стоял лич, держа маленький амулет в виде драконьего черепа. Уршула инстинктивно воспротивился исходящей от него тяге. Но простёртая рука Женги сулила жизнь там, где вокруг была лишь смерть. Чернеющая стена забвения становилась всё больше, и в этот преисполненный ужаса момент вирм сдался.

Дух Уршулы покинул умирающее тело и устремился сквозь туннель в украшение из драконьего черепа.

Женги не мог нарадоваться своей награде. Череп сиял ярким светом, бурля от духовной энергии пойманной в ловушку драконьей души, новорождённого драколича Уршулы.

Новоявленного союзника Женги.

Король-колдун опустил украшение и осмотрел место битвы. Он превосходно рассчитал время, когда надо было вмешаться в схватку, ибо лишь пара воинов осталась жива, да и те лежали на земле, беспомощно корчась, стоная и истекая кровью.

Женги не счёл за милость дарить врагам быструю смерть. Он бросил заклинание и исчез с поля битвы вместе со своей наградой, оставив рыцарей умирать медленной, мучительной смертью.

– Ты думал, что победил, когда несколько месяцев назад одолел отряд, преследовавший тебя до Ваасы, – с укоризной сказала Байфаст морозным дамарским утром.

– Это верно, моя взяла, – ответил Король-колдун, оторвав глаза от огромного фолианта, лежащего перед ним на столе, и взглянул на драконицу в облике эльфийки.

– Мои сородичи сбежали от тебя, – продолжала Байфаст. – Теперь нам больше не грозит вновь столкнуться с лордом Драконоборцем. Союзники, объединившиеся вокруг тебя, сильнее, чем ты мог ожидать.

– Но они смертные, – поправил его Женги. – И скоро они станут немощными от старости, подражают и умрут.

– Ты считал своё королевство надёжно защищённым.

Женги заставил себя не разразиться от смеха, настолько потрясённой казалась эльфийка, глядевшая на его спокойное лицо. Её наблюдения оказались верны; его действительно окружало разрушение, и он хорошо это знал. Гарет Драконоборец вполне вероятно мог одержать победу в Дамаре, и тогда бы паладин, в худшем случае, загнал бы Женги в самую тёмную дыру Ваасы.

– Довольно забавно видеть дракона, который столь печётся о будущем, – ответил он.

– Твой план потерпит крах!

– Мой план будет выжидать. Неужели дракон, создание, способное разрушить

город и спокойно удалиться к себе в логово на век-другой, не способен понять концепцию терпеливости? Ты меня разочаровываешь, Байфаст. Разве ты не понимаешь, что наши враги смертные, в то время как я – бессмертный? И ты тоже, – напомнил он ей, кивнув на полку рядом со столом, на которой покоилось несколько драгоценных камней в форме драконьих черепов, ожидающих, когда их наполнят души драконов.

– Моя сила исходит не от материальной оболочки, – продолжал Король-колдун, – а от черни, живущей в человеческих сердцах.

Он подложил руки под обложку большого фолианта и слегка приподнял её, чтобы Байфаст могла видеть чёрный переплёт, на котором были выгравированы изображения драконов – встающих на дыбы, сидящих, спящих, сражающихся. Женги опустил книгу на стол, сунул руку в карман и извлёк светящийся камень в виде драконьего черепа.

– Уршула чёрный, – отметила Байфаст.

Женги положил череп в центр открытого фолианта и прошептал древние слова, прижимая камень к страницам.

Череп погрузился внутрь и исчез в глубинах большой книги.

Байфаст вдохнула и напряжённо уставилась на Короля-колдуна.

– Не одержу победу сейчас, одержу позже, – пояснил Женги. – Со мной будут все мои союзники. Какой-нибудь тупоумный человечиска, эльф или другой смертный найдёт эту книгу и примется искать сокрытую в ней силу. Тогда-то мы и высвободим Уршулу в его истинном облике.

Женги замолчал и оглянулся. Байфаст перевела взгляд туда, куда смотрел Король-колдун – на огромный книжный шкаф, заполненный подобными книгами.

– Его алчность, его слабость, его тайное желание – нет, отчаяние – схватить великое сокровище, которое могу предложить только я, увековечит мои грандиозные планы, каким бы ни был исход битв на полях Дамары.

– Какая уверенность... – сказала Байфаст, тряхнув головой. Она улыбнулась, но испытывала лишь жалость.

– Ты хочешь разорвать свою связь с амулетом? – спросил Женги. – Хочешь расстаться с даром бессмертия, которое я тебе предложил?

Улыбка Байфаст угасла.

– Не думаю, – сказал Женги. Он закрыл фолиант и поставил на полку рядом.

– Моя сила вечна, так же как и страх смерти у смертных существ, Байфаст. А значит, вечен и я, – он оглянулся на новонайденный фолиант. – Уршула потерпел поражение от рыцарей армии Кровавого Камня. Но это сделало его лишь сильнее, и король Гарет, как и его наследники, однажды это узнают.

Некоторое время Байфаст стояла тихо, переваривая сказанное.

– Я не буду сражаться дальше, – решила она. – Я вернусь к Великому леднику и моему далёкому дому.

Женги пожал плечами, будто ему было всё равно – но на самом деле это было не так.

– Ты не разорвёшь связь с амулетом, – сказал он.

Байфаст напряглась и выпятила челюсть.

– Я проживу ещё тысячу лет, – заявила она.

Но Женги лишь улыбнулся, сказав:

– Да будет так. Я терпелив.

КАМНИ И КОСТИ

*Изначально опубликован в сборнике «Королевства войны»
Wizards Of The Coast, 2008*

Предлагаю, для разнообразия, разобрать суровую горькую истину — главный вопрос каждой войны, который звучит так: «А стоит ли»?

Этот вопрос неизбежен, и может быть применим к любому деянию, совершаемому человеком. Стоит ли отпуск с детьми потраченных на него денег, нервов и сил? Стоит ли сорокачасовая рабочая неделя (не считая времени в пути туда и обратно) той зарплаты, что предлагает работодатель?

Однако в контексте войны этот вопрос выглядит весьма интересно. Ведь те, кто извлекает от неё наибольшую выгоду, выражающуюся в деньгах и власти, идут на всё, чтобы за иллюзорной вуалью свести к минимуму все истинные тяготы битвы. И, получив своё, эти сильные мира сего всеми правдами и неправдами стараются игнорировать или скрывать все те ужасы. Таким образом мы видим военных журналистов и бьющих себя кулаками в грудь, размахивающих флагами самых преданных патриотов. Они находятся по разную сторону баррикад: журналистам непонятны мотивы этих патриотов, которым так нравится эта война.

Вспоминаю слова одной песенки, «Деревянные корабли»:

*«Судя по одежке, приятель, ты болеешь за другую команду
Только одно я знать хочу: скажи, кто победил?»*

Сколько в этих словах наивности, смирения, уязвимости. В последние годы, стоит мне увидеть выпуск новостей, эта песня почти каждый раз начинает звучать у меня в голове.

Я усердно пытаюсь понять, в чём смысл войны. За мою жизнь мне довелось познакомиться со многими удивительными солдатами и их замечательными семьями. Сколько писем, сколько искренней дружбы, сколько эмоций...

Но вопрос «А стоит ли?» до сих пор не даёт мне покоя, остаётся первым и главным, и мне хочется думать, что он тревожит и тех, кому приходится принимать решения о войне и мире. Нельзя забывать, что если война начинается, любой ответ «да» будет означать, что она неизбежно оставит после себя «кости и камни» и терзающую боль, когда патриоты прекратят размахивать флагами.

Структура данного рассказа слегка отличается; маленькое приключение Пвента я разбавил выдержками из эссе-отступления Дриззта, опубликованном ранее. Стимулом к этому мне послужила реплика из фильма «Мы были солдатами». В конце кинокартины полковник северо-вьетнамской армии стонет на победителей-американцев, говоря: «Они думают, будто одержали великую победу, за которыми последуют другие. Но за них им придётся заплатить многими жизнями». Уберите чрезмерный героизм и сцены битвы (клянусь, просмотр большинства военных фильмов сродни просмотру фильмов о спорте, таких как «Ледовое чудо»¹, где тебе вдруг начинает не хватать реальных событий, и тогда в игру вступает Джим Крэйг², самоотверженно отражающий бесчисленные броски соперника и делающий существенный вклад в победу своей команды. Ха! Пожалуй, это тянет ещё на одно эссе...), и фильм «Мы были солдатами» получится непомерно сильным, со множеством трогательных сцен, и поднимает многие вопросы о войне и

---

¹ Miracle on Ice – хоккейная игра между сборными СССР и США, прошедшая 22 февраля 1980 года на зимних Олимпийских играх в Лейк-Плэсиде (прим.пер).

² Jim Craig – вратарь хоккейной сборной США, принимавший участие в данном матче (прим.пер).

человеческой природе.

Слова полковника вьетнамцев запомнились мне, как и сцена с вертолѐтами под навязчивый аккомпанемент «Святого Маккензи».

В своём эссе Дриззт раскрывает вопрос до самого основания, обнажая горькую правду. Подобно птицам из романа Воннегурта «Бойня номер пять, или Крестовый поход детей», нам решительно нечего возразить против жестокой действительности повальной бойни.

Появление Пвента и орка, двух лютых, но непохожих друг на друга воина, добавляет штрих гуманности в бессмысленную на вид резню.

Рассказ «Камни о кости» не отвечает на вопросы. И не должен. Наоборот, он ставит вопросы.

КАМНИ И КОСТИ

(перевод – tar4uk)

Год Пивной Кружки (1370 ЛД)

Тем поздним вечером Тибблдорфа Пвента, покинувшего Мифриловый Зал, не покидало беспокойство. Орды короля Обольда наступали с запада и севера, и поэтому Бруенор запретил выходить на поверхность. Прагматизм и мудрость, несомненно, были на стороне короля.

Не часто берсерк, придворный офицер, шёл против указов любимого короля. Но этот случай из ряда вон, говорил себе Пвент, а вслух произносил короче: "Так надо".

Тем не менее, необходимость перечить приказам правителя лежала на сердце тяжёлым грузом. Дварфа раздирали внутренний конфликт. Словно отражая его настроение, над головой низко нависало злое серое небо, обещая разразиться дождём.

Дождём, который прольётся на Джендрея Шлемодела, и каждая капля болью отзовётся в сердце Тибблдорфа Пвента.

Не потому что Джендрей пал в бою – о нет, совсем не потому! Такая судьба была наиболее вероятной и даже ожидалась членами отряда Веселых мясников и их предводителем Тибблдорфом Пвентом. Когда несколько месяцев назад Джендрей присоединился к ним, берсерк сказал его отцу Хонклебарту, который многие десятилетия был ему дорогим другом, что не сможет гарантировать безопасность молодого дварфа.

– Но я сердцем чую, что он умрёт за правое дело, – ответил Хонклебарт Пвенту, когда оба сидели за кружками мёда.

– За семью и род, за короля и клан, – берсерк озвучил подходящий тост, и с энтузиазмом чокнулся кружкой с другом. Действительно, что ещё нужно дварфу?

В ветреный день на вершине холмов к северу от Долины Хранителя, у западного входа в Мифриловый Зал, в бою против орды орков судьба настигла Джендрея, и не могло быть более славной смерти для воина клана Боевого Молота.

Приблизившись к роковому месту, Пвент будто улавливал звуки того сражения. Никогда дварф не был так горд своими Мясниками. Он привёл их в самое сердце орочьей своры. Выйдя против свирепых воинов короля Обольда в подавляющем меньшинстве, берсерки не дрогнули и не отступили. В тот день погибли многие дварфы, но их тела пали на трупы куда большего числа орков.

Пвент думал, что тоже погибнет в той схватке, но благодаря отважным друзьям и одному умному гному он и несколько Мясников смогли пробиться к утёсу и спуститься к западным воротам Мифрилового Зала. Это была горькая победа, за которую многие заплатили славной и достойной смертью.

Даже зная это, Тибблдорф Пвент не мог унять в ушах отзвук второго тоста, провозглашённого Хонклебартом Шлемоделом. Наполнив кружку, дварф с гордостью произнес:

– И я знаю, что будь он мёртв или ранен, Тибблдорф Пвент не бросит моего мальчика.

И под грохот столкнувшихся кружек старый берсерк с легкостью пообещал:

– Если парня слопают дракон, то я в спору змеюке брюхо и вытащу его кости!

Говоря это, он не кривил душой.

Но Джендрей, погибший Джендрей, не вернулся домой.

– Ты бросил моего мальчика, – сказал Хонклебарт после боя. В его голосе не было ни злости, ни обвинения. Только констатация факта дварфом, чьё сердце было разбито.

Пвент даже жалел, что старый друг не сломал ему нос. Хоть мощь кулаков Хонклебарта была общеизвестна, но ни один удар не ранил бы берсерка сильнее этих слов.

– Ты бросил моего мальчика.

Я смотрю на склон холма. Сейчас на нём тихо, если не обращать внимания на птиц. Но они здесь. Птицы, каркая и крича, погружают клювы в окровавленные глазницы. Вороны не кружат перед тем, как сесть на усыпанное телами поле. Они летят, как пчёлы на цветок; летят к своей цели, на великий пир. Они санитары, как насекомые, дождь и непрестанный ветер.

И само время. Черета дней, сезонов, лет.

Гнарк вздрогнул, увидев изуродованный горный хребет. Какой славной была битва! Лучшие силы Обольда, гордые воины-орки заняли скалистый склон, сражаясь с укрепившимися на позициях дварфами.

Гнарк был в первых рядах, одним из тех немногих, кто пережил это наступление. Но, несмотря на потери, передовые отряды расчистили для орочьей армии путь к лагерю дварфов.

Казалось, победа была в руках.

Затем с помощью какой-то дварфской уловки или дьявольской магии горный хребет взорвался. Словно пшеница в сенокос, орочьи отряды полегли наземь. Многие гордые воины больше не поднялись.

И где-то там до сих пор оставалась лежать Тингвингей, любимая дочь Гнарка.

Орк пробирался мимо валунов, в воздухе по-прежнему висела пыль, поднятая чудовищным взрывом, преобразившим округу. Россыпи камней, скальные осколки и груды мелкого щебня напоминали Гнарку мёртвую тушу. Словно здесь было убито гигантское чудовище.

Гнарк остановился и облокотился о валун. Он поднял грязные руки, чтобы стереть выступившую на глазах влагу, сделал глубокий вдох и напомнил себе, что обязан похоронить Тингвингей сообразно её отваге дабы не опорочить её память.

Орк оттолкнулся от камня и пошёл дальше. Вскоре он миновал ближайший труп соплеменника. Или, по крайней мере, какие-то его части. Тела солдат западных отрядов, ближайших к горному хребту, были изуродованы ударной волной и обрушившимся следом каменным дождём.

В ноздри ударило зловоние. Масса чёрных жуков, первых живых существ, которых довелось встретить старому орку, сновали по вывалившимся кишкам разодранного напололам трупа.

Он представил, как такие же твари пожирают останки его погибшей малышки, его дочери, которая в далёком прошлом так часто надувала губки и гневно сверкала глазками, чтобы заставить отца дать еды. Однажды Гнарк даже пропустил из-за Тингвингей обязательную тренировку, когда она уговорила его пойти к вырытой для купаний скважине. Слава Груумшу, Обольд не заметил его отсутствия!

Это воспоминание вызвало у Гнарка тихий смешок, который, впрочем, быстро перешёл в рыдания. Он снова опёрся о кусок скалы, ища хоть какую-то поддержку. И

вновь старый орк напомнил себе, что должен гордиться Тингвингей.

Он взобрался на камень, чтобы лучше видеть поля битвы. Много лет назад Обольд отправил экспедицию к вулкану, полагая, что извержение это призыв Груумша. Там, где склон горы порос лесом, Гнарк видел множество упавших и изломанных деревьев, листва исчезла, ветки разметало по всей местности. Большие брёвна лежали аккуратными рядами, и казалось невероятным, что такое стихийное бедствие, как извержение вулкана, само воплощение хаоса, может оставить после себя нечто столь упорядоченное.

Те же эмоции ощутил орочий воин, стоя на вершине камня и разглядывая скалистый склон, на котором были уложены – слишком аккуратно – мёртвые тела.

Как много их было.

– Тингвингей, – прошептал Гнарк.

Он должен найти её. Ему необходимо увидеть дочь, и орк знал, что это нужно сделать незамедлительно – пока тело не обезобразили птицы, жуки и личинки.

Когда все кончено, остаются только кости и камни. Крики стихли, запах исчез. Кровь смыта дождём. Сытые птицы уничтожают всё, что отличало павших друг от друга.

Остаются только перемешавшиеся кости и камни. Время идёт, и ветер или дождь разрушает скелет, погребая их под грязью и песком. Пройдут годы, и останки сможет разглядеть только очень внимательный наблюдатель.

Камни скрипели под ногами, но Пвент не слышал. Он карабкался вверх по утёсу к тому месту, где сражались дварфы до отступления в Мифриловый Зал. Потрявоженные им щебень и мелкие осколки скалы заскользили вниз небольшим камнепадом, но берсерк этого тоже не услышал.

В ушах звенели крики восторга и боли, сообщая о приближении противников или о призыве поддержать товарищей, которые, как все понимали, были обречены.

Старый дварф слышал звон металла о металл, треск костей черепа под тяжестью его тяжелых рукавиц и влажный звук вонзившегося в орочьи кишки шипа на шлеме.

Подойдя к краю утеса и окинув взглядом длинный каменистый склон, усеянный трупами десятков дварфов и сотен и сотен орков, он мысленно вернулся в то сражение. Орки атаковали отсюда. Сверху на их отряды сбрасывались валуны, а в обратную сторону летели огромные обломки скал, которыми стреляли из катапульта великаны – берсерк отлично помнил тот отчаянный момент, когда только Мясники – его Мясники – могли что-то предпринять. Дварф повёл стремительную и яростную контратаку вниз по склону на орду орков. Дерясь кулаками и ногами, сеча и кромсая, он выкрикивал имена Морадина, Клангединна, Думатойна и короля Бруенора из клана Боевого Молота во славу Мифрилового Зала. Никто из отряда не выказал страху, никто не проявил неуверенности или колебаний, хотя ни один из Мясников не надеялся вернуться живым.

Неся на лице смесь решимости, гордости и скорби, Тибблдорф Пвент вновь спускался по тому же склону, останавливаясь лишь изредка, чтобы подобрать камень

и швырнуть в птиц, жаждущих полакомиться кем-нибудь из его друзей.

Берсерк отыскал место, где его отряд занял оборону, и увидел тела dwarфов, лежащие вперемешку с орочьими. Сваленные друг на друга словно стены из плоти, они возвышались над землей до пояса, и даже выше. Как же отважно бились Мясники!

Старый dwarf надеялся, что птицы не успели выклевать глаза Джендрея. Хонклебарт заслужил того, чтобы посмотреть в них ещё хоть раз.

Пвент подошел ближе и начал отбрасывать тела орков с пути, ворча от напряжения. Dwarf был слишком зол, чтобы заметить свою жесткость даже тогда, когда рука одного из павших противников оторвалась от трупа и осталась в его ладони. Он просто отбросил её вслед за телом, сыпя проклятиями.

Он добрался до первого солдата-dwarfа и вздрогнул, узнав Тулиддла Железного Кулака, одного из старейших членов отряда Веселых Мясников.

Пвент сделал паузу, чтобы помолиться за Тулиддла Морадину, но, так и не завершив молитву, остановился, задумавшись над предстоящей задачей. Принести домой тело Джендрея было не трудно, но тогда придётся оставить на поле битвы всех остальных.

Как он может так поступить?

Берсерк отступил и пнул мёртвого орка в лицо. Уперев руки в бока, он огляделся, прикидывая, сколько придется сделать ходок и со сколькими компаньонами, чтобы вернуть домой всех его парней. Dwarf понял, что просто не может оставить товарищей – никого из них – птицам и насекомым.

Тибблдорф Пвент всегда путался в больших цифрах, особенно когда отвлекался на что-то.

Со стороны северо-запада он заметил какое-то движение.

Сначала dwarf подумал, что это большая птица или другой пожиратель падали, но тут его осенило, словно ударило камнем по затылку.

Это был орк – одинокий орк, пробирающийся через лабиринт раскуроченного камня и тел погибших и, очевидно, не замечающий Пвента.

Надо было упасть на землю и притвориться одним из погибших. Это была одна из уловок, которой пользовались мясники. Засада и последующее стремительное нападение.

Пвент подумал о Джендрее, Тулиддле и всех остальных. Он представил, как птица выклёвывает глаза сыну Хонклебарта, представил рой жуков, облепивших его кишки. И снова почуял запах сражения и услышал крики. Перед глазами берсерка снова встала отчаянная битва.

Надо было упасть на землю и притвориться мёртвым, но вместо этого сплюнул на землю, взревел и бросился в атаку.

Кто будет помнить тех, кто умер здесь, и что обе стороны получили взамен своим потерям?

Перед ближайшей битвой любой dwarf будет утверждать, что оно того стоит, ведь для их кланов война – благородное дело. Ничего dwarфы не почитают более, чем война и взаимопомощь. Их всех роднят крепчайшие узы верности и совместно пролитой крови.

Итак, для dwarfа смерть в бою это способ достойно закончить достойно прожитую жизнь. Или же сделать её достойной, пожертвовав собственной жизнью.

Гнарк едва поверил своим глазам и ушам, когда увидел одинокого дварфа, бегущего к нему по склону. На лице орка расцвела улыбка.

Груумш послал этого бородача, чтоб его последовательно было на ком выместить гнев и избавиться от отчаянья, вызванного гибелью Тингвингей.

Гнарк не уклонился от сражения. Он не боялся дварфа, даже такого, что был больше похож на закованного в броню зверя. Чёрный искорёженный доспех дварфа усыпали шипы, которые могли разорвать шкуру даже громадного зверя. Подобное зрелище испугало бы многих, но Гнарку только это было и нужно.

Ухмыляясь, орк вытащил из-за спины тяжёлое копье и оценивающе взвесил в руке. Оно не предназначалось для метания. Гнарк повесил на тупой конец древка железный шар, переместив баланс.

Увидев грозное оружие, дварф и не подумал остановиться. Он дважды споткнулся об орочьи тела, расшвыривая их в стороны, продолжая реветь от ярости и... боли?

Гнарк подумал о Тингвингей и понял причину горечи противника, он ответил столь же воинственным рыком.

Орк держал копье горизонтально перед собой до последней минуты, а затем упёр тяжёлый конец в землю и прижал его ногой для большей устойчивости.

Гнарк думал, что легко прикончит противника, но этот парень не настолько обезумел, как казалось на первый взгляд. Дварф метнулся в сторону, левой рукой отбросив нацеленное на него копье.

А затем нанёс удар по древку.

Но Гнарк уже отступил назад и, развернув копье, направил тупой конец в грудь дварфа. Сила удара остановила воина-дварфа и даже отбросила на целый шаг назад.

Орк зашёл слева, ловко орудуя копьем и нанося удары то одним, то другим концом. Завершив серию выпадов, он отскочил в сторону, занося оружие для решающего удара.

– За Тингвингей! – воскликнул он на дварфийском, желая, чтобы враг знал это имя, чтобы оно было последним, что он услышит!

Дварф повалился наземь, и копье пронеслось мимо.

С удивительной ловкостью для закованного в сталь коротышки, дварф подскочил на ноги. В тот миг, когда шип его шлема оказался возле копья, берсерк повернул голову, парируя удар Гнарка.

Дварф продолжил движение, удерживая копье шипом. Он отпрыгнул назад и низко склонился, прижав древко к земле. Невероятно, но он поворачивал копье вспять!

Открыв рот от удивления, Гнарк всё же пытался нанести удар во время разворота, надеясь пронзить маленького негодяя.

Но тот только этого и ждал. Стоило орку начать атаковать, берсерк вцепился в древко копья.

– За погибшего друга я вырву твои глаза, – прохрипел он, и Гнарк, несмотря на скромные познания в дварфийском, понял каждое слово.

Дварф был слишком близко для атаки копьем, и его хватка оказалась на удивление сильной. Гнарку никак не удавалось высвободить оружие.

Поэтому орк решил удивить противника. Он сжал покрытую броней ладонь в кулак и, ухмыльнувшись, изо всех сил ударил противника в лицо. Такой удар мог

свалить наземь почти любого орка или дварфа.

Я не могу не задаться вопросом, хотя и в более широком смысле: что теперь? Стоила ли победа заплаченной за неё цены? Достиг ли чего-то Обольд ценой гибели сотен, возможно тысяч своих воинов? Получит ли он что-нибудь долговечное? Принесла ли героическая оборона утеса что-то стоящее армии Бруенора? Разве не могли они уйти в туннели Мифрилового Зала, которые куда легче защищать?

Сто лет спустя, когда на поле брани останутся только кости и камни, будет ли кто помнить о том, что здесь случилось? Любопытно, что же питает пламя жаждущих битвы сердец столь многие разумные расы? Глядя на последствия бойни, что произошла на этом склоне, я словно гляжу в пустоту. Я представляю крики боли. Мысленно слышу голове крики умирающих воинов, знающих, что пришел их последний миг и потому зовущих своих близких. Вижу рушащуюся башню и моего друга, стоящего на её вершине. Конечно, обломки оружия, кости, прочие останки едва ли стоят мига сражения. Но есть ли что-то неосязаемое, что-то способное оправдать кровопролитие? Или возможно во всех нас заложено нечто – и этого я боюсь – что снова и снова подталкивает нас к войне?

И одновременно я задумываюсь, у всех ли нас это внутри? Когда воспоминания о войне и крови исчезают, мы вновь хотим стать частью чего-то великого, и тогда мы отбрасываем тишину, спокойствие и рутину мира. Равняем ли ми мир со скукой? Быть может, горящая в нас жажда насилия затухает лишь от свежих воспоминаний о боли и потерях. Но время лечит все раны, и тлеющие угли вновь вспыхивают всепоглощающим пожаром. Я заметил это и в себе, и признал, что не комфорт и спокойствие, а лишь бьющий в лицо ветер, стелющаяся под ноги дорога и поджидающие впереди приключения делают меня счастливым.

И конечно же я вновь отправлюсь в дорогу, но мне кажется это совсем иное, нежели завоевательный поход Обольда. И различие это становится ясно, стоит взглянуть на усеянный костями склон. Мы спешим на зов стали, к битве, к славе, но что будет с теми, кто оказался на пути этой жажды величия?

Тибблдорф Пвент не был обычным дварфом. Он знал, что его поза, слова и усмешка вынудят противника ударить, именно так берсерк предпочитал начинать драки в тавернах.

Он видел, как кулак летит к его лицу – и если бы пожелал мог даже уклониться.

Но дварф этого не сделал.

Пвент слышал, как хрустнул его нос, почувствовал, как мотнулась назад голова и как хлынула кровь.

Но он улыбался.

– Моя очередь, – хмыкнул берсерк.

Но вместо того, чтобы броситься на орка, он рванул у него копье, кувыркнулся

через оружие, перехватывая его обеими руками. К тому моменту, как дварф снова встал на ноги, копьё покоилось на его широких плечах. Потянув древко к себе, он закружился волчком, и противник наконец-то выпустил оружие.

Пвент, лицо которого застыло маской ярости, стоило орку потянуться за тяжелым камнем, бросился на врага. Тот зарычал и, подняв руку, перехватил копьё за древко, резко направив его вниз.

Оружие сломалось, и берсерк отшвырнул оба обломка в сторону.

В грудь дварфа врезался камень, отшвырнув на несколько шагов.

– Ах так? Значит, будем по-плохому, – пообещал дварф.

Он наклонился, прижав локти к коленям, и кинулся в бой, так крутя головой, что острый шип на его шлеме замелькал перед глазами противника.

Орк отступил на шаг, два, споткнулся и начал падать. Пвент взревел и рванул вперёд, пригнув голову. Он почувствовал, как шип на шлеме пробил звенья кольчуги и кожаную подкладку, вошел в плоть орка, ломая кости. Берсерк, побывавший во множестве битв, испытывал это ощущение это не единожды.

Он выпрямился, поднимая насаженного на длинный шип орка над головой.

К своему удивлению берсерк увидел, что противник до сих пор находится перед ним. Как только размахивающий мечом орк шагнул вперед, дварф понял, что произошло. Орк притворился падающим, положив вместо себя один из разбросанных по склону трупов сородичей и одновременно подобрал с земли меч. Бедняга, висающий над головой Пвента, был мёртв уже несколько дней.

А настоящий противник тем временем улучил возможность атаковать дварфа, направив остриё клинка ему в сердце.

Следующие несколько минут прошли как в тумане. Противники рефлексивно обменивались ударами. Пвент получил несколько ран, но не остался в долгу. Клинок рассёк его руку, и кровь обагрила чёрные доспехи, но благодаря этому берсерк смог оттолкнуть оружие дальше, чем предполагал орк, и нанёс врагу серию коротких сильных ударов. Когда же орку наконец удалось уйти из-под атаки, он врезал левым кулаком дварфу в челюсть и прежде чем берсерк смог ответить, снова выставил меч перед собой.

«Этот хорош – очень хорош для орка», – подумал Пвент.

Противники обрушивали друг на друга шквалы ударов, с рыком рубя, кромсая и уворачиваясь. И всё это время над головой Пвента покачивался ста пятидесяти килограммовый мертвец. Долго так продолжаться не могло, дварф это понимал. Только не с таким утяжелителем.

Быстрый удар меча едва не выпустил ему кишки; берсерк увернулся вовремя, втянув живот и отведя бёдра назад. Затем дварф отклонился сильнее, воспользовавшись весом мертвеца.

Он замахнулся левым кулаком, но к его удивлению орк низко припал к земле, уходя из-под удара. Только импровизация спасла споткнувшегося Пвента. Вместо того чтобы остановить удар, как подсказывал инстинкт, он шагнул дальше, разворачиваясь и поднимая правую ногу.

Дварф нанес противнику удар пяткой, оттолкнув его на несколько шагов.

Но из-за покачивающегося на шипе трупа и берсерк не удержался на ногах. Он знал, что не успеет подняться и парировать следующий удар.

Орк тоже это знал и, подскочив на ноги, бросился к противнику, стремясь его добить.

У Пвента не было шанса его остановить.

Но глаза орка вдруг расширились, стоило его взгляду натолкнуться на что-то в отдалении. Прежде чем Гнарк успел закончить удар, берсерк не упустил своего шанса и, напрягая каждый мускул, с силой мотнул головой. Труп соскользнул с шипа и полетел в своего живого сородича.

Орк отступил шаг и издал странный вой. Но Пвент не колеблясь бросился вперёд и, перепрыгнув и мёртвого и живого орка, кувыркнулся над плечом противника, локтем ударив его в подбородок, а сжатым кулаком второй руки в лицо, вцепляясь в волосы и кожаный шлем. Приземлившись на ноги за спиной орка, Пвент уже знал, что победил. Голова противника отклонилась далеко назад, и если бы берсерк не удерживал его за волосы, то орк наверняка бы упал. В таком положении он уже вряд ли мог сражаться.

Одним движением дварф мог сломать противнику шею, а покрытые острыми гранями наручи, и так глубоко царапающие шею орка, в миг разорвали бы его трахею.

Берсерк и собирался так поступить, но отразившаяся на лице орка сильнейшая душевная боль остановила его.

– Почему ты остановился? – требовательно спросил Пвент, ослабляя хватку достаточно, чтоб орк мог ответить, но всё же имея возможность убить его в любой момент.

Орк не ответил и берсерк дёрнул его за волосы.

– Ты вопил: “за” что-то, – с нажимом продолжил Пвент. – За что?

Орк хотел промолчать, но дварф снова потянул его за волосы.

– Ты не достоин знать её имя, – прошептал Гнарк, выдохнув весь имеющийся в легких воздух.

– Её? – переспросил Пвент. – Отправил сюда свою шлюху, а? Готов к ней присоединиться?

Орк зарычал и забился в хватке берсерка, будто тот задел его за живое.

– Ну? – фыркнул дварф.

– Моя дочь, – сказал орк и к удивлению Пвента, казался, сдался. Дварф почувствовал, как противник обмяк в его руках.

– Дочь? Что ты имеешь в виду? Зачем ты сюда пришёл?

Орк снова промолчал, и Пвент злобно его пнул.

– Отвечай!

– Моя дочь, – повторил Гнарк треснувшим голосом. Больше он не смог выдать из себя ни слова.

– Твоя дочь умерла здесь? – спросил берсерк. – В бою? Ты потерял своего ребёнка?

Орк молчал, но Пвент видел ответ на свой вопрос в каждой черте лица сломленного воина. Дварф проследил за пустым взглядом орка в ту сторону, где лежало несколько трупов.

– Это она, не так ли? – спросил он.

– Тингвингей, – едва слышно прошептал орк. Пвент не верил собственным глазам, но по щекам орка катились слёзы.

Берсерк сглотнул. Такого он никак не ожидал.

Дварф усилил хватку, готовясь покончить с врагом.

К своему собственному удивлению Пвент поднял орка на ноги и оттолкнул.

– Забери её и убирайся, – сказал берсерк, проглотив вставший в горле комок.

Кто будет помнить тех, кто умер здесь, и что обе стороны получили взамен потерям?

Всякий раз, теряя кого-то близкого, мы верим, что никогда не забудем его, будем помнить каждый проведённый с ним день. Но мы живем настоящим, и оно

занимает всё наше внимание. И так проходят годы, мы не вспоминаем ушедших днями или даже неделями. Затем приходит чувство вины, потому что если я не вспоминаю Знакфейна – моего отца, наставника, который пожертвовал собой ради меня – то кто вспомнит? А если так, то видимо его действительно больше нет. С годами вина слабеет, и воспоминания об ушедшем занимают наши мысли всё реже. Этот порок всегда с нами, возможно, потому что все мы эгоцентричные существа. Эта черта наших характеров, которой мы не можем противиться.

В конце концов, мы, все мы считаем себя центром мира.

Гнарк повернулся к удивительному дварфу.

– Ты позволяешь мне уйти?– спросил он на дварфском.

– Забирай ребёнка и убирайся.

– Почему ты ...?

– Просто заberi! – рявкнул Пвент. – У меня нет времени на шавок вроде тебя. Ты пришел сюда за своей девочкой, так заberi её и уходи!

Гнарк разобрал не все слова, но и их было достаточно, чтобы понять. Он посмотрел на свою девочку – его дорогую, мёртвую доченьку – и, снова обернувшись, спросил: – А ты кого потерял?

– Захлопни пасть, собака, – прорычал Пвент. – И убирайся, пока я не передумал.

Его тон говорил красноречивее всяких слов. Боль, скрытая за рыком, была понятна орку, чью душу терзало то же смешанное чувство ярости и горя.

Он оглянулся на Тингвингей, краем глаза замечая, что опустивший голову дварф собирается уйти.

Гнарк не был обычным орком. Он служил в элитной охране Обольда в течение многих лет и тренировал тех, кто унаследует эту почетную должность. Дварф победил его – с помощью трюка, на самом деле – и это оскорбление не было мелочью для Гнарка. Старый орк никогда не думал, что его одолеют таким образом.

Но теперь он был готов.

Он преодолел разделявшее их с дварфом расстояние двумя прыжками, и когда противник обернулся, чтобы обороняться, Гнарк нанес ему серию быстрых коротких ударов, лишая берсерка равновесия.

Орк продолжал атаковать, толкая и пиная, не давая дварфу перейти от обороны к наступлению.

Он оттолкнул берсерка, почти закончив бой, но упрямый бородач кинулся на врага.

Гнарк уклонился и врезал эфесом меча по плечу противника, заставляя дварфа окончательно потерять равновесие. Когда Пвент потянулся, собираясь уцепиться за орка, тот нырнул ему под руку и перехватил за запястье. Дварф плашмя упал на землю.

Берсерк распластался на спине, Гнарк нависал над ним, прижимая меч к горлу врага.

Я слышал, родители бояться умереть вскоре после рождения ребёнка. Этот страх не оставляет их первые десять лет жизни их потомка. Они беспокоятся не о том, что будет с ребёнком, случись им умереть – хотя присутствует и этот страх – а о самих себе. Что если отец умрет, прежде чем ребёнок сумеет его запомнить? И кто тогда преклонит колени перед разбросанными на земле останками? Кто вспомнит блеск в уже мёртвых глазах прежде, чем вороны слетятся на мрачный пир?

– Ба, собака решилась на подлость, а, убийца?! – крикнул Тибблдорф Пвент. – Ты так же бесчестен, как и твоя... – он проглотил окончание фразы, так как Гнарк сильнее вдавил острие клинка в его шею.

– Не смей о ней говорить, – предупредил орк и чуть отодвинул меч.

– Думаешь, что это благородно, а?

Орк кивнул.

Пвент едва не плевался от негодования.

– Ты, собака! Зачем ты это делаешь?

Гнарк отступил, убирая лезвие от горла врага.

– Потому что теперь ты знаешь, что я благодарен тебе за милосердие, дварф, – пояснил он. – Теперь твоё сердце знает, что сделало правильный выбор. Ты унесёшь с поля боя не бремя вины за свою милость. Считай это моим ответом за твоё милосердие. Если мы встретимся в битве Обольда против Бруенора, то знай, я буду служить своему королю.

– Как и я! – взревел Пвент, поднимаясь на ноги.

– Но ты мне не враг, дварф, – добавил орк, отступая и с поклоном уходя.

– Как и не друг!

Гнарк повернулся и улыбнулся, но то ли от того, что был согласен, или же по какому-то другому поводу, берсерк не разглядел.

То был странный день.

Я хочу, чтобы спешащих на пир воронов унёс ветер, и навсегда сохранились лица погибших, напоминая нам о боли. Когда зазвучат призывы к славе, и армии снова пройдут по усеянным костями камням, лица мёртвых напомнят им о цене, которую придется заплатить. Вид запятнанной кровью земли отрезвляет меня. И пронзительным предупреждением звучат в моих ушах крики воронов.

– Дриззт До'Урден

ИРУЛАДУН

*Изначально опубликован в сборнике «Королевства мёртвых»
Wizards Of The Coast, 2010*

*Перед прочтением данного рассказа настоятельно
рекомендуем прочитать роман «Король призраков»!*

Когда молодые писатели спрашивают моего совета, я всегда отвечаю: «Если можете бросить, бросайте. Если не можете — значит вы настоящий писатель». И в моём ответе нет лукавства. Я говорю вполне серьёзно. Писательство это не «работа», и уж точно не лёгкий способ быстро прославиться и заработать.

Суть писательства в самом процессе.

Итак, почему же я стал писателем? Почему не смог бросить? Не скрою, сейчас для меня это неплохой бизнес, но почему я не смог бросить это занятие в период 1984-1987, когда в результате тысяч часов труда я не получил ничего, кроме горстки отказных писем? И даже сейчас, хоть я и благодарен судьбе за карьерный успех, я ни от кого не скрываю, что даже если выиграю в лотерею, буду писать даже больше прежнего, разве что публикаций будет гораздо меньше.

Потому что дело вовсе не в бизнесе, как вы понимаете. И никогда так не было. Не может бизнес быть связан с писательством. Впрочем, писательство с целью заработка служит толчком к писательству как таковому, но значение имеет лишь писательство как таковое.

Многие годы я думал, что всё дело в читателях, и на самом деле когда получаешь множество писем и откликов на свою работу, это служит хорошим стимулом и согревает душу. От солдата в пустыне, рассказывающего мне, что мои книги помогают ему скоротать время между военными операциями, до болеющего раком мальчишки, который черпает силы, читая о Дриззте, и до школьника, пишущего, что у него нет друзей, но всё хорошо, потому что он может проводить дни вместе с командой Мифрилового Зала — всё это чудесно и здорово, и какое это блаженство осознавать, что кто-то таким образом приоткрывает тебе завесу своей жизни.

И всё же должно быть нечто большее — и оно есть. Думаю, ещё до недавних пор я не вполне это осознавал. Почему я стал писателем? Потому что писательство это процесс, при помощи которого я могу передать своё отношение к миру, бытию, жизни и смерти. Для меня процесс написания это ведение внутреннего диалога. Мне даже интересно, если бы я это понял раньше, смог ли бы я тогда пустить читателя к себе?

Я часто говорил, что Дриззт это тот, кем бы я хотел стать, хвати мне на то смелости. Но кроме того, он и другие персонажи являются катализатором моих вопросов и, надеюсь, подсказками к ответам на них.

И ни в одной моей работе это не ощущается так явно, как в «Ируладуне» — я имею в виду не сам рассказ, а его концепцию. Перемены в Забытых королевствах, неизбежность того, что многое изменилось для команды Мифрилового зала, нанесло серьёзный удар владениям Сальваторе. Больше двадцати лет я был знаком с этими друзьями. Смерть четверых из них — могло ли бы этого оказаться достаточно? Возможно, но если я прибегал к помощи этих друзей дабы исследовать вопрос жизни, то почему тогда не продолжить с ними путь и не задать более глобальные вопросы, выходящие за рамки привычного бытия? В конце концов, это же фэнтези, мир, населённый богами и мощной магией.

Если я хочу раскрыть концепцию войны в рассказе «Камни и кости», то почему бы не раскрыть концепцию жизни после смерти здесь, в «Ируладуне»?

Помню, когда я был ребёнком, мой дядя часто шутил: «Если рай это кучка поющих и трубящих в рожки толстяков, тогда я отправляюсь в ад!»

Самое забавное то, что Ируладун для меня – концепция раскрывающаяся. Я пока не могу в полной мере прояснить всё, что в нём происходит, хотя в мыслях уже кое-что проясняется. Для меня это очередной переулочек, очередное путешествие в фантастическое место, где я могу задать важные вопросы и где, надеюсь, такие же вопросы возникнут у самих читателей.

Я хочу знать, почему поёт Кэтти-бри. И поверьте, я узнаю.

ИРУЛАДУН

(перевод – Gjallarhorn)

Лес Ируладун.

Весна, годы затихающей активности Магической Чумы.

– Не успеем! – испуганно закричал стоявший на носу Латан Обридок.

Он обернулся и оглядел экипаж, лицо было мокрым от брызг. «Погост Ларсон» рассекал крутые волны Лэк Диннешера. Зубы молодого юнги дрожали одновременно от страха и от зверского холода, исходящего от озера. В Долине Ледяного Ветра водоёмы большую часть года были покрыты толстым льдом.

– Латан, расслабься. Я бы не отправился с Эшлией Ларсон, если бы думал, что она заведёт меня в водную могилу, – успокоил его Аддадэрбер Молниеносный, весьма яркая и колоритная фигура Каэр-Диневаля, портового городка на западном берегу озера, откуда отправилось судно. Озеро являлось одним из трёх огромных водоёмов этого края, расположенных вокруг одинокой горы, известной как Пирамида Кельвина.

С этими словами Аддадэрбер принялся размахивать руками, однако эффект оказался куда меньше обычного. И неудивительно, ведь ему пришлось променять робы красного волшебника на более практичную для мореплавания одежду. В конце концов, ничто так быстро не утягивает на дно, как намокшая шерстяная мантия. Зато с чёрной шляпой Аддадэрбер расставаться не пожелал. Некогда высокая, прямой конической формы с твёрдыми полями, шляпа ныне представляла собой жалкое подобие головного убора: поля с обеих сторон обвисли, а конус перегибался на середине, из-за чего конец смотрел в левое плечо волшебника. Казалось, шляпа отражала не столько суть своего хозяина, человека преклонных лет с седыми волосами, густой бородой, и скрюченной осанкой, сколько его магию, сопровождающуюся частыми осечками и неудачами, вызванными разрывом Плетения Мистры, катастрофой, известной на просторах Забытых королевств как Магическая Чума.

– Могила по тебе давно плачет, и мне тебя ничуть не жаль, – огрызнулся Спрэган Рубрик, самый молодой член команды «Погоста». Ему было шестнадцать, и он был почти на два года младше Латана. С его кудрявых каштановых волос стекала вода, тёмно-карие глаза блестели от попадавших в них капель. Он первым обнаружил пробоину, заметив, как в трюм набирается тёмная вода озера, протягивающего свои ледяные объятия к выбранной жертве.

– Я бы на твоём месте выбирала выражения, разговаривая с Аддадэрбером, – крикнула стоявшая у румпеля Ашлия, сверкнув серыми глазами. В её голосе чувствовалось куда меньше страха, чем у молодых рыбаков. Ашлия была статной женщиной средних лет с широкими плечами, на которые спадали светлые прямые волосы, зачёсанные на пробор. Несмотря на принадлежность к слабому полу, выглядела женщина весьма крепкой. Её светлая и гладкая кожа напоминала фарфор, что сильно отличало её от бывалых рыбаков. Лишь присмотревшись поближе, можно было заметить намёк на загар, проступивший вскоре после окончания суровой зимы.

– Он надеется, что старый колдун превратит его во что-нибудь водоплавающее, – с усмешкой произнёс пятый из-под низко надвинутого капюшона зелёного плаща.

– Лучше в жабу, – отозвался волшебник. – Они-то умеют плавать. Но далеко ли – это другой вопрос, зависящий от размера костяной форели, которую мы два дня ловили. Попадись рыбёшка килограмм в пять, тогда держу пари, жалкое земноводное и десяти гребков не успеет сделать. Как думаешь, Обход?

Человек в плаще издал тихий смешок, потешаясь одновременно над остротой мага и над своим прозвищем. В Десяти Городах его прозвали Обходным, и это имя ему приходилось очень кстати. «Обходной, Обходной, обходи нас стороной», часто говорили люди о следопыте, настоящее имя которого почти никто не знал и которое он, похоже, открывать не собирался. Он был среднего роста, мускулист, хоть и строен, с прямыми чёрными волосами и колючим разноглазым – один карий, другой голубой – взглядом. Ходили слухи, что глаза выдавали в нём признак смешанной крови. Уши следопыта были длинными и проглядывали сквозь волосы, и он даже не пытался скрыть тот факт, что в его венах течёт эльфийская кровь.

Спрэгган повернулся к Латану с озадаченным выражением на лице, но тот лишь покачал головой и смахнул со лба светлые локоны.

Аддадэрбер начал нащёптывать магическую формулу. Оба молодых рыбака повернулись к нему с тревожным взглядом, и, заметив это, маг невольно приподнял уголки губ в ехидной ухмылке.

– Ну, хватит, – обратилась к нему Ашелия. – Парни и так напуганы, – она сверкнула в сторону дерзкой парочки суровым взглядом. – Тоже мне, моряки. Да откуда им знать, что такая маленькая пробоина не потопит «Погост»?! Нет уж! Моя сестра доверила мне Латана. В нём кровь настоящего моряка, говорит. Да глянь на его лицо! Сомневаюсь, что в нём вообще есть кровь.

– Мы никогда так далеко не... – начал Спрэгган, но Ашелия его перебила.

– Хватит скулить! – рыкнула она. – Четыре поколения Рубриков ходили по водам Диннешера. Твой дед, тётка и двое дядьёв нашли в нём вечный покой. А тебя я взяла с собой, чтобы ты маленько поучился, мамаша твоя так хотела. Думаешь, она доверила бы мне тебя, не знай я эти воды? Думаешь, я взяла бы тебя вместе с остальными, если бы не была уверена, что ты готов? Так что не заставляй меня думать, что я в тебе ошиблась. Латан, останься на носу и приготовь швартовый, когда подойдём к восточному берегу. А ты, Спрэгган, бери ведро и ныряй в трюм.

– Но там столько...

– И не заставляй меня повторять дважды, иначе я быстро избавлю судно от семидесяти килограмм балласта.

Бросив прощальный взгляд на Латана, молодой рыбак скрылся под палубой.

Было слышно, как он споткнулся о кормовую лестницу и с плеском шлёпнулся в заполненный водой трюм. Затем у гакаборта³ резко открылся люк, откуда с брызгами вынырнул Спрэгган с полным ведром в руке, и выплеснул воду за борт.

– Может, я помогу парню? – спросил Обходной.

Ашелия отмахнулась.

– Мы уже попали в восточное течение, да и берег близко. Ты и так мне щедро заплатил за то, чтобы я доставила тебя на восточный берег. Не хватало ещё заставлять тебя спину гнуть. А вот старого колдуна...

– ...Ты взяла для того, чтобы он нашёл тебе рыбу, а не черпал воду, – откликнулся Аддадэрбер. – Я не пожалею монетки, чтобы мельком взглянуть на твою красоту, но даже твои соблазнительные чары имеют границы.

Ашелия выдавила ухмылку, и её сдержанный смешок дал понять, что женщина расслышала сарказм – очередной повод для старика испытывать к ней симпатию.

Её вера в «Погост» была небеспочвенной. Будучи закалённой ветрами морячкой, она могла определить состояние судна по поведению румпеля и натягу парусов. И несмотря на то, что вести «Погост» по желаемому курсу оказалось задачей не из лёгких, они без труда достигли секретного залива и вошли в тихую лагуну – и сделали бы это, даже если бы Ашелия не заставила Спрэггана и Латана

---

³ Гакаборт – кормовая часть борта.

весь путь вычерпывать воду.

Про это местечко мало кто знал – разве что несколько рыбаков Каэр-Диневалы и, разумеется, Обходной, который знал окрестности трёх озёр как никто другой в Десяти Городах. Из песчаного берега выступал одинокий док с одноэтажным домиком. За ним вырастала стена небольшого, но густого леса, что было для здешних мест уникальным явлением, поскольку береговая линия Лэк Диннешера сплошь представляла собой скалистые обрывы и голую тундру. Скалы, окружавшие залив с севера и юга были выше обычного и защищали деревья. Местонахождение леса, второго по величине в Долине Ледяных Ветров после Одинокого леса у берегов Маэр Дуалдона далеко к западу, держалось в строгом секрете, как и примыкавший к нему домик с доком.

«Погост Ларсон», управляемый твёрдой рукой Ашелии, легко скользил к берегу. Латан и Спрэган суетливо готовились бросить швартовые.

– Здесь неглубоко, – пояснила Ашелия.

– Я вижу дно, – кивнул Спрэган.

– Даже если трюм заполнится водой, судно не утонет. Заделаем брешь, вычерпаем воду и двинемся обратно, – поучала Ашелия. – В домике есть инструменты, смола и доски.

– Вы, рыбаки, вижу, народ предусмотрительный, – похвально произнёс Аддадэрбер.

– Не все, – ответила Ашелия. – Но те либо уже мертвы, либо скоро будут. Лэк Диннешер не прощает идиотов.

При магической поддержке Аддадэрбера, помогавшего плавить смолу и разгонять в трюме воду, давая возможность Ашелии закрыть пробойну досками, экипажу вскоре удалось привести судно в более-менее рабочее состояние. Солнце уже клонилось к западу, и рыбаки решили провести ночь на берегу.

– На ужин выберите самых лучших, – распорядилась капитан, обращаясь к молодым юнгам. – А потом вычерпаете воду ниже пробойны. Посмотрим, будет ли течь. И хворосту на ночь соберите.

Оставив юношей наедине с заданием, она направилась на берег, и вскоре обнаружила мага и следопыта, ошарашенно смотревших на лес.

– Ну, что тут у вас? – спросила она.

– Хороший выдался год, – ответил Обходной, указывая на лес. Осмотрев растительность, женщина поняла, о чём речь. Деревья казались толще и насыщеннее, чем она помнила, а воздух был наполнен ароматом цветущих растений и звуками жителей леса.

Глаза Ашелии сделались ещё выразительнее, чем у её компаньонов.

– Я была здесь осенью, – произнесла она. – Что-то не так. Они стали больше.

– Эффект Магической чумы, – резюмировал Аддадэрбер. – Возможно, проявление некоего рода магии.

– Всюду тебе магия мерещится, – сказал Обходной, копируя взгляд из под кустистых бровей мага. – Просто зима выдалась снежная. Снег растаял и напитал водой землю. Даже здесь, в Долине, у природы бывает праздник жизни.

– Потому что мы – предусмотрительный народ, – поддакнула Ашелия и направилась к домику. Компаньоны двинулись следом.

Никто из них не был уверен в верности аргумента Обходного – и прежде всего сам следопыт. Просто они что-то чувствовали; чувствовали, будто где-то под землёй у них под ногами бьётся сердце. Они чуяли запах, слышали вибрации в воздухе, ощущали их.

Прибравшись в домике, они привели в порядок стол со стульями, а половые доски вполне могли послужить импровизированными постелями. Полуэльф вытащил на улицу камни и выложил из них костёрную яму. Вскоре вернулись юнги,

принеся запасы рыбы – преимущественно костяную форель, компанию которой для разнообразия составляли голубые и пятнистые окуни.

– Кажись, держится, – доложил Латан.

Обходной бросил ему найденный возле дома топор.

– А теперь за дрова. И чтоб хватило на ужин и на ночь, – скомандовала Ашелия, и ребята отправились выполнять задание.

– Мне бы таких молодцев, – произнёс Аддадэрбер, когда они ушли.

– Да, они могут быть полезными, – согласилась женщина.

– От них больше хлопот, чем помощи, – сказал следопыт, и, поймав на себе задорные взгляды компаньонов, добавил, – Нет, я не позволю им испортить мне ужин своими непревзойдёнными кулинарными способностями.

С этими словами он взял самую большую рыбку, вынул из-за пояса нож и вышел на улицу, собираясь её почистить. Аддадэрбер щелкнул пальцами, и по команде одна из оставшихся рыб ожила и, пританцовывая, отправилась вслед за полуэльфом.

– А ты, вижу, не теряешь веры в свою магию, – сказала Ашелия. – Такое под силу не каждому.

– Простейшие двеомеры, – пояснил волшебник. – Не стоит забрасывать колдовство насовсем. А иначе, когда Узор восстановится, мы позабудем всё своё мастерство.

– Если восстановится, – поправила его Ашелия.

Маг пожал плечами, признавая истину.

– А если нет, мы должны будем адаптироваться к той магии, что останется, или к тому, чем она станет. Я каждый день по много раз прибегаю к чарам. Магия видоизменяется, и я буду наблюдать и делать выводы, и тогда мои менее отважные коллеги останутся далеко позади меня.

– И Аддадэрбер завладеет миром! – вставила Ашелия с ухмылкой. – Или как минимум Долиной Ледяных Ветров. А достоин ли ты такого королевства, чаровник?

– Разве я сотворил что-то злостное, чтобы быть достойным? – парировал маг.

– У меня пальцы заоченели. Мне трудно держать его, – заныл Латан, шлёпнув по руке топором.

– Тогда давай мне, – не замедлил ответить идущий следом Спрэган, однако получил лишь сердитый взгляд.

– Я старше. Лучше хворост собир... – Латан оборвал реплику, заметив, что Спрэгана за ним больше нет. Он стоял один на тропе, которая казалась вовсе не такой, какой была только что. Повернувшись снова вперёд, он увидел густые заросли деревьев, перед которыми тропа резко обрывалась.

– Спрэган! – позвал юноша. Он сделал несколько быстрых шагов в сторону, затем вернулся и затрусил туда, откуда они шли.

– Спрэган!

– Чего тебе? – отозвался голос справа. Юноша появился так неожиданно, что Латан едва не угодил в него топором. – В чём дело?

Латан потряс головой.

– Быстро нарубим дров и убираемся отсюда.

Спрэган посмотрел на него так, будто не понимал, о чём говорит его друг, однако пожал плечами и указал на ближайший склон, где под старыми деревьями валялось несколько ветвей.

– Хворост, – сказал он, указав на склон.

Латан глубоко вздохнул и мысленно выругал себя за беспричинный приступ трусости, проявленный перед младшим товарищем. Преисполнившись мрачной решимости, он крепче сжал в руках топор и двинулся к ближайшему молодому вязу, решив, что небольшая разминка поможет унять приступ предательский тревоги.

На ходу он ухватил топор обеими руками, пытаясь изгнать холод из замёрзших конечностей. Приблизившись к дереву, он пожелал убедиться, что Спрэган стоит там, где стоял, и повернулся.

Но никого не увидел. Он даже не смог найти склон холма, на который указывал товарищ, хотя прошёл всего несколько шагов.

Латан сжал топор крепче.

Спрэган, в свою очередь, не испытывал ни малейшей тревоги. Он гарцевал среди густых зарослей подлеска и петлял мимо диких цветов, собирая мелкие сухие ветки. После трудного и долгого дня у него разыгрался нешуточный аппетит. Он то и дело облизывал губы, предвкушая во рту нежную мякоть форели.

Наклонившись к кустарнику и взявшись за старую сухую ветку, он быстро смекнул, что теперь задание практически выполнено. Он приставил ветку к стволу дерева и ногой ударил по центру, разломив её надвое, после чего поднял с земли одну половинку, чтобы сломать её снова.

И замер в полунаклоне, увидев, что находится не один.

Её улыбка была яркой и лучезарной, как у маленькой девочки. Стоило ей слегка трянуть головой, как на девчачьих плечах всколыхнулись длинные рыжие локоны. Внимание привлекало и одетое на ней платье, поскольку для холодных ветров Долины оно явно было ни к месту. Многочисленные оборки и белый цвет делали его похожим скорее на наряд для торжественных баллов Брин Шандера, нежели на одежду для лесных прогулок. Даже чёрный плащ, охватывавший её плечи, был предназначен скорее для красоты, чем для сохранения тепла.

– Что ты здесь делаешь? Кто ты? – пролепетал Спрэган.

Девчушка улыбалась и рассматривала юношу.

– Ты здесь живёшь?

Она хихикнула и юркнула за дерево.

Спрэган бросил ветку и кинулся за ней, однако, заглянув за ствол, никого не увидел.

Она стояла за ним! Он почувствовал это, даже не оборачиваясь.

Он скакнул вперёд и резко развернулся.

Это была она... и в то же время не она. Та, что стояла перед ним сейчас, была, по меньшей мере, одного с ним возраста.

При виде её он потерял дар речи. Должно быть, перед ним стояла старшая сестра ребёнка, которого он видел только что: такая же лучезарная улыбка, каскад рыжих волос и голубые глаза – настолько голубые, что в них, казалось, можно было утонуть. И всё же, она не была старшей сестрой, заключил Спрэган. Перед ним стояла та же самая девочка, только старше, одетая в точно такое же платье. Смущённый юноша протянул к ней руку.

Которая прошла сквозь незнакомку, потому что та исчезла, растворившись в воздухе.

Неожиданно раздавшееся хихиканье заставило юношу обернуться, и он снова увидел её; теперь ей снова было не больше восьми.

Но тут она снова исчезла. Услышав за собой женский смех, он обернулся снова и увидел её, только не девочку, а ослепительно красивую женщину в возрасте его матери.

И снова маленькая девочка... подросток... снова ребёнок... теперь уже женщина... старуха... Они появлялись одна за другой со всех сторон, смеясь – над ним! – и заставляя вертеться волчком. Бедняга Спрэган прыгнул в сторону, вырываясь из хохочущего круга, и, оступившись, побежал вниз со склона.

Он слышал вокруг пение сладких меланхоличных голосов, которые обуяли его шквалом эмоций. Он пытался прибавить скорость, но снова оступился и врезался в дерево. Схватившись за него руками, он использовал инерцию бега, чтобы повернуть в сторону.

И снова оказался перед ней – женщиной лет двадцати пяти на вид. Она больше не пела и не улыбалась. Лицо её было напряжено и сосредоточено. Спрэган хотел было отпрянуть назад, но ноги не слушались.

Женщина тяжело дышала, руки поднимались в стороны, а фигура начала расплываться и воздух вокруг неё начал мерцать неизвестно откуда взявшейся энергией.

Её волосы сильно развевались – как и платье – словно от встречного потока, хотя никакого ветра не было. Она возвышалась перед ним... но нет, не от того, что была высокой, с ужасом осознал Спрэган! Она парила в воздухе! Вокруг неё вспыхнуло фиолетовое пламя, глаза закатились вверх, обнажив белки.

Спрэган издал крик ужаса, когда его окутал поток воздуха и швырнул на землю.

– Кто ты? – завизжал он, поднимаясь на колени.

Новый порыв ветра осыпал его артиллерией из сухих веток и песка, который попал в глаза. Сопrotивляясь потоку воздуха, он встал и поднял голову.

Она по-прежнему парила в воздухе, с трепещущими волосами, окружённая пляшущим пламенем.

Но вдруг снова превратилась в девочку, однако теперь её вид ужасал ещё больше – белки глаз стали синими, а рот широко раскрылся, издав злобное шипение.

Спрэган шмыгнул мимо, но она порхнула в его сторону, слегка касаясь земли. Порыв ветра подхватил юношу и понёс вперёд. Он закричал и попытался пригнуться, но не успел.

Хотя ему и удалось поднять руку, она мало защитила от низкой ветки. Он врезался в неё со всей силы и упал на спину.

Земля под ним вибрировала от музыки, словно биение сердца, а воздух был заполнен пением женщины.

«Призрак, баньши»... замелькали слова в голове юноши. Однако чем бы это ни было, кем бы она ни была, он понял, что обречён. Несмотря на головокружение и сломанный нос, заполнявшую рот кровь и туманящие зрение слёзы, он поднялся и попытался бежать.

Но она подстерегала его на каждом повороте, принимая то облик девочки, то старухи.

И всё же она была красивой. Страшно красивой.

Латан зажал топор между ног, поплевал на ладони и крепко схватил рукоять. Он издал низкий рык и замахнулся с правого плеча, нацеливая первый удар на

молодой вяз, но был вынужден остановиться, когда топор задел ветвь растущей рядом сосны.

Латан удивлённо взглянул на дерево, недоумевая, как мог его не заметить. Пожав плечами, он шагнул в сторону и вновь сделал замах.

Едва он начал движение, как его ударило внезапным порывом ветра. Сосна качнулась, и топор прошёл сквозь покрытую иголками ветку. Инерция удара не дала юноше вовремя остановить движение, и топор вошёл в древесину, крепко застряв в ней.

– Что за...? – начал было юный рыбак и повернулся, чтобы осмотреть дерево.

Ветер задул сильнее, и сосна принялась раскачиваться столь же яростно, что и светлые волосы Латана.

Он упрямо потянул на себя топор, но дерево не отпускало.

– Отдай, – рыкнул он напряжённо, и сильным рывком выдернул топор. Не дожидаясь, когда начнётся новый порыв ветра, он повернулся в сторону вяза и замахнулся снова.

Но дерево оказалось проворнее. Согнувшись вниз и в сторону, ветка со свистом стрельнула мимо него. Латан попытался закончить движение, но вдруг что-то подкосило его ноги и швырнуло лицом на землю. Топор вырвало из рук. Ветвь качнулась назад, зацепив Латана. Тот отчаянно цеплялся за землю, пытаясь помешать ветви тащить себя.

Наконец, он остановился и перекатился вбок, пытаясь высвободить ногу.

Ветер стих так же внезапно, как начался, и Латан принял это как хороший знак – но лишь до того момента, когда понял, что попался в объятия куда более крупной сосны, низко склонившей ветви в его сторону.

Ему удалось набрать в грудь воздуха прежде, чем ветвь схватила его на обратном взмахе. У юноши перехватило дыхание, он съёжился, думая, что вот-вот разобьётся о ствол или о толстую ветвь, но всякий раз он каким-то чудом пролетал мимо, будто дерево намеренно уклонялось от столкновения.

Пущенный веткой, словно из катапульты, он вылетел из леса, пролетев над Обходным, который, разинув рот, проводил его взглядом. Юноша пролетел над лодкой, миновал пирс и с громким всплеском упал в озеро.

– Ашелия! Маг! – крикнул Обходной, рванувшись к лодке, чтобы схватить верёвку или что-нибудь, что можно было бы бросить юноше, барахтающемуся в воде в десяти метрах от причала.

Женщина с волшебником выбежали из домика как раз в тот момент, когда над их головами пролетал второй снаряд. Этот летел выше и дальше – им оказался топор дровосека, – и упал в озеро в добрых тридцати метрах от причала.

Первый бросок Обходного оказался точным, однако ему пришлось повозиться, прежде чем вытащить трясущегося и напуганного Латана из ледяной воды.

– Несите его в дом, пока у него пальцы не отвалились! – скомандовала Ашелия.

– Спрэган! Где Спрэган? – кричал Аддадэрбер на стонущего юнгу.

Они поволокли его с дока, и прежде чем успели добраться до домика, Аддадэрбер получил ответ на свой вопрос. Из леса с плачем и криком, размахивая руками, словно его окружал пчелиный рой, выметнулся Спрэган. Лицо было иссечено и залито кровью, куртка порвана, одного башмака не доставало.

Он упал на землю – очевидно уже не в первый раз, – и к нему подоспел Обходной.

Спрэгган завизжал и попытался бежать.

Следопыт выкрикнул его имя, придав голосу успокаивающий тон. Он пытался коснуться юноши, сделав вид, что тому ничто не угрожает, но Спрэгган взвыл громче и метался, будто сражаясь на смерть с демонической ордой. Он попытался убежать, но споткнулся о свою же ногу и рухнул наземь. К нему тут же подоспел Обходной, взяв юношу в мастерский захват, склонился к его уху и зашептал слова утешения.

Но если даже мальчишка и слышал его, то виду не показывал и снова начал стенать.

– Она съест меня! Она съест меня! – снова и снова повторял он.

Обходной оглянулся в сторону тёмного леса, затем поджал ноги и рывком поднял себя и юношу, однако захват не ослабил.

Силы мужчин были неравны, и полуэльф легко оторвал Спрэггана от земли, чтобы тот не смог упираться в неё ногами.

К тому моменту молодой юнга совсем обмяк, и тихо всхлипывал, то и дело нащёптывая, что не хочет умирать.

Вскоре Аддадэрбер и Обходной стояли уже возле хижины, глядя на лес.

За их спинами через воды Лэк Диннешера солнце протянуло свои длинные лучи.

– На твоём лице скорее интерес, чем тревога, волшебник, – отметил Обходной после долгой паузы.

– Магия, – ответил чародей. – Много магии.

– Я тоже её почувствовал, когда мы прибыли, – согласился следопыт. – Знаешь, как называется это место?

– Разве у него есть имя?

– Да, и знают его только варварские племена, – пояснил эльф. – Они называли его Ируладун давным-давно, когда ещё не было Десяти Городов, а Долину всюду населяли эльфы.

– Впервые слышу это слово.

– Это древнее эльфийское слово, переводится как «место без времени». Думаю, варвары считали имя уместным, потому что долгоживущие эльфы не проявляют внешних признаков старения.

– Спрэгган говорил о какой-то девочке, женщине, которая была одновременно молодой и старой. Может ли быть так, что в имени «Ируладун» сокрыто больше, чем эльфы втемяшили в головы примитивным варварам?

– Ты наверно хочешь об этом узнать, – подметил Обходной.

– Я посвятил всю жизнь Искусству, – ответил Аддадэрбер. – Это моя религия, моя надежда, и это гораздо больше, чем может предложить наше жалкое краткое бытие. И я, подобно многим своим коллегам, был свидетелем, как рухнуло всё, чем мы так дорожили. А теперь стою перед местом магии – и говорю об этом с уверенностью. Скрывает ли оно ответы? Надежду? Я не знаю, но уверен, что судьбою мне предназначено это выяснить.

– Этот лес не жалует гостей, – напомнил ему Обходной.

Маг кивнул.

– У меня есть заклинание, которое позволит мне войти. Я боюсь его применять, но сделаю это. А ты, конечно, сможешь войти в Ируладун и так.

Полуэльф кивнул и, ухмыльнувшись, натянул капюшон.

– Может, подождать до утра? – предложил волшебник.

– Я предпочитаю темноту, – ответил эльф, подмигнув голубым глазом.

Следопыт с осторожностью двинулся к деревьям. Достигнув опушки, он на мгновение остановился, затем кивнул и исчез в чаще.

Аддадэрбер наложил на себя слабое заклинание и украдкой осмотрел тени, убеждаясь, что чары сработали и он может различать предметы в темноте. Затем он остановился и приготовил более сильный, хоть и более опасный, двеомер. Не так давно это заклинание было для волшебника пустяковым делом, но с приходом Магической чумы он не решался применять его. Повсюду на Фаэруне ходили молвы о чародеях, навсегда запечатавших себя внутри собственных заклинаний, и Аддадэрбер находил такую перспективу отнюдь не привлекательной.

Лес манил к себе, суля откровение. Маг выдохнул, отменяя все сомнения, и перешёл к заклинанию. Пасуя руками, он истошно произносил нараспев слова, вкладывая всю силу в двеомер и стараясь не забывать о потенциальных последствиях неудачи.

Он почернел с головы до пят. Не приобрёл тёмный оттенок, нет! Он стал абсолютно чёрным, став почти безразмерным на монотонном фоне. И плоским, как пергаментная бумага, как покинувший тело дух.

Будучи в нематериальной форме, Аддадэрбер не дышал, но даже если и дышал, делал он это практически незаметно. Обходной осторожно скрылся в чаще, но волшебник в подобной осмотрительности не нуждался. Не в этом образе, по крайней мере, где он мог тихо скользнуть незаметным из тени в тень.

Аддадэрбер воспарил вверх, словно лист бумаги, подхваченный лёгким бризом, и поднялся над кронами деревьев.

Пролетая над Обходным, он почувствовал его присутствие: тот сначала крался, потом замер и принялся, осмотрелся вокруг, но так и не заметил присутствия Аддадэрбера. С завидной скоростью магу удалось облететь Ируладун по всему периметру ещё до первых признаков зари и вернуться на то самое место, откуда он вошёл в лес. Затем он углубился в чащу дальше. Он следовал бесшумно, сливаясь с ночным мраком, его маршрут был обусловлен внутренними инстинктами.

Маг оживился, стоило ему достичь гребня холма – там, в отдалении, он увидел лагерь. Приблизившись, он заметил, что лагерь располагается на берегу маленького пруда.

По дальней стороне лагеря возвышался земляной курган, в основании которого виднелась круглая дверь – подобные жилища маг видел в селениях полуросликов. Поэтому он не был удивлён, когда из-за домика лёгкой походкой вышел русоволосый курчавый полурослик. В одной руке он держал перекинутую через плечо удочку, пальцы другой руки были заткнуты в красные подтяжки, поддерживавшие его штаны, которые, в свою очередь, служили опорой для весьма солидного брюшка.

Аддадэрбер остановился. Малыш положил удочку на раздвоенную палку, воткнутую у берега, хотя саму удочку пока решил не забрасывать. Вместо этого он вернулся к костерку и собрал треножник, на который повесил объёмистый котелок. Затем он вернулся к пруду, прихватив с собой ведро. По-видимому, на ужин сегодня значилась похлёбка или суп.

Удостоверившись, что всё на своих местах и поблизости никого нет, волшебник закрыл глаза и выпустил двеомер. Несколько мгновений он чувствовал покалывание в теле – оно увеличивалось до привычных трёхмерных пропорций. Маг издал глубокий вздох облегчения.

– Ты зовёшь это место своим домом? – спросил волшебник.

Услышав позади себя голос, полурослик вздрогнул и обернулся, с любопытством оглядывая незнакомца.

– Тебя здесь быть не должно, – сказал он голосом, в котором явно ощущалось волнение. – Это не твоё место.

– Но я здесь, и мне здесь не нравится.

Полурослик дёрнул головой, словно обеспокоенный тоном волшебника, хотя

виду старался не показывать.

– Ты знаешь, кто я?

Он замотал головой.

– Я Аддадэрбер Молниеносный.

Малыш пожал плечами.

– Верховный маг Казр-Диневаля, могущественнейший волшебник Долины Ледяных Ветров, – провозгласил Аддадэрбер.

Видимо, сказанное всё же пробудило толику интереса полурослика. Его рот приоткрылся, с недоверием произнеся:

– Долины Ледяных Ветров...

– Могущественнейший! – многозначительно добавил волшебник.

На лице полурослика появилась хитрая улыбка, и он огляделся.

– Сомневаюсь.

– Поэтому я здесь. Лес, который ты называешь домом, плохо обошёлся с парочкой моих друзей. Или это был некий маг. В весьма грубой форме они были выдворены из леса магией.

– Они не местные.

– Да неужели!

– Всё ради твоего же, и их, блага, – пояснил полурослик. – Гостям здесь не место. Вам лучше уйти.

– Не серди меня, малыш. Вряд ли тебе понравится Аддадэрбер в гневе. Я уйду, когда посчитаю...

Не успел он закончить мысль, как из воды возле берега выпрыгнула большая рыбина и взмахнула хвостом, окатив волшебника фонтаном брызг.

Тот сердито глянул на воду, затем на малыша.

– Наглец!

Последовал второй душ брызг, затем третий.

– Нет, – залился хохотом полурослик. – Я тут не причём. Рыбы меня не понимают. Будь это так, мне бы удочка не понадобилась.

– Ты испытываешь моё терпение, – сказал Аддадэрбер, и снова получил порцию водяных капель. Он глубоко вдохнул и попытался взять себя в руки. Были вещи, о которых он хотел знать, и сделать это он хотел совсем не воинственным способом.

– Кто ты? – спросил он уже спокойно.

Полурослик пожал плечами.

– Как давно ты живёшь в Ируладуне?

– Ируладуне?

– Ну, здесь. Давно?

Тот снова пожал плечами.

– Время для меня мало значит. Месяцы, может, годы.... Не знаю.

– И чем ты занимаешься?

– Рыбу ловлю. Ещё лепкой занимаюсь. Интересуюсь резьбой на раковинах?

– он повернулся и указал на круглую дверь своего жилища.

Волшебника снова окатило брызгами.

– И передай лесу, чтобы обходился с гостями как подобает, – сказал Аддадэрбер, что вызвало очередной приступ хохота у полурослика и очередную порцию прохладного душа. Маг угрожающе указал на собеседника пальцем и шагнул вперёд. – И не смейся надо мной.

К его удивлению, малыш и не думал податься назад. Он остался там, где стоял, пялясь на мага и мотая головой. Обычно, после того как Аддадэрбер произносил подобные заявления, матери забирали своих детей с улиц, а закалённые воины сотрясались мелкой дрожью. А тут, надо же, неслыханное дело! – дерзкий карлик

пялился на него, выказывая что-то, похожее на жалость. Терпению мага пришёл конец.

– Ты, ничтожный муравей! Я могу стереть тебя в пепел одной силой мысли.

Полурослик посмотрел в сторону озера, вздохнул и вернулся взглядом к Аддадэрберу, приложив палец к губам.

– Ш-ш! – прошипел он.

– Что? – не понял Аддадэрбер и тоже повернулся в сторону пруда, и выпучил глаза. Там, у самого берега, вода вспенилась широким кругом, сначала тихо, затем всё громче и громче, пока не превратилась в растущий водоворот.

– Тебе действительно пора уходить.

– Я пришёл, чтобы получить ответы, – ответил волшебник, отчаянно пытаюсь не выдавать в голосе страх. – Мир взбудоражен, магия больна. Моя богиня не внемлет мне.

– Боюсь, я знаю об этом больше, чем когда-либо доведётся тебе, – ответил полурослик.

– Значит, ты должен мне всё рассказать.

– Уходи. Ради твоего же блага, волшебник, оставь это место и не возвращайся.

– Нет! – взвизгнул Аддадэрбер, перекрикивая нарастающий грохот kloкочущей воды. – Довольно твоих игр и уловок. Я получу свои ответы!

И в тот же самый момент получил-таки, когда резкий невидимый порыв ударил его вбок, сорвав и унеся далеко его шляпу. Вслед за шляпой отправился и сам волшебник, беспомощно махая руками и ногами. Он неуклюже упал в край водоворота и тут же был подхвачен мощным течением. Его несло по кругу, а он тщетно барахтался в воде, пытаюсь вырваться из воронки.

Он крикнул полурослику, который стоял на берегу, засунув большие пальцы рук под подтяжки. Взгляд его глаз был смиренным и сочувствующим.

Неуклонный поток погружал Аддадэрбера всё ниже и ниже. Заработав головокружение и потеряв ориентацию в пространстве и силу в конечностях, больше маг сопротивляться силе стихии не мог, и ушёл головой под воду. Но тут же вынырнул, однако успел лишь изрыгнуть булькающее от попавшей в рот воды проклятие в адрес карлика, после чего вновь исчез.

Осталась только шляпа. Головной убор мага покачивался на затихающей ряби пруда, отдавая сочувственный поклон канувшему в воду хозяину.

Полурослик взял с рогадины удочку. Он всегда гордился своим умением ловко закидывать леску.

Обходной крался среди деревьев, с каждым шагом осознавая всё больше, какие скрытые опасности таит в себе лес. Он не появлялся в Ируладуне больше года, и видел, насколько место изменилось за это время. Год назад это был сосновый лес, пытающийся укорениться в суровом климате Долины, с редкой растительностью и коротким сезоном цветения. Но теперь лес был совсем другим. Полуэльф чувствовал это. Пульсацию жизни трудно было не замечать; воздух наполняли цвета, запахи и звуки, похожие на биение сердца; ощущения и вибрации под ногами создавали эффект присутствия животворящей природы. Во всём этом чувствовалась некая божественная энергия, которая трепетала и звенела вокруг.

Солнце село за горизонт, лес окутала тьма, однако полуэльф не боялся этого места. Его руки не скользнули вниз к рукояткам заткнутых в ножны меча и кинжала.

Биение сердца, напоминающее скорее музыку, возрастало. Обходной

чувствовал силу, словно приближался к её источнику.

– Волшебник, ты где? – шепнул он в пустоту.

В лесу стало неестественно тихо, Обходной затаил дыхание.

И тут он увидел её. Неподалёку среди деревьев беззаботно танцевала женщина в белом платье и накинутом поверх чёрным плаще.

Подчиняясь порыву, он двинулся к ней и лёг на мшистый берег у стволов сосен, глядя на небольшой луг, где босоногая ведьма исполняла танец на фоне звёздного света.

В тот миг Обходной вспылал к ней любовью. Ещё никогда в своей жизни не видел он столь прекрасной и грациозной женщины. Он не смел даже моргнуть, не желая даже на мгновение расстаться с восхитительным зрелищем. Он хотел, чтобы это не кончалось, хотел всей душой.

Она кружилась в танце и пела, её голос был песней Ируладуна. Она была чародейкой, которая зачаровала лес, Обходной был в этом уверен. Или богиней... И эта мысль заставила следопыта вновь затаить дыхание. Его руки затряслись и стали скользкими от пота, и никто из тех, кто знал Обходного, никогда не видел его в таком состоянии.

Женщина прекратила танец и замолчала, откинула назад закрывающие лицо пышные рыжие пряди, обнажив глаза столь голубые, что их блеск, казалось, слегка рассеял ночной мрак.

Обходной в растерянности ёрзнул. Он знал, что фактически женщина не могла его видеть, и всё же не сомневался, что смотрит она прямо на него. Ему пришло в голову, что сейчас как раз удобный момент, чтобы представиться и объясниться.

Но сдвинуться с места он не смог. Он дал себе мысленную команду встать, но ноги не послушались. Он хотел было обратиться к ней, но рот отказывался подчиняться.

Она улыбнулась и покачала головой, после чего снова возобновила танец, кружась всё быстрее и быстрее, пока не превратилась в смазанный силуэт из порхающих складок одежды. Затем она стала подниматься вверх, словно ступала по сотканной из звёздного света лестнице... и исчезла.

Её нигде не было видно. Хотя, не было её лишь на лугу, но из мыслей Обходного она никуда не делась. Перед глазами полуэльфа по-прежнему витал её образ, с которым он отчаянно не желал расставаться.

Не желал ни за что на свете. Глаза отказывались смотреть куда-либо ещё, только на неё – и готовы были смотреть неотрывно. В этом танцующем создании, будь то ведьме, призраке или богине, Обходной узрел безукоризненность самой матери-природы.

Ему удалось пролепетать имя «Миеликки», и вдруг он понял, что больше уже не лежит на земле, а стоит на ногах.

Затем он увидел её снова, не то в мыслях, не то наяву – он так и не понял – танцующей под звездами.

Аддадэрбер вынырнул с большим всплеском, открыв рот и набирая в грудь воздух. Лёгкие обжигало, и он судорожно продолжал глотать воздух. Далеко не сразу он услышал голос Ашелии, которая кричала ему с берега у пристани, находясь от него всего в нескольких метрах.

Маг с трудом побрёл к берегу, дрожа от страха и от холода.

– Во имя Девяти кругов, как... – начала было женщина.

Волшебник покачал головой, вспоминая водоворот и заполненный водой туннель, который вынес его из Ируладуна прямо в маленькую лагуну. Человек, способный летать в воздухе, превращать врагов в жаб и создавать огонь и молнии из воздуха, не находил слов объяснить происходящее.

– Ну, что ты узнал? – спросила Ашелия, помогая волшебнику выбраться на сушу.

Но Аддадэрбер лишь тряс головой и отплёвывался.

Почти в тот же самый миг из леса вышел Обходной. Походка полуэльфа была лёгкой, глаза стеклянными, а сам он, казалось, не узнавал товарищей и не замечал ничего вокруг.

– Обходной! – крикнула Ашелия, и ринулась к следопыту, оставив волшебника.

Он посмотрел на неё так, словно не понимал, в чём, собственно, причина её волнений. Затем полуэльф оглянулся вокруг, окинул глазами хижину, озеро, пристань и привязанный к ней «Погост Ларсон». Лицо озадаченно скривилось, и он пожал плечами.

– Я подвергся нападению, – заявил Аддадэрбер, устремившись к паре. – Я сожгу этот лес дотла!

– Поднеси к нему хоть спичку или вякни хоть одно заклинание, и ты труп, – произнёс Обходной.

Ашелия с Аддадэрбером разинули рты.

– Следопыт! – одёрнула его женщина.

– Придётся покинуть это место, – сказал полуэльф, ни капли не смутившись только что произнесённой угрозы.

– Мы отбываем ранним утром.

– Мы отбываем сейчас, – поправил её следопыт.

– Мы? Я думаю, тебе следует остаться, – сказал Аддадэрбер, явно смутившись от полученной угрозы. – Тебе и твоим друзьям, которые обитают в лесу.

– Заткнись, маг. – Обходной повернулся к Ашелии. – На Лэк Диннешер, всей командой, и немедленно.

– Спрэган всё ещё не в себе, да и Латан не оправился, – возразила Ашелия.

– Тогда я буду грести и править судном. И Аддадэрбер тоже.

– Что-то ты стал слишком смелым, – угрожающе произнёс маг.

Но Обходной лишь улыбнулся и оглянулся на Ируладун. Он видел её – ведьму, призрак, богиню. В его разуме до сих пор жил её божественный образ, и Аддадэрбер мог засунуть куда угодно свои угрозы – полуэльфа они ничуть не тревожили.

Если конечно старик в самом деле не надумал обратить свой гнев, магию и твердолобость против леса. Обходной улыбнулся, с трудом осознавая то, что творилось у него на душе, ибо он знал, что в этот момент он действительно был готов убить мага.

Вскоре команда отчалила от берега, все облегчённо вздыхали, расставаясь с проклятым лесом.

Кроме Обходного, который знал, что на самом деле он не покидает это место, что взял частичку Ируладуна с собой и будет дорожить ею всю жизнь.

Ибо никогда не позволит он себе забыть танец богини и лестницу, сотканную из звёздного света.

ПУТЬ К ПРАОТЦАМ

Оригинальная публикация
Wizards Of The Coast, 2010

«Путь к праотцам» по сути, являлся частью пролога к «Гонтлгриму». Редактор этой книги, Фил Этанс, предложил создать историю таким образом, чтобы я мог высказаться подробнее, более развернуто представить историю Вульфгара и яснее описать пропущенные десятилетия его насыщенной жизни. Когда я увидел, что смогу создать такую историю, и что оставшиеся в книгах сцены с Вульфгаром оставались значительными и совместимыми с сюжетом, я согласился – по большей части, из-за того, что мы снова направимся к месту, ставшему значимым для меня на этом этапе моего творчества.

Для меня быть писателем означает стоять обнаженным на сцене, в то время как полный людьми зал указывает на все твои недостатки. И так же с Интернетом, где «одетый» народ может в то же время скрываться в тени.

Писатель должен быть честным; ему негде спрятаться, у него нет лоскутка ткани, которым можно скрыть недостатки. Неважно, что ты имел в виду; важно, что ты сказал. Хотя нет. Важно только то, как понимает читатель сказанное тобой, потому как единственным человеком, способным определить отношения между книгой и читателем, является сам читатель книги. Ни автор, ни критик, ни какой-то парень на форуме. Возвращаясь к тому, о чём я упоминал во вступлении к «Ируладуну», я – писатель, и в то же время читатель, и это мой внутренний диалог.

«Путь к праотцам» – это важный эпизод личного, духовного путешествия. Теперь вопросы о существовании рая, Ируладуна, становятся ещё мучительнее и запутаннее. Я призываю вас, моих читателей, увидеть Ируладун в новом свете. Вместо того, чтобы спрашивать «Ты что делаешь, Боб?», спросите самих себя о смысле этого понятия, касающегося героев, ставших для вас друзьями. И примите во внимание время, которое прошло для Вульфгара, время, проведенное в абсолютно другой, богатой жизни.

Что же должен думать старый варвар о пугающем откровении, которое откроется ему в этой истории?

И вместо того, чтобы обдумывать (или беспокоиться, или сходить с ума от попыток понять), по сути, скрытый смысл этих событий в более обширной истории «Легенд о Дриззте», попытайтесь смотреть на это глазами участвующих в этих событиях героев.

Почему я даю такой совет? Потому, что если вы действительно посмотрите на всё это глазами Вульфгара или любого другого из главных героев, то вопросы, которые вы зададите себе, будут намного важнее, чем вопросы о причастности к этому Дриззта До'Урдена. На мой взгляд, так будет правильно, и с этой точки зрения я даже не берусь рассматривать эту историю как часть основной сюжетной линии.

Основная сюжетная линия не значила ничего для меня, когда я писал историю о Вульфгаре. Конечно, это необходимое дополнение к истории отряда из Мифрилового Зала. Здесь Вульфгар – мой объект исследования. Это не какой-то неожиданный трюк, это путешествие, заставившее меня задуматься над важными жизненными вопросами. Возможно, вопросами, на которых не дано ответов. Или, может быть, мне просто надо больше писать.

ПУТЬ К ПРАОТЦАМ

(перевод – Noren Thel)

Вульфгар быть неподвластен возрасту, как никто другой за последние времена. Некоторые считали, что здесь имела место магия воспитавших его дварфов. Другие поговаривали, что практически все легендарные вожди были известны своей долгой и плодотворной жизнью. Какой бы ни была тому причина, Вульфгар не уступал другим воинам в охоте и многих битвах, и никто не посмел бы сказать, что пришло время вождю испустить дух.

Но настали необычные времена для Племени Лося, и всё чаще риск был высок.

– Если бы не Вульфгар, нас бы не взяли на охоту, – Канауфа напомнила Брэйлин, стоя у границы лагеря Племени Лося.

– Многим эта идея не по душе, – возразила Брэйлин. – Гибель мужчины не так ослабляет племя, как гибель женщины. Один мужчина способен обрюхатить много чрев, чего не скажешь про женщин.

– Тем не менее, ты не отказалась от охоты.

Судя по лицу Брэйлин, реплика поставила её в тупик.

– Говорят, он научился этому у эльфов, – продолжала Канауфа. – Там пол не играет роли.

– Или у дварфов, – добавила Брэйлин, – у которых с женщинами вообще беда.

Обе замолчали и проследили взглядом за расходившимся советом племени.

Совет принял решение направиться к северо-западу. Хотя карибу ещё не покинули предгорья Хребта Мира, в этой местности развелось слишком много чудовищ. К тому же, как стало известно, неподалеку в ущелье рыскало племя орков. Другие племена уже начали зимнее переселение, оставляя Племя Лося одиноким и беззащитным.

В этом году снег пришёл рано. Для племен варваров, странствующих по тундре Долины Ледяного Ветра, это всегда было не к добру. Из-за снежных буранов йети были вынуждены спускаться с гор, из-за чего сильно редели стада карибу, ещё не успевшие начать долгое путешествие через тундру к морю.

Для варваров это означало нехватку запасов и постоянную опасность.

Оставалось сделать выбор – кто отправится на последнюю охоту, что, в свою очередь решало, кто больше не сможет делить с племенем последние запасы еды.

– Одно дело взять на охоту женщину, и другое – старика, – возразила Брэйлин. – Какой от него прок? Одни хлопоты.

– Нет уж, – резко перебила её Канауфа. – Старик не будет обузой. Вульфгар этого не допустит! Он на носилки не ляжет, даже если сгниют ноги. Скорее прикажет бросить его умирать.

Она фыркнула и продолжила:

– И, насколько я знаю Вульфгара, он не станет объедать голодающее племя.

Брэйлин вздохнула.

– Для меня была бы честь идти рядом с ним, – добавила Канауфа.

– Ты не можешь так поступить! – заявил Бренорсон.

– Не тебе за меня решать, сын мой, – спокойно напомнил ему Вульфгар.

– Я Вождь!

– А я твой отец, – сказал Вульфгар, – и дед твоих детей.

– Ты заставляешь меня приговорить тебя к смерти! Как я объясню это моим сёстрам, моим детям, внукам?

– А Ильфгола и остальных ты тоже приговоришь?

– Это другое! – сказал Бренорсон.

– Потому что они молодые и сильные, а я стар и всё равно умру от холода или когтей чудовищ, так?

Бренорсон облизнул губы. Ему было около сорока лет, и почти десять он управлял Племенем Лося, с тех пор, как умер Киерстаад Быстрый. Тем не менее, он по-прежнему ощущал себя ребёнком рядом этим человеком, Вульфгаром, своим отцом, своим наставником, своим героем. Вульфгару перевалило за шестьдесят, когда он зачал Бренорсона, третьего ребёнка и первого мальчика. Две дочери вышли замуж и стали членами семьи других племён, тем самым, соединив племя Лося с племенами Медведя и Тюленя.

– Не отвечай, – продолжал Вульфгар, – твоя преданность весьма трогательна.

Бренорсон хотел было что-то возразить, но Вульфгар сразу перебил его.

– Да, – признал он, – глаза тебя не обманывают. Я слабею. В кои-то веки чертоги Темпуса стали шептать о прибытии Вульфгара.

– Нет! – воскликнул Бренорсон.

– Да, – ответил Вульфгар. – Не бойся, я еще не сделал свой последний вдох. Я знаю эти предгорья лучше, чем кто-либо в племени. Я знаю, где найти карибу, пока они готовятся к переходу. Я знаю, как обнаружить следы йети и как избежать встречи с ними – и опять же, лучше любого другого. Если непустишь меня, охотники тебе спасибо не скажут, как и всё племя.

– А если охотники не хотят, чтобы ты с ними шёл, – сказал Бренорсон и вздрогнул, когда слова слетели с губ. Вульфгар вздохнул своей по-прежнему могучей грудью и встал, возвышаясь над сыном. Взгляд ледяных голубых глаз пронзал молодого вождя и заставлял его чувствовать себя пристыженным.

– Ты несёшь обязанности перед племенем, а не перед своей семьёй, – напомнил ему Вульфгар. – Будешь принимать решение, руководствуясь только этим принципом – попадёшь в члены совета.

Бренорсон с трудом сглотнул.

– И попрощаюсь с человеком, которого люблю больше кого бы то ни было?

Вульфгар наклонился и обнял сына – редкая демонстрация нежности среди мужественных варваров. Но Бренорсон не отшатнулся и нисколько не смутился, уткнувшись лицом в крепкое плечо могучего отца.

Наутро Племя Лося покинуло предгорье, оставляя двенадцать человек, в том числе и Вульфгара, охотиться на карибу.

Он знал, что эта болезнь заберёт его жизнь. Его лёгкие были наполнены жидкостью, конечности слабели, в теле бушевал страшный пожар. О грядущей смерти Вульфгар не горевал; разве может человек, проживший такую жизнь, желать чего-то ещё? Прошло десять дней с того момента, как ушло Племя Лося, оставив позади охотников для исполнения их важнейшего задания: находить карибу и посылать припасы, пока стадо будет в распоряжении охотников. Их было мало, и слабеющий от лихорадки Вульфгар не мог их обременять.

И тогда он приказал им выйти из его палатки и покинуть его навечно.

Но он знал, они этого не сделают. Он Вульфгар, сын Беорнегара, легенда

Долины Ледяного Ветра, великий воин, объединивший племена и изменивший их жизнь к лучшему. В отличие от сородичей к югу от Хребта Мира, племена Долины Ледяного Ветра ценили каждого члена племени, мужчин и женщин, как равных друг другу. В отличие от сородичей к югу от Хребта Мира, они могли положиться друг на друга в моменты опасности, и другие племена не могли играть на их слабости и неудачах. В отличие от сородичей к югу от Хребта Мира, племена Долины Ледяного Ветра знали, что могут найти в других поселениях этого края союзников, а не врагов.

Вульфгар сделал это, но не один. Он положил начало процессу, который его потомки выводили на новый уровень. Старший сын управлял Племенем Лося так же справедливо, как Вульфгар десятилетия назад. Старшая дочь стала женой вождя Племени Медведя, а младшая вышла замуж за самого могучего воина Племени Тюленя, проводившего большую часть времени в море Плавающего Льда. Три выживших из четырех ребёнка возвышались над Долиной Ледяного Ветра. Девять внуков выросли сильными и уважаемыми членами разных племён, и теперь второй по старшинству внук готов стать вождём племени Карибу.

Весной у Вульфгара родился четвертый правнук, но отец, увы, так и не увидел малыша.

Он лёг на свою подстилку и почувствовал острую боль.

Удивительно, но к нему пришло ощущение полного покоя, вызванное мыслью о том, что даже без него мир будет существовать, а род его будет продолжаться и процветать.

Шли часы, и он лежал, вспоминая свои приключения, старых добрых друзей, в том числе и одну компанию, которую не видел уже полвека.

– Отряд Мифрилового Зала... – сумел он прошептать дрожащими губами прозвище пяти друзей времён своей юности.

Его жизненный путь завершён. Он задумался, остался ли в живых кто-то из его друзей – Дриззт, и... возможно Бруенор. Он выдохнул и уже приготовился отойти в мир иной, хотя мысль о том, что он умирает в постели, не утешала.

Шум снаружи заставил его позабыть эти мысли. Он услышал разговор двух соплеменников, и одно произнесенное слово «йети» отозвалось глубоко в сердце. Забыв о лихорадке, Вульфгар заставил себя встать.

Шатаясь, он вышел на улицу и почувствовал, как в мышцы вернулась былая уверенность. Расправив плечи, он поднял свой легендарный молот, Клык Защитника.

– Не отклоняйтесь от пути, – велел он собравшимся вокруг воинам, каждый из которых был потрясён уже тем, что Вульфгар нашел силы встать с подстилки. – Разбейте лагерь, пополните запасы и начинайте продвижение на северо-запад.

– Мы не оставим группу Канауфы! – возразил один из них.

– Конечно, нет, – согласился Вульфгар с ухмылкой, – не оставим. Даю слово, что не оставим.

Одни охотники улыбались в ответ, другие кивали, но во взглядах большинства читалось сомнение.

– Вы всегда слушали моё слово. Так послушайте в последний раз.

Разве могли они не послушать? Для них он был бог и величайший воин из всех известных воинов Долины Ледяного Ветра.

На дрожащих ногах он вскарабкался по гладким скользким камням. Не раз оборачивался он к далёкому теперь лагерю, что разбивали варвары. Широкими шагами он продвигался всё дальше, не замедляя шага. Да и как он мог медлить, зная, что его племя в опасности.

Йети, мысленно подтвердил Вульфгар опасения охотников, когда услышал рычание вдали. Этот звук преобразил Вульфгара вновь, словно его захлестнул новый поток энергии, стирая след прошедших лет с ослабевшего с возрастом тела.

– Темпус, – воззвал он хриплым голосом. – Дай мне сил в последний раз!

Быстро карабкаясь по камням, он взобрался на вершину и увидел битву на открытой местности у подножья хребта. Сначала он заметил своего соплеменника, лежащего в луже собственной крови, затем трёх огромных косматых существ, напоминающих медведей, и двух женщин, что сражались спина к спине, отбиваясь от окруживших их чудовищ.

Вульфгар выпрямился во весь рост, по-прежнему превышавший шесть с половиной футов.

– Темпус! – прорычал варвар навстречу северному ветру, напряг свои могучие мышцы и запустил свой магический молот в ближайшее чудовище.

Йети был мёртв ещё прежде, чем его тело коснулось земли.

Вульфгар ринулся вниз. Но теперь это был не старик, но воин, ставший героем на всем пространстве Долины Ледяного Ветра и северных королевств. Взывая к своему богу, он поднял руку и поймал вернувшийся к нему молот. Магическое оружие было подарком дварфа, когда-то ставшего ему отцом и которого он не видел последние пятьдесят лет.

Вульфгар ворвался в ближайшую толпу йети, разбрасывая чудовищ в стороны мощными разрушительными ударами молота. Краем глаза он заметил, что одна из женщин была в опасности, и, несмотря на смертоносные атаки йети, старый варвар метнул с силой молот.

Бросок был точным – он понял это за миг до того, как стоявший рядом йети увидел, что теперь его противник остался безоружным.

Йети атаковал варвара, длинные кривые когти направились к его животу.

Вульфгар схватил зверя за волосы и так резко дёрнул голову назад, что слышал хруст шейных позвонков. Отбросив сильным ударом кулака одного косматого зверя, варвар тут же сломал челюсть другому приближающемуся йети. Враг отшатнулся, и в этот момент к варвару вернулся молот. Теперь расстояние между ним и монстром позволяло сделать замах и разmozжить череп твари.

– Темпус! – взревел он и сделал выпад, вложив в каждый удар всю энергию, которую только мог собрать. Сзади на него прыгнул очередной йети, и вряд ли бы нашёлся человек, сумевший выдержать на своих плечах столь чудовищный вес.

Но таким человеком был Вульфгар, перешедший свой столетний рубеж.

Он почувствовал ужасную боль, когда зверь вгрызся ему в спину, обхватил когтями, и один из них вонзил один в живот варвара.

Вульфгар завертелся и рывком попытался сбросить йети или схватить его и попытаться вырвать его когти.

Но не мог. Короткими шажками он добрался до высокой скалы, где повернулся и сильно ударил спиной об камень. Снова и снова вбивал он его в камень, и во время одного удара другой йети бросился ему в лицо, хватая когтями и кусая.

Сбоку на него бросился третий монстр, и Вульфгар пал на одно колено.

Где-то вдалеке закричала женщина.

От рыка Вульфгара задрожали камни Долины Ледяного Ветра. Упрямый варвар снова поднялся на ноги, поднял одного из йети над землей и раскрутил его с такой силой, что далеко отбросил окружавших его врагов. И не успели они вновь напасть на него, он нанёс удары – один, второй, третий – Клыком Защитника. Вульфгар двинулся вперёд, его длинные волосы развевались по ветру...

Он вновь запустил молот, всего на пару мгновений опередив йети, собирающегося вот-вот перегрызть горло оставшейся в живых женщине.

Не дожидаясь возвращения молота, Вульфгар вклинился между женщиной-воином и йети, разрывая их хватку. Варвар с йети отлетели в сторону и плюхнулись наземь. Монстр царапал когтями, варвар бил кулаками.

Наконец Вульфгару удалось ухватить йети за челюсть, другой рукой вцепиться в густую гриву. Прилагая неимоверные усилия, он дёрнул голову монстра, выворачивая её на бок. Варвар старался не обращать внимания на острую боль, когда йети запустил когти в живот, попав в ту самую рану, что нанесли ему предыдущие противники.

Вульфгар резко дёрнул голову йети назад и, наконец, услышал хруст шейных позвонков. Он отбросил тяжёлую тварь в сторону и, встав на колени, поймал свой молот. Он хотел было подняться на ноги, но понял, что битва уже закончилась. При виде раненых и мёртвых монстров его покинули последние силы. Он надеялся, что спас не одну жизнь, и что пятеро соплеменников, лежащих на земле, не погибнут от тяжёлых ран.

Затем он лёг на спину и стал смотреть на падающий снег и свинцовое серое небо. Перед ним возник образ Брэйлин, женщины-воина, и рядом с ней стояла Канауфа, её соратница. Вульфгар слабо улыбнулся им.

– Теперь отдохни, Великий Вульфгар, – сказала Брэйлин успокаивающим голосом. – Мы заберём тебя домой.

Она повернулась к другим выжившим, но Вульфгар знал правду – его жизнь подходила к неизбежному концу. Он схватил её руку и жестом попросил замолчать. Она удивлённо посмотрела на него, и сдержанная улыбка была ответом на все её вопросы.

– Проверь, живы ли остальные, – прошептал он. Каждое слово отдавалось ужасной болью в ранах, и варвара одолевала слабость.

– Они мертвы, – ответила она.

– Возвращайтесь в лагерь, – приказал он.

– Великий Вульфгар... – прошептала она, глотая слезы.

– Других будешь оплакивать, – сказал он невозмутимым голосом, и разум охватило чувство полного покоя.

Он прекрасно осознал, что именно здесь и сейчас переживает конец своей истории, и ему было приятно думать, что он прожил достойную жизнь.

– Твой каменный курган будет самым величайшим из тех, что когда-либо создавались в Долине Ледяного Ветра, – пообещал Ильфгол. При этих словах варвар почувствовал, как повлажнели его глаза и по щекам потекли струйки слёз.

Вульфгар снова посмотрел на падающий снег, который, судя по всему, обещал превратиться в сильную метель. Он понимал, что погребальный костер будет только символическим. Так же как и многие другие воины, он останется во власти зимы и безжалостных снегов Долины Ледяного Ветра.

Собрав последние силы, он протянул Клык Защитника Брэйлин.

– Он не должен достаться гоблинам, – сказал он, – так же как и народу Десяти Городов или дварфам, подарившим мне его. Он будет принадлежать только племени, только самому достойному воину.

– Брэйлин. Да будет так, – сказал Ильфгол, и Канауфа кивнула в знак согласия.

Однако Брэйлин была против.

– Он будет принадлежать Бренерсону, – убеждала она Вульфгара, и великий герой улыбнулся.

Соплеменники пожали руку варвара, затем каждый низко наклонился, чтобы поцеловать его и поблагодарить за всё.

А потом они ушли, и Вульфгар позволил себе воззвать к смерти, приглашая забрать своё истерзанное тело.

И она пришла. А вместе с ней приятная и манящая музыка. Удивлённый варвар не мог понять, в своей ли он находится телесной оболочке или стал духом, но тем не менее, он начал пробираться сквозь снег и слякоть. Он не чувствовал холода,

не слышал ветра. Только музыку, вызывающую к нему, заставляющую идти вперёд, хотя не понимал ни где он, ни куда направляется.

Как и не знал, как долго брёл вперёд. Он только заметил, что в конце пути наступала тьма. Озадаченный варвар встал, распрямив плечи, и высоко поднял руки. Он хотел воззвать к своему богу и призвать поскорее покончить с этим и забрать его к себе, но в тот момент заметил удивительный вид, представший пред ним: густой весенний лес, и это было невероятным явлением среди зимы Долины Ледяного Ветра.

Что-то вылетело из леса и ударило варвара в грудь. Ловким движением он поймал предмет, прежде чем он коснулся земли, хотя ему пришлось пасть на колени, растрачивая последние силы.

Дрожащими пальцами он держал перед собой предмет: фигурку женщины, вырезанной из кости. Он вспомнил, что когда-то уже любовался подобной резьбой, эта фигурка была так похожа на чью-то работу, что он когда-то видел.

Слабые пальцы разжались, фигурка упала на землю. Вульфгар опустился на четвереньки. Он двигался с трудом. Несмотря на покидавшие силы, он продолжал ползти к лесу и музыке, и, добравшись наконец до цели, упал в полном изнеможении.

Музыка продолжала звучать во тьме, и Вульфгар наслаждался этими прекрасными звуками, надеясь, что они никогда не закончатся. Спустя какое-то время он открыл глаза – и не мог понять, как долго пролежал в снегу.

– Всю зиму? – спросил себя он, поскольку ощущал тепло и запах цветов, наполняющий воздух.

Колени не болели. Раны на животе зажили. Дыхание было сильным.

Вульфгар поднялся на колени, и не успел взглянуть перед собой, как вдруг услышал голос из далекого-далекого прошлого.

– Добро пожаловать, мой добрый друг! – сказал Реджис из Одинокого леса.

Вульфгар остолбенел и вздрогнул когда понял, что пред ним стоял самый настоящий Реджис на тропинке, которая петляла между постелями из цветов и вела к маленькому пруду. Растения покрывали лёгкие снежинки, но погоду вряд ли можно было назвать зимней.

Вульфгар стоял, выпрямившись во весь рост. Он был выше, чем в последние десятилетия и вновь чувствовал себя сильным, полным энергии. Исчезла и боль в суставах, донимавшая его в последние годы. Ему хотелось задать тысячи вопросов, но мысли путались в голове, и он лишь стоял, не веря своим глазам. И тут появилась она.

Кэтти-бри. Та самая женщина, которую он так любил в своей далёкой молодости. И она выглядела именно так, какой он её запомнил – юная девушка, чуть старше двадцати лет.

– Не может быть... – прошептал варвар и понял, что идёт к ней, слово управляемый магией. Шаги его ускорились, как только девушка, напевая чудесную мелодию, ускользнула в лес. Стоило её скрыться из виду, как он побежал по берегу пруда.

– Вульфгар!! – закричал Реджис так громко и резко, что тот остановился и тут же обернулся.

Краем глаза он заметил в воде своё отражение. Он долго стоял и смотрел в воду, пока не разглядел себя в деталях: свои длинные густые белокурые волосы и лёгкую щетину.

Волосы были светлыми, не седыми. И густыми, а не поредевшими с годами. Волосы молодого мужчины.

Его охватила паника, и он огляделся вокруг.

Он же был мёртв. Должен был умереть.

Но то, что он видел вокруг, не было чертогами Темпуса.

«К О Н Е Ц»

Регистрируйтесь на нашем сайте **abeir-toril.ru** и форуме **shadowdale.ru** — новые книги вас будут ждать только там.

Спасибо!